

А. ПАЗУХИНЪ.

ВЪ ТѢНИ ТОПОЛЕЙ.

РОМАНЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

М. ЛАМБЕРТЪ и Ко.

МОСКВА.

А. П. Савин

ИЗДАНИЕ
М. ЛАМБЕРТЪ и Ко.

R 434
913

А. ПАЗУХИНЪ.

ВЪ ТѢНИ ТОПОЛЕЙ.

РОМАНЪ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

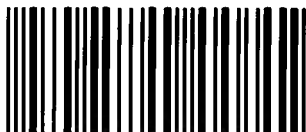
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

М. ЛАМБЕРТЪ и Ко.

МОСКВА.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

1777-67

2007054479

МОСКВА.

ТИПОГРАФИЯ И ПЕРЕПЛЕТНАЯ Г. ЛАМБЕРТЪ И КО.
СЕРЕБРЯНИЧЕСКАЯ НАБЕРЕЖНАЯ, ДОМЪ № 23А.

I.

Въ ясный, весенній день, часу въ четвертомъ, на Дорогомиловскій мостъ со стороны Москвы въѣхала щегольская маленькая коляска, запряженная парю свѣтло - буланыхъ съ подстриженными гривами лошадей въ шорахъ.

Высритый на англійскій ладъ, въ цилиндрѣ, въ штиблетахъ, въ гороховой съ коротенькимъ капюшономъ ливреѣ кучеръ сдержалъ горячую буланую пару и поѣхалъ шагомъ.

— Пройдемся по мосту пѣшкомъ, Поль,— обратилась къ своему спутнику сидящая въ коляскѣ хорошенъкая молодая женщина, брюнетка, съ блѣднымъ, матовымъ личикомъ, на которое падала тѣнь отъ большой шляпы.

Спутникъ ея, высокій шатенъ съ подстриженной бородкою, въ сѣромъ пальто и въ мягкой бѣлой шляпѣ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ты боишься, Юлія, ѣхать по мосту?— спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, мой милый, конечно, не боюсь, а мнѣ хочется немного пройтись пѣшкомъ и полюбопытствовать на Москву,—она тутъ очень красива, и есть кругомъ пріятныя, пресимпатичныя уголки...

— А на поѣздъ мы не опоздаемъ?

— Да вѣдь постоимъ одну минутку...

Похожій на англичанина кучеръ красивымъ и сильнымъ жестомъ остановилъ лошадей, оглянулся на сѣдо овъ и сказалъ, что проѣдетъ дальше, такъ какъ стоять на мосту въ виду деиствующихъ въ большомъ количествѣ экипажей неудобно.

Видъ съ Дорогомиловскаго моста можетъ назваться довольно красивымъ видомъ, особенно если смотрѣть справа отъ моста.

Москва-рѣка, не совсѣмъ еще вошедшая въ берега послѣ весенняго разлива, бѣжала свѣтлой извилистой лентою, оставивъ послѣ разлива маленькія блестящія озера по лугамъ и огородамъ.

Виднѣлись довольно красивыя дали съ сверкающими крестами и главами церквей, виднѣлся противоположный берегъ съ какими-то фабриками и заводами, а дальше открывался видъ на поднимающіяся въ гору поля, которыя постепенно образовали ту знаменитую Поклонную гору, съ которой когда-то великій Наполеонъ смотрѣлъ на Москву и на которой ожидалъ „депутации бояръ“.

— Нѣтъ, тутъ очень мило, Поль,—проговорила молодая дама, облокотившись на перила моста и нѣсколько мечтательно смотря въ даль.

— Да ничего, недурно, — лѣнливо согласился ея спутникъ, закуривая сигару. — Ничего, моя милая, а только все это наскучило, надоѣло. Въ нашихъ „Тополькахъ“ куда какъ лучше...

— Да, еще бы!..

Дамочка печально вздохнула, и хорошенькое личико ея задумалось.

— Ахъ, какъ жаль, Поль, что я не могу ѣхать теперь съ тобой... — заговорила она. — Какъ бы я хотѣла въ наши „Топольки“, и вотъ именно теперь съ тобою въ эти счастливые незабвенные дни...

Личико ея еще болѣе затуманилось, и на

длинныхъ черныхъ рѣсницахъ блеснули слезинки.

— Милая Юлія, — успокоительнымъ тономъ обратился къ ней ея спутникъ. — Перестань малодушествовать, вѣдь мы расстаемся на одинъ мѣсяцъ, только на одинъ мѣсяцъ и потомъ еще счастливѣе будемъ отъ этой кратковременной разлуки...

— Да, знаю, но все же очень грустно... Поѣдемъ скорѣе, эти минуты разлуки удлинять не надо... Мнѣ хочется какъ можно скорѣе проводить тебя, вернуться домой, выплакаться, хорошенько выплакаться и уѣхать въ Петроградъ къ дядѣ...

Высокій шатенъ подалъ своей спутницѣ руку, и оба они, быстро пройдя мостъ, сѣли въ коляску и помчались къ вокзалу Брянской желѣзной дороги.

Прошли въ буфетъ перваго класса, сѣли къ столику и спросили бутылку Нарзана.

Неподалеку за столикомъ пили чай два господина купеческой складки. Одинъ изъ нихъ, плотный, упитанный, съ большими свѣтлорусыми усами блондинъ приподнялъ свой котелокъ и почтительно-ласково поклонился высокому шатену.

Тотъ сдѣлалъ ему привѣтственный жестъ рукою и отвѣтилъ на поклонъ, не снимая шляпы.

— Кто такой? — спросилъ у плотнаго блондина его собесѣдникъ, худощавый рыжій коммерсантъ, лѣтъ за сорокъ.

— Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ...

— Баринъ?

— Да... теперь и баринъ, и помѣщикъ... Былъ онъ адвокатомъ... Паренекъ не глупый, рѣчистый, но практика у него была небольшая, потому за гражданскія дѣла онъ почти что не брался, а одними уголовными, да еще вновь, на первыхъ шагахъ сытъ не будешь... Ну, онъ

и голодалъ довольно... Впрочемъ, достоинство свое всегда поддерживалъ, одѣвался у хорошаго портного, бывалъ въ обществѣ, заводилъ нужныя и полезныя знакомства, въ концѣ концовъ точки своей и добился...

— Въ какихъ смыслахъ?

— Женился на богатой и тысячъ, должно быть, четыреста чистоганчикомъ взялъ да еще имѣнья...

— Это коммерція недурная, — замѣтилъ рыжеватый. — Она, что же, купческаго званія или изъ дворянъ?

— Дочь помѣщика, сирота, у тетеньки воспитывалась... А родитель ея былъ въ Москвѣ довольно извѣстнымъ человѣкомъ въ свое время и многіе годы предводителемъ одного изъ уѣздовъ служилъ, а потомъ по земстеу отличался... Умеръ ужъ онъ давно, должно быть лѣтъ пятнадцать. Баринъ былъ этакій умный, аккуратный, родительскаго наслѣдства не только не пропилъ, а даже увеличилъ его, ну и оставилъ единственной дочкѣ состоянницею, а вотъ Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ это состояннице и прибралъ къ ручкамъ.

— Они, что-жь, недавно поженились?

— Да, послѣ Рождества... А вотъ теперь разлучаются...

— Какъ разлучаются?

— Да Павелъ Дмитриевичъ въ имѣніе ѣдетъ, а она въ Питеръ собралась къ своему дядюшкѣ, къ сановнику какому-то... Онъ, видишь ты, тяжело боленъ, человѣкъ ужъ въ очень преклонныхъ лѣтахъ, ну всякія тамъ благодѣянія родителю госпожи Арсаковой оказывалъ, такъ она и ѣдетъ провести съ нимъ послѣдніе дни его...

— Вродѣ какъ бы сестрой милосердія?

— Да, и ради милосердія, а можетъ и ради того, что у сановника-то, говорятъ, „поллимончика“ капитала будетъ...

— Такъ... Онъ, стало быть, отдыхающій отъ дѣлъ своихъ господинъ адвокатъ, еще капиталъ получить?..

— Надо полагать...

Въ буфетѣ появился желѣзнодорожный сторожъ, который, оглушивъ публику отчаяннымъ звонкомъ, провозласилъ, что черезъ пять минутъ отходить поѣздъ къ Малоярославцу.

— Пора, Юлія, — сказалъ Арсаковъ. — Ты хочешь проводить меня на платформу?

— Да, конечно...

Арсаковъ усмѣхнулся.

— А не лучше ли проститься намъ здѣсь? — спросилъ онъ. — Дальніе проводы, лишнія слезы... Юлія! Бога ради, безъ трагедій, безъ слезъ. Если ты такъ скучаешь, если тебѣ очень тяжело разставаться со мною, такъ я могу поѣхать съ тобою. Вѣдь я не на войну ѣду. Хочешь, я поѣду съ тобою?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Ты былъ боленъ Великимъ постомъ, и тебѣ нуженъ воздухъ, нуженъ лѣсъ, нужны поля, прогулки, парное молоко, купанье, наконецъ, и ты непременно поѣдешь въ „Топольки“...

— Конечно, мой другъ...

Молодая женщина красивымъ жестомъ бросила руки на широкія плечи своего мужа, сквозь слезы улыбнулась, хотѣла что-то сказать, но не могла, заплакала и спрятала лицо на груди мужа.

— Перестань, Юлинька, не малодушествуй, — съ ласковымъ укоромъ остановилъ ее мужъ.

Потомъ поцѣловалъ въ голову, поцѣловалъ въ губы, приподнявъ головку, поцѣловалъ обѣ руки, а она сняла съ него шляпу и благословила широкимъ крестомъ, какъ благословляетъ мать, отъѣзжающаго куда нибудь далеко сына.

— Я не буду, Поль, скучать, у меня хватитъ твердости быть мужественною... А ты по-

мии меня, береги свое здоровье и каждый-каждый день пиши мнѣ... До свиданія... Будь здоровъ!..

Супруги еще разъ обнялись, поцѣловались, и молодая женщина быстро пошла изъ вокзала, потупивъ голову и стараясь не показать своего лица публикѣ, которая любовалась ея изящною фигуркой и ея элегантнымъ дорогимъ туалетомъ.

Арсаковъ вышелъ на платформу, гдѣ у вагона перваго класса его ожидалъ человекъ съ маленькимъ ручнымъ чемоданомъ.

— Газетъ мнѣ купили, Степанъ? — спросилъ Арсаковъ.

— Такъ точно...

— У меня отдѣльное купѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Дмитриевичъ, извините, отдѣльнаго купѣ не было, и вамъ придется станція три ѣхать съ публикою...

— Ну, это досадно, мой милый... — А кто ѣдетъ?

— Да до третьей станціи ѣдутъ какіе-то помѣщики - старички, мужъ съ женою, а дальше до самой нашей мѣстности дама средственныхъ лѣтъ, дѣвочка съ нею и должно быть губернанка либо учительница...

— Дѣвочка, можетъ, маленькая, будетъ питать?—морща лицо, спросилъ Арсаковъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, барышня лѣтъ уже тринадцати-четырнадцати, а губернантка, осмѣлюсь доложить, даже очень иффектны изъ себя...

Арсаковъ чуть-чуть усмѣхнулся подъ усами и вошелъ въ вагонъ.

Въ отдѣленіи вагона для шести человекъ сидѣли престарѣлые мужъ съ женою, оба одѣтые въ бѣлые изъ шелковой чесучи балахоны и оба похожіе другъ на друга благодаря тому, что супругъ брилъ усы и бороду и имѣлъ на головѣ какую-то странную шелковую шапочку, удивительно похожую на чепчикъ.

По другую сторону вагона сидѣла высокая полная дама, лѣтъ подь сорокъ, сохранившая не только красоту, но и грацію молодости, нарядно одѣтая, нѣсколько надменная, презрительно осматривающая въ лорнетъ снующую по платформѣ публику. Рядомъ съ нею помѣщалась похожая на нее хорошенькая съ длинными распущенными волосами дѣвочка, а напротивъ сидѣла та, которую лакей Арсакова называлъ „губернанкою“.

Это была удивительно изящная, нѣжно сложенная тоненькая блондинка, лѣтъ драдцати съ небольшимъ, съ пышными пепельными волосами, прекрасными сѣрыми глазами, которые казались порою изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ синими. Она была одѣта въ соломенную шляпу съ прямыми полями и съ лакированнымъ ремешкомъ по тулѣ, въ сѣрую на свѣтло-голубомъ шелку кофточку и въ черную гладкую юбку. На ея изящныхъ тонкихъ рукахъ были надѣты шелковыя перчатки. На колѣняхъ лежала раскрытая книжка.

Арсаковъ вошелъ въ вагонъ и, вставивъ въ правый глазъ монокль, сперва бѣглымъ взглядомъ осмотрѣлъ своихъ спутниковъ, а потомъ довольно долго и пристально посмотрѣлъ на эту изящную блондинку.

На диванчикѣ по другую сторону вагона и напротивъ дамы съ дѣвочкою лежали купленные лакеемъ Арсакова газеты, дорожная сумочка и пледъ.

Арсаковъ положилъ всѣ эти вещи въ сѣтку, сѣлъ и досталъ изъ кармана кожаный съ золотою монограммою портсигаръ.

— Я васъ не побезпокою, если закурю?—обратился онъ къ полной дамѣ.

Она благосклонно и ласково посмотрѣла на него.

— О, нѣтъ, нисколько я сама курю...

Арсаковъ, зажегъ спичку, всталъ. и подаль огня своей спутницѣ, а та закурила тонкую душистую папироску, доставъ ее изъ плетенаго ажурнаго серебрянаго портсигарчика.

Закурилъ и Арсаковъ.

— Вотъ, окно я васъ прошу не отворять,— съ улыбкою обратилась къ нему полная дама.— Открыто уже съ той стороны, и если откроете здѣсь, то получится сквознякъ.

— Слушаю-съ, но думаю, что въ такой жаркій, совсѣмъ лѣтній день да еще во время быстраго хода поѣзда сквозняка быть не можетъ,—отвѣтилъ Арсаковъ.

— Нѣтъ, если возможно, не отворяйте... Я недавно оправилась отъ болѣзни, ѣду такъ рано въ деревню именно потому, что приказалъ врачъ, и очень боюсь...

— А вы изволите ѣхать въ деревню?—спросилъ онъ.

— Да... У насъ имѣніе въ Малоярославскомъ уѣздѣ, „Козыри“ называется...

— „Козыри?“... Это въ пяти верстахъ отъ моего имѣнія...

— А ваше имѣніе какъ называется?

— „Топольки“...

Дама такъ и оживилась.

— Боже мой, такъ мы близкіе сосѣди!—воскликнула она.

Арсаковъ всталъ, снялъ шляпу и назвалъ себя.

— А я Вѣра Гавриловна Гнуздева... Очень пріятно познакомиться, мосье Арсаковъ...

Дама съ пріятною улыбкою подала Арсакову руку.

II

Арсаковъ, простившись со своими спутницами на станціи, гдѣ ему надо было выходить

и гдѣ также вышли его спутницы, получилъ отъ Вѣры Гавриловны приглашеніе „навѣстить ее въ одиночествѣ“.

Арсакоеъ поблагодарилъ за это приглашеніе и обѣщалъ воспользоваться имъ въ самомъ непродолжительномъ еремени. Ему было пріятно получить это приглашеніе и очень хотѣлось побывать у мадамъ Гнуздовой, гувернантка которой произвела на него большое впечатлѣніе и заинтриговала его.

Эта изящная тонкая блѣлокурая дѣвушка казалась ему удивительно интересною и нѣсколько загаочною.

За Вѣрою Гавриловной Гнуздовой выѣхала четверка великолѣпныхъ лошадей, запряженныхъ въ коляску. Кромѣ того былъ еще тутъ запряженный парю тарантасъ, въ который успѣлись горничная съ лакеемъ, забравъ различный ручной багажъ.

Одиночка въ шарабанѣ, которая пріѣхала за Арсакоевымъ, показалась ему убогою и нищенскою въ сравненіи съ великолѣпнымъ купеческимъ выѣздомъ, и Арсакоевъ даже набросился на кучера, дѣлая ему строгій и громкій выговоръ.

— Что-же ты пріѣхалъ въ шарабанѣ?—громко говорилъ Арсакоевъ, обращая на себя вниманіе всѣхъ обитателей маленькой станціи и собравшихся тутъ къ поѣзду мужиковъ.—Вѣдь я съ человѣкомъ, вѣдь у меня багажъ... Какъ же я поѣду?..

Кучеръ стоялъ передъ нимъ, держа фуражку въ рукахъ.

— Такъ изволили Юлія Павловна писать,—оправдывался онъ.—Спиридонычъ мнѣ приказалъ запречь чалаго въ шарабанъ... За человѣкомъ и за вещами, стало быть, телѣгу послали... Она вотъ тутъ за постояннымъ дроромъ... А это, стало быть, шарабанъ для вашей милости...

— Глупо все это,—съ досадою проговорилъ Арсаковъ.

Дурное расположеніе духа Арсакова сейчасъ же уступило мѣсто великолѣпному, радостному, свѣтлому настроенію, лишь только шарабанчикъ, попрыгивая и звеня гайками, миновалъ примыкающую къ станціи деревеньку, и колеса его мягко зашуршали по превосходной дорогѣ, ндущей черезъ молодую березовую рощу.

Тутъ было великолѣпно.

Березки, только что распустившіяся, благоухали своимъ несравненнымъ ароматомъ,—ароматомъ, которому, говоритъ русскій человѣкъ, нѣтъ подобнаго въ мірѣ. Да и все кругомъ благоухало.

Звонко и весело пѣли всевозможныя птицы, вьющія въ этой березовой рощѣ гнѣзда, печально, какъ сама элегія, куковала гдѣ-то кукушка, но среди этой обновленной юной природы, въ этомъ ароматѣ распустившихся березъ, въ этомъ ароматѣ недавно проснувшейся земли—тоскливая пѣсня кукушки не вызывала тоски, а навѣвала лишь пріятную томную грусть, какъ навѣваетъ грусть тихо исполняемый въ полумракѣ огромнаго зала вальсъ Шопена.

Роща скоро кончилась, и дорога извиристою лентою пошла огромнымъ лугомъ, сбѣгающимъ къ рѣкѣ и тамъ, около этой рѣки, еще затопленнымъ водою.

Тутъ было еще лучше, чѣмъ въ рощѣ.

Лугъ тоже благоухалъ, весь покрытый желтыми, похожими на тюльпанчики, цвѣтами, которые въ отдѣльности струятъ почти незамѣтный тонкій ароматъ, но на лугу, не сорванные, не оторванные отъ родной земли и въ массѣ, благоухаютъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая нѣжнымъ ароматомъ, бодрящимъ и дающимъ человѣку словно новыя силы.

Виднѣлись дали.

Русскія „дали“ удивительно красивы, съ ихъ прозрачнымъ, не яркимъ синимъ, а голубоватымъ небомъ, съ ихъ просторомъ и ширью, съ ихъ лѣсами на горизонтѣ и сверкающими здѣсь и тамъ главами сельскихъ церквей.

— Какъ тутъ хорошо! — загорорилъ Арсаковъ, обращаясь къ кучера и желая этимъ обращеніемъ загладить незаслуженный выговоръ.

Кучеръ, круглолицый, курносый малый съ добродушнымъ лицомъ, съ могучими плечами, оскалилъ свои бѣлые, какъ мѣлъ, зубы и ресело улыбнулся.

— Такъ точно... очень хорошо, — отвѣтилъ онъ. — Мѣста у насъ хорошія...

— А ты тутъ давно живешь?

— Такъ точно, давно...

Арсаковъ посмотрѣлъ на него.

— Ты, должно быть, изъ солдатъ? — спросилъ онъ, увидавъ въ этомъ „такъ точно“ что-то военное.

— Такъ точно, изъ солдатъ...

— Гдѣ служилъ?

— Въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку...

— А, кавалеристъ, стало-быть... Можешь мнѣ преподавать уроки верховой ѣзды?

— Такъ точно... Я правымъ фланговымъ ѣздилъ... Очень много и рекрутовъ, и господъ юнкарей обучалъ...

— Ну вотъ и отлично... Значить, я тебя нанимаю къ себѣ въ преподаватели, и если выучишь, такъ я тебѣ подарокъ хорошій сдѣлаю... А найдется у насъ лошадь подъ сѣдло?

— Такъ точно, найдется... Сейчасъ „Грачикъ“ у насъ ачень для этого великолѣпенъ... — А вонъ и наши „Топольки“.

— Гдѣ?

— А вотъ-съ, полѣвѣе той дороги-то... Вотъ извольте смотрѣть на эту оосенку... Они сейчасъ и видны...

Арсакѡвъ увидалъ своими нѣскольکو близорукими глазами рисующіея неопредѣленными пятнами постройки и темную массу деревьевъ. Въ одномъ мѣстѣ надъ этими деревьями высоко взлетала къ небу бѣлая, какъ кипень, колокольня, крестъ которой сверкалъ и горѣлъ, какъ свѣча.

— Это вотъ и есть „Топольки“,—продолжалъ кучеръ. Семь верстъ отъ станціи считается, а только, по-моему, тутъ поболѣ... Вѣдь въ такихъ мѣстахъ, баринъ, версты-то мѣрила баба-ключкой да махнула рукой...

— А почему ваше имѣніе называется „Топольки“?—спросилъ Арсакѡвъ.

— Тополей, баринъ, очень много... Тутъ вообще тополямъ этимъ водъ, кругомъ ихъ много, а у насъ сейчасъ аллея огромная съ дороги изъ тополей, потомъ вокругъ дома роща довольно большая... старые-престарые тополя... Вотъ они видны, баринъ, словно огромные стога сѣна стоятъ...

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Арсакѡвъ.

— Петромъ, баринъ... А по фамиліи Вѣтрогоновъ...

— Ну, такъ поѣзжай, Вѣтрогоновъ, поскорѣе, а то мнѣ и чаю хочется, и проголодался я... Надѣюсь, тамъ все это приготовлено?

— Такъ точно... Тамъ сейчасъ ключница Максимовна, потомъ прочая прислуга, и все къ тому еще воскресенью сдѣлано.

— Ну такъ поѣзжай поскорѣе!

Петръ чмокнулъ, тронувъ рослаго и очень сильнаго чалаго коня, тотъ шевельнулъ ушами, етянулъ въ себя знакомый воздухъ и, понимая, что до мѣста уже близко, пошелъ ходкой рысью, широко выкидывая сильные съ огромными копытами ноги.

Петръ слегка одержалъ чалаго и плавно повернулъ въ широкую тѣнистую аллею, которая

шла отъ проѣзжей торной дороги къ „Тополь-
замъ“.

Сейчасъ же и сталъ видѣнъ довольно большой одно-этажный съ колоннами барскій домъ, окруженный всякими службами. Налѣво за бѣлою оградю возвышалась красивой архитектуры церковь, окруженная крестами и ветхими памятниками. Отъ церковной ограды мѣстность клонилась къ рѣкѣ, а рѣка, небольшая, но очень живописная, свѣтлая, глубокая, огибала словно по нарочно вырытому руслу все имѣніе.

Тополя аллеи были великолѣпны.

Если не во времена Екатерины Великой, такъ во всякомъ случаѣ во времена Павла были посажены тополя прежними владѣльцами имѣнія. Огромные, большею частью въ два обхвата, съ могучими корявыми стволами, возносились они кверху, и раскидывались тамъ огромными мохнатыми шапками, сплетаясь другъ съ другомъ, и давая густую тѣнь. Тысячи всевозможныхъ птицъ ютились въ ихъ густыхъ переплетенныхъ вѣтвяхъ, а солнце рѣдко когда заглядывало черезъ ихъ листву на широкую аллею, которая теперь подъ вечеръ казалась почти черною.

Тополей было много и вокругъ дома, и за церковною оградю; подъ тѣнью этихъ тополей покоились бывшіе владѣльцы имѣнія на сельскомъ погостѣ. Тутъ же покоились и тѣ „дере-
венскія силы“, которыя строили и домъ, и на-
саждали сады и рощи, насаждали эти древніе тополя.

Арсакѣ имѣніе на первый взглядъ очень понравилось.

Отецъ Юліи Павловны, человѣкъ серьезный, баринъ въ душѣ, но безъ недостатковъ русскаго барина, умѣлъ привести имѣніе въ порядокъ, сдѣлалъ его доходнымъ, сдѣлалъ его благоустроеннымъ, и тутъ получился милый уголокъ для отдохновенія.

Теперь Арсаковъ весело, нѣсколько возбужденно и нѣсколько жадно оглядывалъ свои владѣнія.

Только что зашелкали подковы чалаго по мощеному дворику передъ параднымъ крыльцомъ барскаго дома, какъ на крыльцо это высыпало человекъ семь всякаго люда.

Арсаковъ соскочилъ съ шарабана и нѣсколько величественнымъ жестомъ,— жестомъ, похожимъ на жестъ опернаго короля, привѣтствовалъ своихъ вассаловъ.

„Вассалы“ предстали ввидѣ толстой сѣдой ключницы, какой-то другой старухи въ черномъ ситцевомъ платьѣ и въ черномъ платкѣ. Была тутъ молодая, одѣтая по-деревенски и босая дѣвушка, былъ поваръ въ своей „формѣ“; стоялъ какой-то огромный черный мужчина въ парусиновомъ пиджакѣ, съ картузомъ въ рукахъ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, который испуганно тарашилъ глаза и даже дрежалъ отъ волненія при встрѣчѣ съ бариномъ.

Всѣ „вассалы“ дружно и низко поклонились Павлу Дмитриевичу.

— Съ прѣздомъ, батюшка-баринъ!—заговорила старуха, выступая впередъ.—Какъ изволили доѣхать?.. Здорова ли красавица наша, барынька молодая, Юлія Павловна?

Арсаковъ сдѣлалъ опять жестъ рукой.

— Здравствуйте!.. — отвѣтилъ онъ, немного стѣсняясь и не зная, какой взять тонъ съ этимъ народомъ. — Здравствуйте!.. Очень радъ васъ видѣть!..

Онъ обернулся къ толстой старухѣ.

— Вы, должно быть, ключница Максимовна?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, батюшка-баринъ, Максимовна, она самая и есть,—съ улыбкою отвѣчала старуха. Супругу вашу, батюшка-баринъ, на рукахъ носила, няньчила, вотъ по этимъ самымъ са-

дочкамъ гуляла, съ ними цвѣточки собирала... Какъ она, красавица наша, поживаетъ?.. Почему съ вами, батюшка, не пріѣхала-то?..

— Юлія Павловна поѣхала въ Петроградъ къ больному дядѣ и пріѣдетъ сюда недѣли черезъ двѣ, черезъ три...

Арсаковъ оглянулъ всю свою дворню, улыбнулся, приказалъ кучеру отпрягать, опять сдѣлалъ „привѣтственный жестъ“ и „удалился во внутренніе апартаменты“.

— На террасѣ, батюшка, холодно будетъ вамъ кушать,—говорила Максимовна, идя слѣдомъ за нимъ. — Я въ столовой прикажу накрыть вамъ... А вотъ Глаша вамъ и умыться подастъ, и пыль съ васъ почиститъ... Это племяненка моя, сиротка. Умоется, батюшка - баринъ, и пожалуйста въ столовую, тамъ все готово... Поваръ нашъ хоша и не ахти какой, а деревенскія блюда очень прекрасно приготовляетъ... Я вамъ приказала сочней съ творогомъ сдѣлать, цыпляточковъ тоже поджарили, яичницу сейчасъ сама сдѣлаю, глазунью... Ну сливки есть, творогъ для вашей милости, простокваша, ежели обожаете...

— Отлично, отлично,—весело говорилъ Арсаковъ, идя амфиладою комнатъ слѣдомъ за Глашею.

Комнаты были довольно низкія и темныя. Мебель старинная, но великолѣпно сохранившаяся и прекрасная, какъ всякая старинная мебель.

Въ комнаты врывался ароматъ недавно распустившихся тополей, березокъ, зацвѣтающей кое-гдѣ черемухи, травъ полей и лѣсовъ.

Арсакову стало хорошо, весело, и онъ улыбался счастливо, по-дѣтски.

III.

Два дня прожилъ Арсаковъ въ своихъ „Тополькахъ“ и заскучалъ.

Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ былъ „дитя города“, и природа его не трогала, красоты ея не будили въ немъ никакихъ струнъ, онъ искалъ общества, ему нужны были карты, клубы, а зацвѣтшая сирень, облитыя блѣднорозовыми цвѣтами яблони и благоухающія березки, несмолкаемые хоры птицъ не могли замѣнить этихъ городскихъ удовольствій.

Онъ заскучалъ и рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ Вѣры Гавриловны Гнуздовой, которая, прощаясь съ нимъ на станціи, взяла съ него слово, что онъ будетъ ихъ гостемъ.

Арсаковъ, можетъ быть, поѣхалъ бы къ Гнуздовымъ и на другой день своего пріѣзда въ „Топольки“, но его удержало отсутствіе порядочнаго экипажа.

— Я хочу, Петръ, поѣхать въ „Козыри“, къ Гнуздовымъ,—сказалъ Арсаковъ на другой день пріѣзда кучеру, который ему понравился.

— Слушаю-съ!.. Когда прикажете закладывать?

— Да вотъ сейчасъ бы я поѣхалъ... послѣ кофе, а только въ чемъ же мы поѣдемъ?..

— Такъ что въ шарабанѣ придется, Павелъ Дмитриевичъ...

— Это въ которомъ ты меня привезъ со станціи?

— Такъ точно...

Арсаковъ поморщился.

— А развѣ нѣтъ какогонибудь другого экипажа?—раздражаясь уже, спросилъ онъ.

— Есть коляска, а только что неспособно будетъ ѣхать въ ней...

— Почему же это „неспособно“?

— Такъ что пары нѣтъ... Оно можно, скажемъ, заложить „Чалаго“ и „Булата“, а толь-

ко не съѣзжены они, пожалуй, бить начнутъ... „Булатъ“—лошадь строгая да и съ норовомъ. — А ты попробуй...

Арсаковъ отправился пить свой утренній кофе, а Петръ Вѣтрогоновъ сейчасъ же пошелъ „закладать“.

Сидя на террасѣ, которая выходила въ садъ и съ которой открывался восхитительный видъ, Арсаковъ пилъ кофе и читалъ апрѣльскую книжку своего любимаго журнала, которая, впрочемъ, была на сей разъ довольно скучновата, и скучающему Павлу Дмитриевичу наслажденія не давала. Какіе-то крики, ржанье лошади, грохотъ колесъ вывели Арсакова изъ задумчивости, навѣянной чтеніемъ, и онъ сталъ вслушиваться.

Арсаковъ позвонилъ.

Мальчикъ Васька, сирота, какой-то внучатый племянникъ „управителя“, былъ сдѣланъ стараніями ключницы Максимовны „казачкомъ“, одѣлся въ розовую ситцевую рубаху, смазные сапоги и прислуживалъ Арсакову, если не особенно исправно, то въ высшій степени усердно, развлекая скучающаго москвича своими потѣшными выходками или желаніемъ во что бы то ни стало походить на камердинера.

Этотъ самый Васька и пришелъ на сильный нетерпѣливый звонокъ Арсакова.

— Васька, что тамъ такое дѣлается?—обратился къ нему Арсаковъ.

— Идѣ?

— Да вотъ тамъ на дворѣ... Слышишь?... Кричатъ, скачутъ лошади какія-то... Ступай, угнай...

— А это Петръ Маркелычъ лошадей въ коляскѣ объѣзжаетъ,—сказалъ Васька.—„Чалаго“ сапрегъ да „Булата“, ну, и ѣздитъ... „Чалый“, то ничего, а „Булатъ“ закидывается... Петра говорить, что объѣздитъ, обломаетъ...

Арсакѡвъ вышелъ на дворъ.

Вся дворня стояла и смотрѣла на Петра, который гонялъ по двору кругами запряженную въ эту коляску пару лошадей, то дико вскрикивая, то махая и щелкая кнутомъ.

Арсакѡвъ такъ и ахнулъ, взглянувъ на эту картину.

Во-первыхъ, лошади бѣжали совершенно неправильно, причемъ одна высоко задирала голову, а другая клонила ее книзу, какъ манежный конь на мундштукъ. Всего ужаснѣе была коляска.

Быть можетъ, дѣдушка Юліи Павловны въѣзжалъ на ней, отправляясь въ губернский городъ на выборы, а быть можетъ, она помнила и прадѣда Юліи Павловны.

Огромная, на стоячихъ рессорахъ, съ вагою и съ различными приспособленіями для дальней дороги, она была обита какимъ-то лиловымъ трипомъ, а всѣ ея винты, гайки, скобки гремѣли и звенѣли, наполняя шумомъ весь дворъ.

Арсакѡвъ сперва расхохотался, а потомъ рассердился и мысленно пожурилъ жену, которая должна была знать, что въ деревнѣ викарихъ экипажей нѣтъ и должна была хотя бы для своего молодого мужа озаботиться приобрѣтеніемъ сколько нибудь сноснаго выѣзда.

Въѣхать въ этой коляскѣ къ Гнуздебымъ было рѣшительно невозможно, и Арсакѡвъ крикнулъ Петру, остановилъ его пылъ, приказалъ поставить лошадей на мѣста и сказалъ, что онъ къ Гнуздевымъ не поѣдетъ.

Но онъ поѣхалъ.

На третій же день ему опротивѣли пустынные комнаты съ старинной мебелью и съ тѣмъ особеннымъ запахомъ, которымъ отличаются старые барскіе покои, съ запахомъ милымъ и симпатичнымъ, но приведшимся не по душѣ модному элегантному адвокату.

Опротивѣли ему книги, надоѣлъ пустынный разросшійся садъ, а пуще всего надоѣло абсолютное одиночество.

Задумалъ было Павелъ Дмитриевичъ поѣхать къ Гнузевымъ верхомъ и держалъ объ этомъ совѣтъ съ Петромъ Вѣтрогоновымъ.

— Какъ думаешь, Петръ, можно мнѣ верхомъ поѣхать?—спрашивалъ онъ своего будущаго бейтора.

— Такъ что можно... Ежели изволите меня взять, такъ доѣдемъ... „Грачикъ“ — очень покойный и подъ сѣдломъ прямо не колыхнетъ, хоть стаканъ воды на сѣдло поставь... Вы изволили, баринъ, когда нибудь ѣздить верхомъ?

Арсаковъ ѣздилъ верхомъ въ дѣтствѣ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, будучи въ первомъ или второмъ классѣ гимназiи, на какой-то деревенской лошади въ деревнѣ у своего дяди.

Онъ объ этомъ и сообщилъ Петру.

— На смирной лошади ничего, — успокоилъ Петръ, — я вамъ, баринъ, сейчасъ подсѣдлаю, попробуйте...

Увы, изъ этого опыта ничего не вышло!

Несмотря на то, что красивый, статный „Грачикъ“ былъ и смиренъ, и шелъ дѣйствительно очень покойно, Арсаковъ прыгалъ на сѣдлѣ, горбился, поминутно хватался то за луку, то за гриву лошади, обжималъ ее ногами, отчего „Грачикъ“ начиналъ прыгать, приводя всадника въ ужасъ. Кромѣ того, безъ специальнаго верхового костюма ѣхать было неудобно и некрасиво.

— Нѣтъ, я никогда не научусь ѣздить верхомъ и никогда не буду ѣздить,—съ отчаяніемъ рѣшилъ Арсаковъ и слѣзъ съ „Грачика“.

И онъ рѣшилъ поѣхать въ шарабанѣ.

Петръ вымылъ шарабанъ, отполировалъ его чѣмъ-то, закрѣпилъ гайки, которые теперь не звенѣли, смазалъ колеса масломъ, а „Чалому“

завялъ гриву и заплелъ хвостъ, самъ же одѣлся въ плисовую безрукавку поверхъ шерстяной красной рубахи.

Арсаконъ долго выбиралъ туалетъ для этого лѣтняго деревенскаго визита и рѣшилъ ѣхать, какъ въ городѣ, то есть, въ обыкновенномъ сюртукѣ, что было и неудобно, и жарко. Ѣхать въ лѣтнемъ туалетѣ онъ не рискнулъ, думая, что играющіе въ баръ коммерсанты сочтутъ появленіе въ свѣтломъ костюмѣ для перваго раза неудобнымъ, безтактнымъ и даже, быть можетъ, дерзкимъ.

До „Козырей“ отъ Арсакова было верстъ восемь, и дорога шла красивыми полями, деревнями, небольшими перелѣсочками, такъ что Павелъ Дмитріевичъ не замѣтилъ, какъ рѣзвый „Чалый“ домчалъ его до цѣли путешествія.

— А вотъ и „Козыри“, — проговорилъ Петръ. Задумавшійся о чемъ-то Арсаконъ поднялъ голову и ахнулъ отъ восторга.

Прямо передъ нимъ отъ огромнаго, прочно и красиво сдѣланнаго моста черезъ небольшую рѣчку подымалась широкая, саженей, въ десять, аллея, утрамбованная какъ самое лучшее шоссе.

Аллея эта замыкалась вверху на значительной кручѣ бѣлою каменною оградой, за которой виднѣлся превосходный съ колоннами въ два этажа домъ-дворецъ.

Были видны огромные цвѣтники передъ этимъ домомъ, пестрѣющіе теперь махровыми ярко-малиновыми піонами, оранжевыми тюльпанами, только что высаженными изъ оранжерей бѣлыми, лиловыми и розовыми левкоями. По обѣ стороны дома тянулся роскошный англійскій паркъ, непосредственно соединяясь съ цвѣтникомъ, а дальше черезъ просѣки этого превосходнаго парка виднѣлись бѣлыя, какъ молоко, каменные службы съ ярко-красными крышами,

виднѣлись тамъ и сямъ красивые кіоски, бесѣдки, перекинутые черезъ канавки и ручейки мостики.

Направо по крутому склону къ небольшой, но живописной рѣчкѣ спускались цвѣтушія черемухи и сирени, дальше виднѣлась старинная красная съ золотымъ куполомъ церковь. И все это было залито горячимъ яркимъ майскимъ солнцемъ, и все это сверкало, искрилось, горѣло яркими красками, причемъ искусство, роскошь и богатство переплетались съ красотами природы.

Въ паркѣ было такъ же много тополей, какъ и въ имѣніи Арсакова, но они стояли, должно быть недавно подчищенные, подстриженные, что, впрочемъ, не мѣшало быть имъ великолѣпными. Густая тѣнь лежала отъ этихъ дивныхъ тополей по аллеямъ, и темная зелень ихъ рѣзко отличалась отъ свѣтлой еще юной листвы березъ, которыя вырисовывались своими бѣлыми, какъ молоко, стволами.

— Вотъ они и „Козыри“,—повторилъ Петръ, выжидая восторговъ барина.

Петръ хлопнулъ „Чалаго“ возжами и съ шикомъ влетѣлъ на мощный дворъ, съ шикомъ повернулъ „Чалаго“ и круто, красиво осадилъ его передъ главнымъ подъѣздомъ, который выступалъ мраморными ступенями и рѣзнымъ чугуннымъ тамбуромъ на дворъ, весь окруженный цвѣтниками.

Въ свѣтло-песочнаго цвѣта фракѣ и штиблетяхъ съ золотыми пуговицами и въ бѣломъ жилетѣ, бритый по-актерски лакей выбѣжалъ на мраморныя ступени и нѣсколько нерѣшительно помогъ выйти Арсакову, не зная, за кого его считать: фешенебельный видъ Павла Дмитриевича, его надменный взглядъ, его монокль давали поводъ лакею считать этого господина за барина, а „одиночка“ въ старинномъ шарабанѣ нѣсколько сбивала его съ толка.

— Вѣра Гавриловна дома? — спросилъ Арсаковъ.

— Такъ точно...

— Моя фамилія Арсаковъ...

Лакей слегка наклонилъ голову, не зная еще, какъ слѣдуетъ кланяться этому господину Арсакову, посторонился и пропустилъ его въ вестибюль.

— Изволили запылиться, — сказалъ онъ, окинувъ гостя взглядомъ.

— А вы почистите меня, мой милый...

— Слушаю-съ...

Лакей дернулъ за сонетку, вызывая другого лакея, потомъ взялъ съ подзеркальнаго столика пестрый плюмажъ и обмахнулъ пылъ съ панталонъ и сапоговъ Арсакова.

Лицо и шею Арсаковъ вытеръ платкомъ, благодаря внутренне Максимовну, которая догадалась положить ему нѣсколько платковъ и въ карманы балахона и въ карманы скюртука.

На площадкѣ широкой мраморной лѣстницы показался лакей въ такомъ же костюмѣ, какъ и первый, но съ расчесанными сѣдыми баками.

— Господинъ Арсаковъ къ барынѣ, — снизу крикнулъ лакей.

„Вѣроятно, и графы Дунайцевы не жили въ деревнѣ съ такимъ парадомъ“, — подумалъ Арсаковъ, вбѣгая по лѣстницѣ.

— Вѣра Гавриловна въ саду, на террасѣ... Онѣ туда и просятъ васъ пожаловать.

Терраса выходила съ задняго фасада дома въ садикъ, который, должно быть, былъ насажденъ уже новыми владѣльцами. Въ немъ виднѣлись тщательно подстриженные липки, стояли въ кадкахъ огромные лавры, стояли на невысокихъ пьедесталахъ мраморныя группы, но не временъ графовъ Дунайскихъ, а новѣйшія, прибрѣтенныя гдѣ нибудь въ Москвѣ.

Терраса, окрашенная въ бѣлый цвѣтъ подъ

мраморъ, огромная, широкая, двумя лѣстницами спускалась въ садъ, была отдѣлана какою-то легкою цвѣта кремъ матеріей и вся уставлена цвѣтущими декоративными растеніями.

Мадамъ Гнуздева въ бѣломъ кружевномъ туалетѣ сидѣла на низенькомъ въ декадентскомъ стилѣ креслѣ и держала въ рукахъ книжку.

Въ концѣ небольшой аллейки, подъ тѣнью развѣсистой и тоже подстриженной липы, виднѣлись изящная фигурка понравившейся Арсакову гувернантки и дочери мадамъ Гнуздовой.

Ближе къ террасѣ въ тѣни дома сидѣлъ въ креслѣ-качалкѣ съ газетою въ рукахъ господинъ ниже средняго роста, худощавый, съ какимъ-то безцвѣтнымъ лицомъ, съ гладкими прямыми волосами и съ грязноватаго цвѣта тщательно подстриженною бородкой. Одѣтъ онъ былъ въ бѣлую англійскую фланель и газету читалъ черезъ пенснэ не какъ близорукій, а какъ человѣкъ, потерявшій уже зрѣніе.

При входѣ на террасу Арсакова онъ снялъ пенснэ и взглянулъ на него.

— Очень мило съ вашей стороны, мосье Арсаковъ, что вы исполнили мое желаніе и оказались добрымъ, внимательнымъ сосѣдомъ,—обратилась къ входящему Арсакову Вѣра Гавриловна, весело и пріятно улыбаясь и протягивая ему руку, украшенную множествомъ колецъ.— Очень любезно и очень мило съ вашей стороны, я даже не думала, что вы такъ скоро подарите намъ своимъ посѣщеніемъ...

Арсаковъ подошелъ, взялъ руку, поцѣловалъ ее и низко поклонился.

— Петръ Максимовичъ, поди, голубчикъ, сюда,—продолжала Вѣра Гавриловна, заглядывая черезъ перила террасы въ садъ.

Незранный господинъ въ бѣлой фланели лѣниво поднялся съ кресла, бросилъ газету и, шаркая ногами въ бѣлыхъ бареткахъ, вошелъ на террасу.

— Позвольте васъ познакомить, мосье Арсаковъ, съ моимъ мужемъ,—обратилась къ гостю Вѣра Гавриловна.

Мужчины поклонились другъ другу и пожали другъ другу руки.

IV.

Владѣлецъ роскошнаго имѣнія, Петръ Максимовичъ Гнуздевъ, показался Арсакову съ перваго взгляда человѣкомъ „сѣренькимъ“, будничнымъ и даже очень недалекимъ, словно чѣмъ-то ушибленнымъ. Но потомъ, когда Арсаковъ поближе познакомился съ Петромъ Максимовичемъ, поговорилъ съ нимъ, то нашелъ, что Гнуздевъ, если человѣчекъ и сѣренькій, то далеко не глупый, себѣ на умѣ, и коммерческое дѣло свое понимающій тонко.

Онъ казался теперь Арсакову какъ тотъ мужикъ, про котораго говорятъ: „мужикъ сѣръ, да умъ-то у него не волкъ съѣлъ“.

Впрочемъ, Арсаковъ былъ съ хозяиномъ дома очень немного и держался около мадамъ Гнуздовой, которая видимо весьма благоволила къ своему новому сосѣду и съ перваго же свиданія принялась немного кокетничать съ нимъ, вызывая на флиртъ.

Прекрасное имѣніе, чудный май, роскошная природа, наконецъ, окружающая обстановка—все способствовало флирту.

— Мы, конечно, не отпустимъ васъ весь день, м-сье Арсаковъ,—говорила Вѣра Гавриловна, ласково посматривая на гостя.—Я на вашъ приѣздъ не смотрю, какъ на визитъ, и желаю васъ видѣть съ перваго же дня безцеремоннымъ гостемъ...

Она обвела его быстрымъ, но внимательнымъ взглядомъ.

— Вы напрасно пріѣхали въ сюртукъ,—продолжала она, — надо было одѣться въ лѣтній костюмъ, потому что очень жарко, потому что здѣсь деревня, потому, наконецъ, что мы живемъ просто и хотимъ, чтобы наши гости, наши знакомые, наши милые сосѣди подчинялись этой простотѣ, оставивъ въ Москвѣ всякіе этикетты...

Арсакъ улынулся.

— Наоборотъ, Вѣра Гавриловна, мнѣ кажется, что у васъ чего другого, а ужъ простоты-то совсѣмъ здѣсь нѣтъ,—возразилъ онъ.

— Почему?

Арсакъ повелъ рукою вокругъ.

— Да, помилуйте, это дворецъ, это замокъ владѣтельнаго князя!.. Я ужъ не говорю о роскоши имѣнія, о томъ, что здѣсь все располагается къ такому невольному этикету, но даже самый режимъ дѣлаетъ ваше жилище похожимъ на жилище владѣтельнаго князя, — лакеи въ лиреяхъ, порядокъ во всемъ удивительный.

Вѣра Гавриловна самодовольно улыбнулась, и эта тонкая пріятная лесть, въ формѣ какъ бы выговора и замѣчанія, очень ей понравилась.

— Ахъ, нѣтъ, Павелъ Дмитриевичъ, это совсѣмъ не такъ, — возразила она. — Мы просто привыкли къ этой прислугѣ, къ тому, чтобы она была удобно и красиво одѣта, а живемъ мы совсѣмъ по-деревенски...

Арсакъ только улынулся на эти слова.

Петръ Максимовичъ во время этого разговора ходилъ по саду, закинувъ руки за спину и о чемъ-то глубоко задумавшись.

Вѣра Гавриловна между тѣмъ занимала гостя разговорами, рассказывала ему о своемъ житіи въ Москвѣ, причемъ прибавила, что надеется видѣть его среди своихъ московскихъ друзей, спрашивала о женѣ, о томъ, какъ онъ намѣренъ прожить лѣто, что будетъ дѣ-

латъ осенью, предлагала ему свою библіотеку, которую обѣщала показать послѣ завтрака, и сообщила, что они выписываютъ всѣ русскіе журналы, множество русскихъ газетъ и всѣ выдающіеся журналы и газеты французскіе, нѣмецкіе и англійскіе.

— Книгъ у насъ еще не особенно много, — говорила Вѣра Гавриловна. — Мы понемногу наполняемъ нашу деревенскую библіотеку, но, разумѣется, все выдающееся есть, и мы будемъ очень рады, если наши добрые сосѣди, а въ томъ числѣ и вы, будете пользоваться нашими книгами.

Она значительно улыбнулась и добавила:

— Книга должна быть общественнымъ достояніемъ.

Этотъ афоризмъ Арсаковъ гдѣ-то недавно прочелъ, подумалъ о томъ, гдѣ онъ его прочелъ и улыбнулся, вспомнивъ, что прочелъ онъ его на листочкѣ отрывного календаря. Вѣроятно, оттуда же почерпнула это мудрое изреченіе и Вѣра Гавриловна Гнуздева.

Разговаривая съ любезною и красивою хозяйкою и нисколько не скучая, очень интересуясь ею, Арсаковъ, тѣмъ не менѣе, время отъ времени посматривалъ въ садъ, гдѣ появлялась и снова скрывалась, и опять появлялась изящная, удивительно эффектная фигура гувернантки Гнуздовыхъ.

Еще въ вагонѣ гувернантка эта обратила на себя вниманіе Арсакова, и онъ долго потомъ думалъ о ней и пришелъ къ заключенію, что такой изящной, такой красивой и въ то же время удивительно симпатичной дѣвушки онъ не встрѣчалъ до сихъ поръ.

Теперь ему хотѣлось увидать поближе эту дѣвушку и, если возможно, познакомиться съ нею, узнать ее, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ завтрака, который, по его расчетамъ, приближался.

Ровно въ часъ гдѣ-то надъ террасою даже довольно высоко зазвенѣлъ и загремѣлъ сильный пронзительный звонокъ.

— Вотъ и завтракать насъ зовутъ,—сказала Вѣра Гавриловна, посмотрѣвъ на часы.

Завтракъ былъ накрытъ въ столовой, которая представляла изъ себя огромную, отдѣланную темнымъ дубомъ комнату, съ круглымъ стариннымъ, быть можетъ, оставшимся послѣ графовъ Дунайцевыхъ столомъ, но съ буфетомъ въ стилѣ „модернъ“ и съ такою же мебелью. Не всѣ обитатели дома находились по близости и созвать ихъ звонкомъ было необходимо.

Во-первыхъ, оказалось, что главный управляющій имѣніемъ, длинный, тощій и молчаливый нѣмецъ Коффе, приглашается къ столу и живетъ въ „барскомъ домѣ“. Потомъ, у Петра Максимовича, не переставшаго производить всевозможныя постройки въ имѣніи, живетъ постоянно архитекторъ, молодой человекъ, съ длинными рыжими волосами и съ огромной бородой, Иванъ Ивановичъ Лайкинъ; потомъ оказались какія-то молоденькія барышни, пріѣхавшія гостить и удалившіяся за ландышами, а къ савтраку явившіяся.

Однимъ словомъ, собрать всю эту публику было необходимо, и за столомъ очутилось народу довольно много.

Пришла съ своей воспитанницей и гувернантка Гнуздовыхъ.

— Позвольте васъ познакомить со всѣми обитателями моего дома, Павелъ Дмитріевичъ,—обратилась хозяйка къ Арсакову.—Это вотъ господинъ Коффе, нашъ управляющій, это м-сье Лайкинъ Иванъ Ивановичъ, артистическій вкусъ котораго много способствовалъ украшенію нашего имѣнія,—онъ архитекторомъ у насъ теперь... Это вотъ *mademoiselles* Лилины. Съ дочкой моей Додочкою вы знакомы, а это ея гувернант-

ка, Людмила Васильевна Лютнева, съ которой, впрочемъ, кажется, вы тоже познакомились, когда мы ѣхали вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ... Вамъ, м-сье и медамъ—представляю нашего милого сосѣда, недавняго помѣщика въ нашихъ мѣстахъ, Павла Дмитриевича Арсакова...

Только что они подошли къ уставленному водками и закусками мраморному столику, какъ по аллеѣ, идущей къ дому, защелкали копыта скачущей галопомъ лошади.

— А... Это, вѣроятно, Болтовъ, — проговорила Вѣра Гавриловна, прислушавшись.—Онъ хотѣлъ къ намъ пріѣхать сегодня завтракать, опоздалъ и прискакалъ въ карьеръ...

— Вашъ сосѣдъ?—освѣдомился Арсаковъ, обращаясь отъ закускогого столика.

— Да, помѣщикъ...

— Богатый?..

Вѣра Гавриловна усмѣхнулась.

— Нѣтъ, совсѣмъ небогатый...

— Толстовецъ, — проговорилъ архитекторъ.— Купилъ себѣ клочекъ имѣнія, величиною вотъ съ эту столовую, выстроилъ какую-то хижину Руби-зона и живетъ, воображая, что это очень умно и оригинально... Однимъ словомъ,—толстовецъ...

— Ну, я не знаю, что это значитъ—„толстовецъ“,—заговорила Вѣра Гавриловна,—а Болтовъ очень милый и интересный человекъ, несколько не оригинальничаетъ, ничего изъ себя не изображаетъ, а просто предпочитаетъ жизнь на своемъ клочкѣ земли существованію на какойнибудь подмосковной дачѣ, разводитъ пчелъ, воздѣлываетъ какія-то особенныя, имъ привезенныя, растенія, охотится, наслаждается деревенскою жизнью и живетъ въ свое удовольствіе...

Архитекторъ нахмурился.

— Господинъ Болтовъ, — доложилъ лакей-баженбардистъ и посторонился, давая дорогу гостю.

Вошелъ худошавый шатенъ съ небольшою курчавою бородкою, съ вьющимися довольно коротко подстриженными волосами, загорѣлый, съ большими нѣсколько печальными и задумчивыми глазами, лѣтъ тридцати, но казавшійся, благодаря и загару, и этимъ задумчивымъ печальнымъ глазамъ, и нѣсколько сутуловатому стану, старше своихъ лѣтъ.

Одѣтъ онъ былъ въ наглухо застегнутый сѣреный пиджакъ, изъ-подъ котораго чуть виднѣлись воротнички крахмальной сорочки, и въ высокіе до колѣнъ сапоги, на которыхъ оставались нѣкоторые слѣды отъ стременихъ ремней.

Входя, онъ снималъ шведскія перчатки съ своихъ крѣпкихъ и тоже очень загорѣлыхъ рукъ. Перчатки, вѣроятно, надѣвались для того, чтобы отъ рукъ не пахло кожею повода и лошады.

Положивъ мимоходомъ на подоконникъ бѣлую фуражку, перчатки и маленькій хлыстикъ, Болтовъ подошелъ къ Вѣрѣ Гавриловнѣ и поздоровался съ нею пожатіемъ руки. Потомъ онъ пожалъ руку въ это же время вошедшему Петру Максимовичу, а всѣмъ остальнымъ, на половину усѣвшимся за столъ, сдѣлалъ общій поклонъ, оставивъ на секунду взглядъ на незнакомомъ ему Арсаковѣ.

Арсаковъ сперва пристально посмотрѣлъ на этого новаго гостя, а потомъ быстро перевелъ взглядъ на Людмилу Васильевну и замѣтилъ, что новый гость этой дѣвушкѣ дорогъ и близокъ.

Чувство, похожее на чувство маленькой ревности и зависти, шевельнулось въ душѣ Арсакова.

— Позвольте васъ познакомить, господа,—заговорила Вѣра Гавриловна. — Андрей Ильичъ Болтовъ, нашъ ближайшій сосѣдъ... Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ—тоже сосѣдъ, но болѣе отдаленный...

Молодые люди подали другъ другу руки.

— Мы, кажется, съ вами встрѣчались?—скавалъ Арсаковъ, прищуриваясь на Болтова.

Тотъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Да, кажется,—промолвилъ онъ.

— Въ Москвѣ, въ артистическомъ клубѣ,—продолжалъ Арсаковъ. Вы, если не ошибаюсь, м-сье Болтовъ, тамъ дѣйствительнымъ членомъ?

— Нѣтъ, я бывалъ тамъ гостемъ...

— И читали какой-то рефератъ, помнится мнѣ?

— Да, читалъ...

— Вотъ въ этотъ-то день мы съ вами и познакомились...

Арсаковъ замолчалъ, ожидая, что Болтовъ припомнитъ это знакомство и скажетъ о немъ что нибудь, но Болтовъ ничего не говорилъ, пощипывая бородку.

Онъ повернулся на каблукахъ и съ улыбкою обратился къ гувернанткѣ.

— Людмила Васильевна, если вы получили разрѣшеніе ѣздить верхомъ, о чемъ былъ разговоръ въ то воскресенье, такъ сегодня вы можете попробовать?..

Молодая дѣвушка опять зарумянилась и сильнѣе, чѣмъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Я право не знаю,—отвѣтила она вопросительно, взглянувъ на Вѣру Гавриловну.

— Отчего же, Милочка,—отвѣтила Вѣра Гавриловна.—Пожалуйста, я не хочу стѣснять васъ ничѣмъ. А вотъ только какъ же насчетъ амазонки?.. Вѣдь у васъ ея нѣтъ, а моя вамъ будетъ не въ пору...

— Ахъ, можно попробовать въ обыкновенномъ платьѣ...—поспѣшилъ на выручку Болтовъ...

— Стало быть, вы выѣздили вашу лошадь подъ дамское сѣдло?—спросила Вѣра Гавриловна, нѣсколько насмѣшливо поглядывая на Болтова.—Ни на одну изъ нашихъ Мила не соглашалась сѣсть...

— Да, я выѣздилъ свою... — отвѣтилъ Болтовъ.

Онъ сѣлъ къ столу и засмѣялся, завѣшиваясь салфеткою.

— Было, вѣроятно, довольно смѣшно, когда я по полямъ и рощамъ моего Монрепо разѣзжалъ... Ха, ха, ха... разѣзжалъ въ юбкѣ моей Андреевны...

— Какъ?.. Въ юбкѣ вашей Андреевны? — разомъ спросили и Вѣра Гавриловна, и Петръ Максимовичъ, и архитекторъ.

— Да, да... Вѣдь лошадь необходимо приучить къ амазонкѣ, которая ее беспокоитъ, пугаетъ и щекочетъ, и берейторы всегда надѣваютъ юбку, объѣзжая лошадь подъ дамское сѣдло... Зато теперь мой „Зайчикъ“ ходитъ подъ дамскимъ сѣдломъ удивительно, и не только Людмила Васильевна, но даже и Додочка можетъ поѣхать на немъ куда угодно и съ кѣмъ угодно, даже одна... Хотите, Додочка, сегодня поѣздить?..

Хорошенькая дочка Вѣры Гавриловны вопросительно посмотрѣла на мать.

— Ну, что же, можно, — разрѣшила Вѣра Гавриловна. — Послѣ завтрака мы сдѣлаемъ маленькую репетицію и потомъ поѣдемъ куда нибудь недалеко прокатиться...

Разговоръ на минутку прекратился, ибо начался завтракъ.

V.

Сидѣли за завтракомъ довольно долго; завтракъ былъ великолѣпенъ не только количествомъ, но и качествомъ подаваемыхъ блюдъ.

Какъ хозяйева, такъ и гости кушали съ большимъ аппетитомъ, и только три человѣка почти ни до чего не дотрогивались, видимо сгорая нетерпѣніемъ какъ можно скорѣе встать изъ-за стола.

Это были Болтовъ, Людмила Васильевна и Додочка.

Всѣ они сидѣли въ концѣ стола рядомъ, такъ что Болтовъ приходился посрединѣ, имѣя по правую руку Людмилу Васильевну, а по лѣвую — Додочку, и непрестанно разговаривали еполголоса, хихикали, а Додочка каждую секунду дергала Болтова за рукавъ, привлекая его вниманіе, сосредоточенное на гувернанткѣ.

Арсаконъ сидѣлъ рядомъ съ хозяйкою и былъ предметомъ ея особеннаго вниманія, какъ человѣкъ, пріѣхавшій въ первый разъ или какъ человѣкъ очень красивый, элегантный и лучшій изъ всѣхъ.

Арсаконъ, отвѣчая на многочисленные вопросы своей сосѣдки, задавая ей самъ вопросы и стараясь быть веселымъ, занимательнымъ, остроумнымъ, во то же время бросалъ частые взгляды на конецъ стола, гдѣ сидѣла гувернантка, вся поглощенная своимъ сосѣдомъ.

Арсаконъ любовался дѣвушкою и немного злился какъ на нее, такъ и на этого Болтова, который ему не нравился, котораго онъ считалъ „ломакою“ и съ которымъ страстно желалъ вступить въ словесный турниръ, увѣренный, что разобьетъ его на голову, о какомъ бы предметѣ ни зашла рѣчь.

Возбужденный и этими чувствами, и явнымъ ухаживаніемъ эффектной Вѣры Гаерилловны, и довольно большимъ количествомъ выпитаго вина, Арсаконъ чувствовалъ себя въ томъ приподнятомъ настроеніи, которое всегда бодритъ человѣка и поощряетъ къ какимъ нибудь „подвигамъ“, хотя бы это были и очень незначительные, очень мелкіе подвиги.

— Мама, мы сыты, можно намъ встать изъ-за стола?—раздался голосъ Додочки.

Людмила Васильевна шикнула ей, остановила за руку, даже пыталась прикрыть ей ротъ, а Болтовъ громко засмѣялся.

— Додочка, что за манера!—отозвалась Вѣра Гавриловна.—Кто же выскакиваетъ изъ-за стола до конца завтрака?.. Въ другой разъ я попрошу Людмилу Васильевну остарить тебя за такую выходку безъ сладкаго...

— Ну, мамочка, позволъ,—избалованнымъ тономъ капризнаго ребенка продолжала Додочка.—Мы, право же, не хотимъ ѣсть... Вотъ и Андрей Ильичъ тоже скажетъ...

Болтовъ только засмѣялся, а Вѣра Гавриловна уже болѣе серьезнымъ и рѣзкимъ тономъ предложила своей балованной дочкѣ замолчать.

— Почему это вамъ такъ захотѣлось кончить завтракъ? — съ улыбкой обратился къ дѣвочкѣ Арсаковъ.

Она прищурила на него красивые, похожіе на материнскіе глаза и отвѣтила не вдругъ, нехотя и уже совсѣмъ безъ улыбки:

— Такъ... надоѣло...

— И совсѣмъ не „такъ“,—вмѣшался въ разговоръ Петръ Максимовичъ.—Это Андрей Ильичъ испортилъ аппетитъ какъ Додочкѣ, такъ и Людмилѣ Васильевнѣ разговорами о своемъ выѣзженномъ подъ дамское сѣдло „Зайчикѣ“. Вотъ дѣвицы и всполошились, и аппетитъ потеряли, и хлѣбъ на умъ имъ не идетъ... Правда, Додочка?.. Такъ?..

— Да, папочка, правда...

— Такъ надо же потерпѣть, милая, — опять обратилась къ дочкѣ Вѣра Гавриловна.—Ты ужъ не такой ребенокъ, который не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи получить „цацу“ и готовъ заплакать отъ каждой минуты прѣмедленія...

— Людмила Васильевна старше Додочки, но и то готова заплакать отъ нетерпѣнія, — сказалъ Арсаковъ, поглядывая на гувернантку.—Правда, Людмила Васильевна?

Дѣвушка чуть-чуть зарумянилась.

— Нѣтъ, неправда... Почему вы такъ думаете?

— Я вижу, Людмила Васильевна, я считаю себя человекомъ наблюдательнымъ... Вы, Людмила Васильевна, или очень любите верховую ѣзду, или какія нибудь другія причины волнуютъ васъ, но вы, высказываете нетерпѣніе больше, чѣмъ даже Додочка...

— Вамъ это показалось...

Дѣвушка произнесла эти слова довольно холоднымъ тономъ, сдвинула брови, сжала губы и принялась тщательно разрѣзать кусокъ ростбифа.

Завтракъ, наконецъ, кончился.

Быстро поцѣловавъ отца и мать, Додочка бросилась черезъ террасу въ садъ и потомъ на дворъ. Людмила Васильевна поспѣшила за нею, а потомъ отправился за ними и Болтовъ.

— Вы желаете смотрѣть на опыты верховой ѣзды? — обратилась Вѣра Гавриловна ко всѣмъ гостямъ вообще, а къ Арсакову въ частности.

Всѣ изъявили желаніе, и только Петръ Максимовичъ да управляющій отправились въ кабинетъ курить и кейфовать.

На большой площадкѣ передъ огромными конюшнями собралось все общество. Красивый и нарядный конюхъ вывелъ „Зайчика“ Болтова и принесъ дамское сѣдло.

— Дайте, я самъ подсѣдлаю, — сказалъ Болтовъ.

— Не извольте беспокоиться, баринъ, я хорошо засѣдлаю, — отозвался конюхъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, ничего, я самъ, онъ привыкъ ко мнѣ, знаетъ меня, а чужихъ онъ во время сѣдловки любитъ покусывать и можетъ напугать съ непривычки... Вы лучше засѣдлайте моимъ сѣдломъ какую нибудь изъ вашихъ лошадей. Можно, Вѣра Гавриловна?... Я хочу сопровождать барышень, которыя будутъ ѣздить на моемъ „Зайчикѣ“ по очереди.

— Конечно, можно... М-сье Арсаковъ, быть можетъ и вамъ засѣдлать лошадь, быть можетъ и вы поѣдете?.. Мы устроимъ цѣлую кавалькаду, поѣду и я, прокатимся...

— Нѣтъ, Вѣра Гавриловна, мнѣ что-то не совсѣмъ здоровится, я сегодня вѣхать верхомъ не расположенъ...

— Такъ поѣзжайте съ кѣмънибудь въ экипажѣ... Хотите?.. Вамъ запрягутъ въ фаэтонъ, и вы съ кѣмънибудь поѣдете, а я верхомъ, и кавалеромъ у меня будетъ Иванъ Ивановичъ... Желаете, Иванъ Ивановичъ?

Рыжій архитекторъ молодцовато шелкнулъ каблуками, какъ шпорами, и молча поклонился.

— Вотъ и чудесно...

Вѣра Гавриловна, какъ рѣзвая дѣвочка, захопала въ ладоши и даже немножко припрыгнула, что при ея значительной полнотѣ не было особенно граціозно, и сейчасъ же ушла переодѣться, а все остальное общество расположилось въ тѣни огромнаго тополя на принесенныхъ изъ дома стульяхъ.

— Ну-съ, желаете попробовать, Людмила Васильевна?—обратился Болтовъ къ гувернанткѣ, осѣдлавъ своего „Зайчика“ и пробуя крѣпость подруги.

Дѣвушка нерѣшительно улынулась, бросила бѣглый взглядъ исподлобья на Арсакова и отказалась.

— Почему, Людмила Васильевна? — спросилъ Болтовъ.

— Такъ... Сегодня не хочется, какънибудь въ другой разъ... Сегодня вы дайте урокъ Додочкѣ...

Болтовъ должно быть понялъ, что Людмила Васильевна стѣсняется въ первый разъ пріѣхавшаго Арсакова, тоже кинулъ на него бѣглый взглядъ и болѣе не настаивалъ.

— Ну-съ, Додочка, садитесь,—обратился онъ къ дѣвочкѣ.

Та, краснѣя отъ волненія и страха, подошла къ нему, взвизгнула, когда онъ взялъ ее подъ мышки, и, вся замирая отъ ужаса, очутилась на сѣдлѣ.

„Зайчика“ держалъ конюхъ.

— Не бойтесь, Додочка, не бойтесь, — успокаивалъ Болтовъ. — Вѣдь, во-первыхъ, лошадь держать, а, во-вторыхъ, она смирна, какъ теленокъ...

— Она даже и похожа на теленка, — замѣтилъ Арсаковъ.

Это должно было уколоть разомъ и Болтова, и Людмилу Васильевну.

Людмилу Васильевну это дѣйствительно укололо: она вспыхнула и бросила на Арсакова недружелюбный взглядъ, но Болтовъ не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ свое преподаваніе.

Додочка черезъ нѣсколько минутъ почувствовала себя покойнѣе, веселѣе, осмѣлилась тронуть поводъ, осмѣлилась поѣхать шагомъ, придерживаемая идущимъ рядомъ Болтовымъ.

— Не страшно? — спрашивалъ Болтовъ.

— Нѣтъ, теперь не страшно...

— А ну, попробуйте безъ меня...

Онъ отошелъ въ сторону, и Додочка поѣхала шагомъ вокругъ двора. Черезъ нѣсколько минутъ она осмѣлилась на столько, что тронула покойнаго, умнаго „Зайчика“ хлыстикомъ по шеѣ, и „Зайчикъ“ перешелъ на легкую рысь, что привело Додочку въ ужасъ, но на одну лишь секунду. Она сейчасъ же весело засмѣялась, ободрилась и совершенно спокойно поѣхала рысью, дѣлая круги.

Болтову подвели золотистаго красавца карабаха.

Конь поводилъ черными прекрасными глазами, прыдалъ ушами и переступалъ съ ноги на ногу, а ноги у него были какъ струны, тонкія,

прямая, сильная, съ крупными бородавками ниже колѣнъ. Тонкая кожа, покрытая блестящей мелкой шерстью, такъ и лоснилась; на шеѣ и по ногамъ напружились жилы; тонкія прозрачныя ноздри вздрагивали, и конь тянулъ ими въ себя воздухъ.

Засѣдланъ онъ былъ въ мягкое казачье сѣдло съ серебрянымъ наборомъ.

— Ба-лллуй!—крикнулъ на него кучеръ, укорачивая поводъ и стараясь поставить коня на мѣстѣ.

Карабахъ вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, переступалъ всѣми четырьмя ногами и прикладывалъ уши къ красивой головѣ.

— Андрей, не страшно ѣхать на „Кречетъ“?—тихонько обратилась къ Болтову гувернантка.

Впрочемъ, Арсакоевъ слышалъ этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, ничего...

— Можетъ быть вамъ засѣдлаютъ другую?.. „Кречетъ“ очень строгъ, онъ на-дняхъ чуть не убилъ Гаврилу, который ѣздилъ на немъ въ городъ, а Гаврила считается превосходнымъ наѣздникомъ...

— Гаврила смѣлъ и силенъ, но не умѣетъ ѣздить, а я знатокъ этого дѣла... Ничего...

Арсакоевъ смотрѣлъ на красавца - коня, любовался имъ, очень завидывалъ Болтову, который ротъ-вотъ вскочить на него и поскачетъ, и думалъ, что если ему бы, Павлу Дмитриевичу Арсакову, господинъ коммерсантъ и миллионеръ Гнуздевъ отдалъ всѣ свои миллионы, вотъ это дивное имѣніе и въ придачу эффектную супругу свою, такъ и за такую награду онъ, Павелъ Дмитриевичъ Арсакоевъ, не сѣлъ бы на этого золотистаго карабаха.

Болтовъ подошелъ къ коню, потрепалъ его по крутой атласистой шеѣ, взялъ въ лѣвую руку поводъ, положилъ ее съ поводомъ на холку, мигомъ поставилъ ногу въ стремя и мигомъ былъ на сѣдлѣ.

Карабахъ отдѣлился отъ земли всѣми четырьмя ногами, точно летѣть собрался, потомъ сбрякнулъ копытами о мощный дворъ, затанцовалъ на одномъ мѣстѣ, попытался встать на дыбы и черезъ минуту плавно, красиво, выкидывая ноги, пошелъ сперва шагомъ, а потомъ рысью.

Даже кучера и конюхи залюбовались и конемъ, и всадникомъ,—Болтовъ точно слился со своимъ карабахомъ, сидѣлъ спокойно, весело, управляя сильно и увѣренно имъ рукою.

— Какъ ѣздитъ! — проговорилъ архитекторъ, любуясь на Болтова.

— Онъ не торгуется ли лошадыми?—спросилъ насмѣшливо Арсаковъ.—У него и видъ этакій не то барышническій, не то прасольскій...

— Весьма возможно, что и торгуется-съ... Вообще номадъ, этакій техасецъ или какойнибудь изъ племени делаваровъ, про которыхъ Густавъ Эмаръ въ своихъ романахъ такъ увлекательно пишетъ.

— Онъ здѣсь частый гость? — продолжалъ Арсаковъ.

Архитекторъ пристально и нѣсколько насмѣшливо взглянулъ на него.

— Да-съ, довольно... Вы не изволили замѣчать, что этотъ техасецъ бросаетъ бурно - пламенные взоры на Маргариту...

— На какую Маргариту?

— А вотъ на эту русокудрую и волюющую дѣвственницу, которая призвана сюда насаждать образованіе...

— Вы говорите про мадемуазель Лютневу?

— Про нее-съ...

— Но вѣдь ее зовутъ Людмила...

— Да-съ... При святомъ крещеніи она наречена Людмилою, но, по моему мнѣнію, она Маргарита, форменная Маргарита изъ „Фауста“, причемъ господинъ Болтовъ будетъ, вѣроятно, исполнять роль Фауста...

— А вы, вѣроятно,—Мефистофеля?..

Архитекторъ почти свирѣпо посмотрѣлъ на Арсакова.

— Почему же это „вѣроятно-съ“?..

Арсаковъ засмѣялся.

— Вы какъ будто бы обидѣлись, м-сье Лайкинъ? — проговорилъ онъ. — Я вѣдь не хотѣлъ васъ обидѣть и, по-моему, роль Мефистофеля — и эффектная, и красивая, хотя немного злая роль...

— Я предпочелъ бы роль Валентина,—мрачно отвѣтилъ архитекторъ и принялся разглаживать свою огромную бороду.

Одновременно вывели красивую сѣрую лошадь подъ дамскимъ сѣдломъ для Вѣры Гавриловны и крупнаго вороного зрѣлыхъ лѣтъ коня для архитектора. Подали при этомъ и шарабанъ, запряженный паромъ въ шорахъ.

Вѣра Гавриловна вышла въ темно-синей амазонкѣ и въ атласномъ жокейскомъ картузикѣ, причемъ костюмъ этотъ къ ней очень шелъ. Она сознавала это и особенно кокетливо посматривала на Арсакова.

Сѣла она на лошадь довольно тяжеловато, но на сѣдлѣ чувствовала себя превосходно, а ѣздила красиво и смѣло.

— Павелъ Дмитриевичъ, вы поѣдете съ Милочкою,—обратилась Вѣра Гавриловна къ Арсакову.

Арсаковъ съ трудомъ удержалъ выраженіе радости при этомъ извѣстіи, быстро подошелъ къ гувернанткѣ и предложилъ ей помочь сѣсть въ высокій фазтонъ, который былъ поданъ по-англійски одѣтымъ кучеромъ.

Милочка отрывисто поблагодарила своего кавалера и вскочила безъ его помощи.

Арсаковъ сѣлъ рядомъ.

— Поѣзжайте впередъ,—обратилась къ нимъ Вѣра Гавриловна. — Всадники могли бы ѣхать

впереди, но Додочка очень еще не опытная наѣзница, и мы поѣдемъ шажкомъ...

— Да и жарко ѣхать рысью,—отозвался архитекторъ, съ благодарностью привнявшій это извѣстіе и не безъ удали поравнявшійся съ фазономъ.

— Жаль, Людмила Васильевна, что вы не поѣхали верхомъ,—обратился онъ къ гувернанткѣ.—Мы бы чудесно прокатились... Чудная вещь это верховая ѣзда, чувствуешь себя какимъ-то, другимъ сильнымъ, юнымъ, такъ вотъ и хочется подъ самыя облака взлетѣть...

Конь архитектора въ это время хотѣлъ поравняться съ лошадыю Вѣры Гавриловны, тронулъ рысью, и собравшійся летѣть подъ облака архитекторъ чуть-чуть не полетѣлъ... на землю.

— Шалишь!—крикнулъ онъ, уцѣпился за гриву и „потерялъ стремяна“.

Вѣра Гавриловна громко захохотала, сдѣлала полукругъ и поѣхала рядомъ съ шарабаномъ съ той стороны, гдѣ сидѣлъ Арсаковъ.

VI.

Дорога пошла, молодымъ березовымъ лѣсомъ, стала очень узкою, и общество нашихъ путешественниковъ принуждено было раздѣлиться, такъ какъ поѣхали всѣ гуськомъ другъ за другомъ.

Пахло березами, пахло сыростью лѣса, легкій вѣтерокъ шелестилъ зелеными молодыми вѣтвями, на дорогѣ порхали рѣзвые веселыя овсянки, подпуская лошадей вплотную и потомъ изъ-подъ самыхъ ногъ ихъ съ веселымъ и рѣзвымъ свистомъ отлетали въ кусты.

Молода дѣвушка наслаждалась и ароматомъ березъ, и этимъ чуднымъ днемъ, особенно хорошимъ здѣсь, въ молдомъ пахучемъ лѣсу, на-

слаждалась она и пѣніемъ птицъ, и голубымъ небомъ, и зеленою лѣса, и тѣмъ, что она была молода, счастлива, тѣмъ, что она „созрѣвала для любви“.

Арсаковъ посматривалъ на нее сбоку, и когда фаэтонъ наклонялся по колеистой дорогѣ въ ту или другую сторону, то слегка поддерживалъ ее или за талію, или плечомъ съ своей стороны.

Иногда Арсаковъ нѣсколько крѣпче, чѣмъ это слѣдовало, придерживалъ дѣвушку и пытливо взглядывалъ на нее, ожидая какого нибудь протеста, рвидѣ, наримѣръ, негодующаго взгляда, движенія и такъ далѣе. Но дѣвушка должно быть не замѣчала этихъ движеній своего сосѣда и не обращала на него никакого вниманія.

— Отчего вы не поѣхали верхомъ?—заговорилъ Арсаковъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Дѣвушка взглянула на него.

— Виновата... что вы сказали?.. Я не разслыхала...

Арсаковъ усмѣхнулся.

— Сильно же вы мечтаете о чемъ нибудь. Людмила Васильевна, если не слышите моего довольно громкаго голоса!

— Нѣтъ, я не мечтаю... Стучать колеса, визжитъ Додочка, громко разговариваетъ Вѣра Гавриловна, ну, я и не слыхала.

— Я спросилъ васъ, почему вы не поѣхали верхомъ...

— Потому что я не умѣю ѣздить...

— Но вѣдь вы хотѣли сегодня взять первый урокъ подъ руководствомъ господина Болтова? Вѣдь такъ условливались за завтракомъ...

— Да, но я передумала...

— Почему?

— Такъ...

Арсаконъ засмѣялся.

Дѣвушка посмотрѣла на него сбоку.

— Если вы хотите болѣе опредѣленнаго отвѣта и если вамъ такой отвѣтъ нуженъ, такъ я скажу: я не хотѣла показаться смѣшною и неловкою при малознакомомъ мнѣ человѣкѣ, то есть, при васъ...

— Ахъ, вотъ что!.. Позвольте вамъ не повѣрить. Во-первыхъ, я безъ всякаго комплимента скажу вамъ, что врядъ ли вы можете быть смѣшною, а во-вторыхъ, вѣдь Болтовъ - то видѣлъ бы васъ смѣшною, если ужъ допустить такую возможность...

— Болтовъ—нашъ старый знакомый...

— Онъ—помѣщикъ?

Людмила Васильевна пожала слегка плечами.

— Право, я не знаю, какъ вамъ сказать... У него небольшой клочекъ земли, маленькій домикъ, и нѣтъ ничего того, что даетъ право именоваться помѣщикомъ...

— А почему архитекторъ называетъ его „толстовцемъ“?

— Я, право, не знаю...

Черныя тонкія брови Людмилы Васильевны дрогнули и сдвинулись.

— Это слово... это слово опошленное,—проговорила она.—Я знаю, что оно обозначаетъ, но очень ужъ оно распространенъ за послѣднее время, очень его затрепали, и оно стало имѣть много различныхъ значеній...

— Но почему такъ называетъ его архитекторъ?

— Я не знаю,—повторила дѣвушка.—Господинъ Лайкинъ—очень злой человѣкъ, онъ любитъ обо всѣхъ отзываться дурно, любитъ насмѣхаться, любитъ сказать каждому человѣку что нибудь непріятное и Болтова не любить...

Арсаконъ лукаво взглянулъ на свою спутницу.

— Почему же онъ его не любитъ?

— Право, не знаю... Мнѣ думается потому, что дурные и злые люди всегда относятся недоброжелательно къ людямъ хорошимъ и добрымъ и не любятъ ихъ.

— Ого, какое глубокое философское заключеніе...

Арсаконъ съ этихъ первыхъ шаговъ „рекогносцировки“ понялъ, что Болтовъ дорожъ дѣвушкѣ, хотя онъ зналъ это и раньше.

— Вы — большая поклонница господина Болтова, — заговорилъ онъ. — Я смѣю думать, что этотъ „таинственный незнакомецъ“ имѣетъ на васъ большое вліяніе и, быть можетъ... быть можетъ дороже для васъ, чѣмъ мы всѣ...

Дѣвушка повернула къ нему свою красивую головку и взглянула на него долгимъ не то удивленнымъ, не то негодующимъ взглядомъ.

Она хотѣла что-то сказать, быть можетъ, рѣзкое, и обидная фраза готова была сорваться съ ея невинныхъ алыхъ губокъ, но она ничего не сказала, повела слегка плечомъ и отвернулась.

Лѣсокъ кончился, и дорога, расширившись, выбѣжала на пригорокъ.

Прямо по широкому глубокому логу вилась извилистая, мелководная, но теперь, весною, довольно быстрая рѣчка.

— Господа, это мое владѣніе! — раздался громкій и звучный голосъ Болтова, который слегка придержалъ своего коня, привсталъ на стременахъ и оглянулся на путниковъ. — Вы меня обидите, милостивые государыни и милостивые государи, если не заѣдете выпить по стакану молока... Кто не хочетъ молока, того я могу угостить удивительною ключевою водою и медомъ собственныхъ ульевъ... А медъ у меня славится по всей округѣ... Вѣра Гавриловна, пикорнѣйше прошу васъ загернуть ко мнѣ...

— Конечно, конечно!—отозвалась Вѣра Гавриловна. — Господа, прошу отъ имени Андрея Ильича пожаловать въ его домъ...

— Хорошо бы тутъ проскакать, да только я боюсь за наѣздническія способности Додочки,—сказалъ Болтовъ.

— Да, ужъ лучше поѣдемъ шагомъ,—согласилась Вѣра Гавриловна.—А проскакать было бы хорошо...

— Нѣтъ, ужъ вы поѣзжайте шажкомъ,—отозвался Болтовъ,—а мнѣ позвольте уѣхать впередъ, чтобы приготоить все для встрѣчи дорогихъ гостей...

— Ничего этого не надо и, пожалуйста, безъ всякихъ приготовленій, — запротестовала было Вѣра Гавриловна.

Но Болтовъ усмѣхнулся въ ея сторону, сдѣлалъ жестъ рукою, „отдалъ поводъ“, тронулъ своего карабаха шенкелемъ и, какъ вихрь, понесся по дорогѣ.

Горячій статный карабахъ, давно порывавшійся впередъ, скучающій какъ бы отъ бездѣйствія, лѣтѣлъ теперь вольнымъ вѣтромъ по широкому полю, размахивая гривой и распустивъ хвостъ.

Онъ скакалъ черезъ рытвины, лѣтѣлъ какъ птица.

— Какъ онъ красиво и смѣло ѣдетъ,—сказала Вѣра Гавриловна, большая любительница верховой ѣзды и спортсменка въ душѣ.

— Цыгане, которые въ Москвѣ на Конной лошадами торгуютъ, еще лучше ѣздятъ,—возразилъ архитекторъ.

— Ахъ, какой вы скучный, Иванъ Ивановичъ!—почти сердясь, обратилась къ нему Вѣра Гавриловна.—Все-то вы противорѣчите, противъ всего вы возражаете и никогда никого не похвалите...

— А вамъ угодно, чтобы я хвалилъ?.. И-

вольте-съ... Сколь прекрасенъ господинъ Болтовъ во всѣхъ отношеніяхъ, сколь великъ и даже геніаленъ этотъ обитатель деревни „Луковки“!.. Сколь граціозенъ и смѣлъ онъ, сколь много въ немъ силы, мощи и красоты!..

Архитекторъ приподнялъ шляпу и повернулся къ Вѣрѣ Гавриловнѣ.

— Достаточно пышна моя похвальная ода господину Болтоу?..

— Убирайтесь!..

Болтовъ между тѣмъ скрылся изъ виду за опушкою сосноваго бора, потомъ мелькнулъ на минуту около построекъ и исчезъ окончательно.

Кавалькада продолжала двигаться шагомъ и достигла жилища Болтова минутъ черезъ двадцать.

Жилище это представляло изъ себя недавно выстроенную двухсвѣтную избу, но безъ крестьянскаго двора, который былъ отнесенъ дальше къ другой служилой избѣ.

Немного отступя отъ избы былъ разбитъ садикъ, заканчивающійся огородомъ, за огородомъ тянулись ульи, потомъ шло небольшое паханное поле, принадлежащее, впрочемъ, не Болтову, а крестьянамъ деревни „Луковки“, которая огибая выступъ лѣса, шла по берегу крутого оврага и съ дороги не была видна.

Молодой малый, въ красной кумачевой рубашѣ и босой, водилъ по маленькому дворику слегка взмылившагося карабаха, лаская его по вспѣннымъ мордѣ и шеѣ, а на крыльцѣ избы стоялъ Болтовъ со шляпою въ рукахъ.

Крыльцо это было широкое, свѣтлое, съ двумя окнами и представляло изъ себя нѣкоторое подобіе террасы.

Вокругъ крыльца былъ разбитъ маленький садикъ.

Это былъ скорѣе палисадничекъ, похожій на тѣ, которые окружаютъ уютные домики сель-

скихъ священниковъ. Были тутъ молодья, недавно посаженныя березки съ липкими пахучими листьями, съ бѣлыми, какъ молоко, стволами, стояли яблони, облитыя теперь бѣлорозовыми ароматными цвѣтами, были кусты сирени, тоже начинающей цвѣсти.

Мягкая, иѣжная трава покрывала весь палисадникъ, только въ одномъ мѣстѣ утрамбованная площадка служила, вѣроятно, лѣтнею столовою хозяина, такъ какъ тутъ помѣщался простой бѣлый столъ, окруженный такими же бѣлыми сосновыми скамьями.

Теперь вокругъ этого стола суетилась высокая пожилая женщина въ синемъ кубовомъ сарафанѣ и въ бѣлой полотняной сорочкѣ. Женщинѣ помогала босоногая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати; обѣ онѣ накрывали столъ ярославскою цвѣтною скатертью и спѣшно уставляли его стаканами, чашками, блюдами съ бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ и крынками молока.

Когда вся кавалькада подъѣхала къ крылечку, Болтовъ сбѣжалъ съ него и, громко приговаривая: „милости просимъ, милости просимъ, гости дорогіе“, подошелъ къ Вѣрѣ Гавриловнѣ и помогъ ей сойти съ лошади.

Мадамъ Гнуздева, томно улыбаясь, поблагодарила Болтова и оглянулась кругомъ.

— Какой у васъ дивный, милый уголокъ, Андрей Ильичъ!—сказала она.

— Особенно онъ хорошъ и величественъ послѣ вашихъ „Козырей“,—съ улыбкой отозвался Болтовъ.

— Не иронизируйте, не иронизируйте, Андрей Ильичъ... „Козыри“ сами по себѣ, а вашъ уголокъ самъ по себѣ... Здѣсь я вижу что-то такое... поэтическое, какую-то... идиллію.

Вѣра Гавриловна, придерживая одною рукою амазонку, взяла другою лорнетъ, болтающийся на шнуркѣ, и принялась оглядываться кругомъ.

Болтовъ подошелъ къ Людмилѣ Васильевнѣ.

— Не завидовали Додочкѣ, которая ѣхала верхомъ?—спросилъ онъ, помогая дѣвушкѣ выйти изъ экипажа.

— Нѣтъ, не завидовала, потому что я терпѣлива, умѣю ждать и знаю, что скоро поѣду такъ же, какъ и Додочка.

— Даже, быть можетъ, сегодня мы попробуемъ это?

— Нѣтъ, какъ нибудь въ другой разъ...

Болтовъ взглянулъ въ сторону Арсакова.

— Милости просимъ, Павелъ Дмитриевичъ,—сказалъ онъ. — Прошу пожаловать въ садикъ. Послѣ этой прогулки подъ солнцемъ не худо, по-моему, посидѣть въ тѣни сихъ деревьевъ и выпить стаканъ холодного молока...

— Очень вамъ благодаренъ, Андрей Ильичъ, но я предпочелъ бы...

Арсаковъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать, и закончилъ такъ:

— Я предпочелъ бы стаканъ холодной воды, я молока не люблю...

— Вы, вѣроятно, предпочли бы бокалъ хорошаго холодного крушона съ ягодами или съ апельсинами, со льдомъ, на шампанскомъ и прочими спеціями... Да-съ?..—обратился къ Арсакову архитекторъ.

— Вы проницательны, м-сье Лайкинъ!—усмѣхнулся Арсаковъ.

— Такъ почему же вы не договорили, милостивый государь мой?..

— Угадайте, м-сье Лайкинъ!

— Вѣроятно, по высоко-благородному чувству деликатности, коя удержала васъ поставить хозяина сихъ мѣстъ въ неловкое положеніе?..

— И коей у васъ къ великому сожалѣнію не имѣется, господинъ Лайкинъ, — съ оттѣнкомъ явной дерзости возразилъ Арсаковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ все общество си-

дѣло за столомъ, и высокая женщина, служившая и экономкою, и скотницею у Болтова, угощала всѣхъ молокомъ, сливками, творогомъ и прошлогоднимъ сотовымъ медомъ.

Арсаковъ, помѣстившись нѣсколько поодаль на бѣлой деревянной табуреточкѣ, курилъ сигару, отказавшись отъ всякаго угощенія, и поглядывалъ кругомъ.

Ему были видны и огородъ, тянувшійся сейчасъ же за домомъ, и ульи, и различныя служебныя постройки, отнесенныя отъ „господскаго дома“ на почтительное разстояніе.

Все это было, такъ сказать, хозяйственного вида, отъ всего вѣяло заботливостью, и на всемъ лежалъ отпечатокъ не только руки хозяйственной, но и руки, любящей все это.

Окинувъ нѣсколько разъ и постройки, и домъ, и огородъ пристальнымъ взглядомъ, Арсаковъ перевелъ взглядъ на хозяина этихъ владѣній.

Онъ разглядывалъ это характерное лицо, желая найти въ немъ выраженіе нѣкоторой грубости и даже пошлости, — выраженіе, бросившееся было Арсакову въ глаза на первыхъ порахъ, но теперь такого выраженія онъ не находилъ при всемъ своемъ желаніи и долженъ былъ придти къ заключенію, что у Болтова лицо не только красивое, но и умное, и интеллигентное.

Арсаковъ всталъ и подошелъ къ хозяину.

Тотъ подвнялъ на него глаза и немного посторонился на скамьѣ, давая ему мѣсто.

VII.

Долго разговаривалъ Арсаковъ съ Болтовымъ, и, видимо, разговоръ этотъ интересовалъ Болтова и поддерживался имъ не только ради любезности.

Болтовъ даже забылъ надолго своихъ остальныхъ гостей, всецѣло отдавшись разговору съ Арсаковымъ. Говорили они о деревнѣ, ея нуждахъ, о томъ, что деревня нуждается въ интеллигентѣ столько же, сколько самъ интеллигентъ нуждается въ деревнѣ.

— Русская деревня; русскій мужикъ, огромная часть жизни русской совершенно намъ неизвѣстны, — говорилъ Болтовъ. — Мы должны знать очень хорошо эту огромную часть, должны считаться съ ея великимъ значеніемъ и должны во что бы то ни стало увеличивать это значеніе.

Болтовъ, видимо, очень увлекался и своей деревенской жизнью, и тѣмъ маленькимъ дѣломъ, которое онъ тутъ дѣлалъ, и своимъ разговоромъ объ этомъ дѣлѣ.

— Андрей Ильичъ, — обратилась, наконецъ, къ нему Вѣра Гавриловна. — Вы не любезны, милый хозяинъ!..

— Не любезенъ?... — съ нѣкоторымъ удивленіемъ переспросилъ Болтовъ.

— Очень нелюбезны...

— Но почему же, Вѣра Гавриловна?

— Да вы совсѣмъ забыли и оставили всѣхъ насъ ради Павла Дмитриевича... Положимъ, онъ — очень пріятный человѣкъ, нашъ Павелъ Дмитриевичъ, но мы хотимъ, чтобы вы занимались и нами.

Болтовъ усмѣхнулся, сказалъ Арсакову, что онъ поговоритъ еще съ нимъ объ этихъ предметахъ, и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Погуляли еще немного по саду, посмотрѣли пчельникъ Болтова и поѣхали въ обратный путь въ томъ же порядкѣ.

— О чемъ вы такъ глубоко задумались, Людмила Васильевна? — обратился Арсаковъ къ Людмилѣ.

Дѣвушка взглянула на него.

— Такъ, ни о чемъ...

— Но вѣдь это невозможно, — человѣкъ не-
престанно о чемъ нибудь думаетъ...

Дѣвушка улыбнулась.

— А вы полагаете, что каждую думу можно
сейчасъ же и сообщить своему собесѣднику?—
проговорила она.

— Почему же нѣтъ, если собесѣдникъ чело-
вѣкъ отзывчивый, умѣющій понимать, умѣющій
разбираться въ ощущеніяхъ и въ чувствахъ
своего ближняго?..

Людмила Васильевна холодно взглянула на
него, отвернулась и стала любоваться красивою
далью.

Послѣ довольно поздняго обѣда у Гнузде-
выхъ Арсаковъ поѣхалъ домой, получивъ при-
глашеніе бывать какъ можно чаще, запросто и
даже не на одинъ день, а „въ ночевку“.

— Мы вѣдь какъ старые помѣщики,—говори-
ла Вѣра Гавриловна, ласково прощаясь съ
нимъ.—Мы и хотимъ жить, какъ старые помѣ-
щики... А у нихъ, какъ извѣстно, гости оста-
вались на три — на четыре дня... Вотъ вы и
устройтесь такъ, тѣмъ болѣе теперь, пока нѣтъ
вашей супруги...

Арсаковъ обѣщалъ, но въ душѣ рѣшилъ у
Гнуздовыхъ не бывать, словно чѣмъ-то огорчен-
ный и раздосадованный.

Возвращаясь домой ночью, свѣжею, чудною
майскою ночью, Арсаковъ былъ сердитъ и не-
доволенъ.

Свѣжая душистая майская ночь казалась Ар-
сакову скучною, холодною, ничего поэтического
онъ въ ней не находилъ и ворчалъ, высказы-
вая сожалѣніе, что не взялъ съ собою осен-
няго пальто и что никто не догадался ему объ
этомъ напомнить.

— Чортъ васъ зналъ, что у васъ тутъ въ
маѣ ночью простудиться можно,—говорилъ онъ,

обращаясь къ Петру Вѣтрогонову.— Сырость, вѣтеръ какой-то, кругомъ болото... Брр... Отвратительно!

Ночь была дивная, и только юридическое сердце господина Арсакова не ощущало красоту этой ночи.

Арсаковъ злился на Людмилу Васильевну, которая не оцѣнила его неотразимыхъ достоинствъ и предпочитала ему какого-то „толстовца Болтова“, — ему, Павлу Дмитриевичу Арсакову, въ котораго влюблялись самыя красивыя, изящныя и элегантнѣйшія женщины обѣихъ столицъ.

„Преглупая, должно быть, дѣвчонка, — съ раздраженіемъ думалъ Арсаковъ. — Положимъ, очень хорошенъкая, удивительно хорошенъкая, но несомнѣнно пустая и глупая... Ужъ одно то, что ей нравится этотъ зулусъ Болтовъ, достаточно ясно показываетъ, что она барышня того... не изъ очень умныхъ, ну, а смазливое личико не должно, кажется, прельщать меня... — слава Богу видалъ я на своемъ вѣку такихъ достаточно“.

Арсакова злило и богатство Гнуздовыхъ, которое давало имъ возможность жить широко, роскошно, пользуясь всѣми благами жизни.

Недавно приобретенное вмѣстѣ съ женою порядочное благосостояніе, благосостояніе, еще вчера казавшееся Арсакову значительнымъ, теперь представлялось ему чѣмъ-то микроскопическимъ, ничтожнымъ и жалкимъ.

Послѣ огромнаго дворца Гнуздовыхъ, послѣ этихъ роскошно и богато меблированныхъ комнатъ, этихъ разнообразныхъ „выѣздовъ“, этихъ ливрейныхъ лакеевъ собственная деревенская жизнь Арсакова казалась ему очень мелкою и убогою.

Арсаковъ поднялъ воротникъ своего пальто, которое прекрасно защищало днемъ отъ пыли, но очень мало грѣло отъ ночной свѣжести за-

сунуль руки въ карманы и сурово, раздражительно приказаль своему возницѣ ѣхать какъ можно шибче.

Весь слѣдующій день и злился Арсаковъ, почти никуда не выходилъ изъ дома, почти ничего не читаль, не во-время и безъ аппетита пообѣдалъ, потомъ напился чаю и легъ спать гораздо раньше обыкновеннаго.

На другой день погода опять стала прекрасною, и послѣ выпавшаго наканунѣ дождя майское утро было еще восхитительнѣе, еще очаровательнѣе.

Арсаковъ пилъ чай и затракалъ на террасѣ, потомъ взялъ первый урокъ верховой ѣзды подъ руководствомъ Петра Вѣтрогонова, причемъ урокъ удался, и „профессоръ“ сулилъ своему ученику блестящіе успѣхи.

Легкая усталость послѣ этого урока сперва вызвала въ Арсаковѣ нѣкоторую истому, потомъ придала ему бодрость, дала аппетитъ, и онъ пообѣдалъ съ наслажденіемъ, находя, что его скромный, изъ трехъ блюдъ, обѣдъ гораздо лучше роскошныхъ яствъ гнѣздовскаго дома.

Передъ вечернимъ чаемъ Петръ Вѣтрогоновъ вернулся со станціи, куда онъ ѣздилъ верхомъ за журналами и газетами, и вмѣстѣ съ такими привезъ Арсакову первое письмо отъ Юліи Павловны.

Нѣжный, изящный образъ жены, какъ живой, всталъ прсдъ Арсаковымъ и показался ему очаровательнымъ, показался ему какъ-то особенно далекимъ теперь, почти потеряннымъ, а потому еще болѣе милымъ и дорогимъ.

„Милый, хорошій, далекій Поль“, — писала Юлія Павловна. — „Вотъ я и въ Петербургѣ... Холодный, всегда казавшійся мнѣ непривѣтливымъ и суровымъ Петербургъ на этотъ разъ... Впрочемъ, не такъ... Не съ этого начну я свое письмо, а буду писать тебѣ по порядку, чтобы

ты зналъ все и чтобы не имѣлъ повода упрекать свою Юленьку въ непослѣдовательности и въ неумѣньѣ написать складное письмо, — ты вѣдь у меня знаменитый стилистъ, самый аккуратный въ мірѣ человекъ и терпѣть не можешь никакой небрежности... И такъ, по порядку. Я пріѣхала въ Петербургъ не то что больная, дорогой Поль, а какая-то разбитая, а оттого, что рассталась съ тобою, скучала, какъ скучаю теперь и какъ буду скучать еще долго, долго... Я пріѣхала въ домъ къ дядѣ... Боже мой, опять сбилась съ истиннаго пути и дѣлаю скачки!.. Слушай же... Дядю я нашла, слава Богу.. болѣе здоровымъ, чѣмъ ожидала... Старичекъ, кажется, поправится и выздоровѣетъ. Впрочемъ, двѣ „знаменитости“, которыя ежедневно по два раза пріѣзжаютъ къ нему, ничего положительнаго не говорятъ и если не пугаютъ, то и не обнадеживаютъ. Старичекъ очень обрадовался моему пріѣзду и очень оцѣнилъ мое „самоотверженіе“, и конечно это настоящее самоотверженіе, потому что бросить тебя было для меня огромнымъ подвигомъ, честное слово, Поль... Пусть наши милые родные и знакомые думаютъ, что я сдѣлала это ради наслѣдства дяди, пусть они такъ думаютъ, если они черствые, корыстолюбивые и дурные люди. Что же касается до меня, то инныя чувства руководили мною. Стала я ухаживать за дядею. Милый, хорошій Поль!.. О, если-бъ мнѣ выдержать и этотъ искусь и не бросить больного старика ранѣе, чѣмъ это можно и нужно!.. Не подумай, Христа ради, что этимъ я хочу намеренно тебѣ о томъ, чтобы ты бросилъ наши милые „Топольки“ и пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ... Нѣтъ, нѣтъ, я этого совсѣмъ не хочу, запрещаю тебѣ это и желаю, чтобы ты жилъ въ деревнѣ, отдыхалъ, дышалъ воздухомъ нашихъ полей и въ то же время пилъ молоко, которое тебѣ полез-

но, которое поправитъ тебя и сдѣлаетъ такимъ розовымъ, смѣшнымъ, толстымъ, похожимъ на того мальчишку, которымъ мы любовались дня за два до нашего отъѣзда, гуляя на Пречистенскомъ бульварѣ... Помнишь?.. Ну, какъ ты живешь? Я вижу отсюда, какъ ты раннимъ утромъ прекрасно уже одѣтый, причесанный, благоухающій выходишь на террасу, вдыхаешь ароматъ нашихъ милыхъ тополей, цвѣтущей сирени, потомъ садишься за кофе, потомъ читаешь свою газету, журналъ, дѣлаешь небольшую прогулку предъ завтракомъ, потомъ завтракаешь... Ну, а потомъ?.. Милый, я начинаю бояться, что тебѣ будетъ скучно... Ты не охотникъ? Я терпѣть не могу, когда господа, называемые охотниками, бродятъ по полямъ и лѣсамъ, убивая совсѣмъ не нужныхъ, милыхъ и симпатичныхъ птичекъ, доставляя себѣ этимъ удовольствіе... Но тебя я такъ люблю и такъ боюсь, чтобы ты не заскучалъ, что рекомендую тебѣ этотъ спортъ, но при условіи, если ты умѣешь обращаться съ оружіемъ, а то Боже тебя сохрани!.. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не надо!.. А то эти ружья, порохи, пули и всякіе тамъ ужасы очень опасны... Нѣтъ, лучше не надо!.. Лучше учись ѣздить верхомъ... У насъ тамъ есть такой Петръ Вѣтрогоновъ, онъ кавалеристъ, прекрасный наѣздникъ, и онъ тебя научить и будетъ съ тобою ѣздить, а это прекрасное занятіе... А то нѣтъ ли какихънибудь сосѣдей, Полъ? Я помню, что недалеко отъ насъ есть имѣніе графовъ Дунайцевыхъ, пріобрѣтенное какими-то купцами,—забыла ихъ фамилію... Имѣніе называется „Козыри“, и я помню, что оно очень красиво. Я бывала тамъ ребенкомъ,—есть бы ты узналъ, что это за сосѣди и поѣхалъ бы къ нимъ. Быть можетъ, тамъ есть какаянибудь хорошенькая купеческая дочка,—я разрѣшаю тебѣ ухаживать за нею, декламировать ей стихи, читать, напри-

мѣръ, „Онѣгина“, писать ей въ альбомѣ мадригалы, и такъ далѣе, такъ далѣе... Итъ, и этого не надо, Поль, ибо это такъ же опасно, какъ и зарпженное ружье... До свиданія, Поль, до свиданія, Паша, до свиданія, Павлунчикъ, прощайте, Павелъ Дмитриевичъ, любите вашу жену, не забывайте ее и примите миллионъ поцѣлуевъ, которые заключены въ этомъ маленькомъ конвертикѣ... До свиданія... Я чувствую звонокъ, — это пріѣхала „знаменитость“. Твоя Юлія Арсакова“.

Арсаковъ прочиталъ это длинное письмо два раза, нѣсколько разъ усмѣхнулся, потомъ опять поцѣловалъ его, бережно сложилъ и спряталъ въ ящикъ письменнаго стола.

„Милая Юлія“,—говорилъ онъ, прохаживаясь по заросшимъ аллеямъ своего сада.—„Въ нѣй есть что-то неотразимо прекрасное... И какое же сравненіе эта самая обучающая купеческую дочку барышня Лютнева?... Ахъ, деревенская скука!.. Ахъ, деревенское одиночество!.. До чего они могутъ довести!..“

Въ это время по дорогѣ зазвенѣли какіе-то особенно маленькіе, словно серебряные, колокольчики, а вслѣдъ затѣмъ въ садъ съ террасы выбѣжалъ, какъ полоумный, Петръ Вѣтрогеновъ и съ краснымъ лицомъ, съ безумными почти глазами, задыхаясь, доложилъ, что „изволили пріѣхать господинъ Гнуздевъ“.

Арсаковъ презрительно посмотрѣлъ на своего вѣрнаго слугу и медленно направился къ дому.

VIII.

Арсаковъ остался очень доволенъ своимъ гостемъ.

Оказалось, что Петръ Максимовичъ Гнуздевъ не только не выразилъ какого нибудь неодобре-

нія или сожалѣнія, — чего особенно боялся Арсаковъ, — а, напротивъ, съ большимъ тактомъ и съ большимъ умѣньемъ похвалилъ уголокъ со-сѣда и тонко, умно, дипломатично польстилъ.

— У васъ прелестный уголокъ, Павелъ Дми-тріевичъ! — говорилъ онъ Арсакову, гуляя сперва по дому, потомъ по саду.

— Развѣ? — отозвался Арсаковъ, уже и теперь польщенный однимъ этимъ кроткимъ замѣчані-емъ.

— Рѣшительно прелестный уголокъ, — продол-жалъ Гнуздевъ. — Это, знаете, именно старое дворянское гнѣздо, и здѣсь все дышитъ та-кимъ изяществомъ, благородствомъ, милою ста-риною и похоже, знаете, на музыку Чайковска-го, у котораго элегія перемѣщается съ чѣмъ-то мечтательно-поэтическимъ и въ то же вре-мя слышится вѣяніе любви...

Арсаковъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмот-рѣлъ на своего гостя, не ожидая отъ этого „купчины“ такихъ словъ и такихъ удачныхъ, какъ ему казалось, сравненій.

— Да, это настроеніе только и сохранилось въ нѣкоторыхъ дворянскихъ имѣніяхъ, — продол-жалъ Гнуздевъ. — Мы, господа коммерсанты, при-обрѣтая старыя дворянскія гнѣзда, вносимъ въ нихъ элементъ чего-то новаго и, пожалуй, не особенно желательнаго...

Некрасивое, но умное лицо Гнуздева скраси-лось насмѣшливою улыбкою, которая придавала этому лицу что-то особенно интеллигентное и интересное.

— Я не желаю бичевать свое сословіе, — про-должалъ онъ, — я его люблю, уважаю, ожидаю отъ него великихъ и богатыхъ милостей для родной страны, но долженъ сознаться, что бар-скаго изящества въ насъ нѣтъ, и мы, хоть въ семи котлахъ насъ вари, не приобрѣтемъ того, что свойственно дворянину и что называется „distingué“.

Гнуздевъ обвелъ кругомъ рукою.

— А вы знаете, какъ все это мило,—опять продолжалъ онъ.—Вотъ эти старыя липы, эти дивныя тополя, не тронутые рукою слишкомъ рьянаго садовника... Вотъ эѳотъ старый домъ, съ его антресолями, съ балкончиками, съ этими тронувшимися временемъ колоннами... Это очень хорошо, и въ такомъ уголкѣ дышится какъ-то особенно пріятно и сладко.

Послѣ довольно продолжительной прогулки сѣли завтракать, и Гнуздевъ съ большимъ аппетитомъ ѣлъ приготовленные старикомъ-поваромъ котлеты, деревенскіе сочни, варенецъ, который удивительно дѣлала ключница Арсакова. Что же касается вина, то оно у Арсакова было хорошее и объ этой части стола Арсаковъ не беспокоился.

Были у него и хорошія сигары, съ которыми гость съ хозяиномъ и усѣлись на веррасѣ пить кофе.

Разстались сосѣди большими пріятелями, и Гнуздевъ взялъ слово съ Арсакова бывать въ „Козыряхъ“ какъ можно чаще.

— Ваше хузяйство, дорогой Павелъ Дмитріевичъ, — говорилъ Гнуздевъ, выходя уже на крыльцо, — ваше молодое, такъ сказать, хузяйство я осмотрю въ другой разъ и, если позволите, дамъ вамъ кое-какія указанія и наставленія... Я собственно коммерсантъ, промышленникъ, но я полюбилъ деревенское хузяйство и довольно скоро постигъ его премудрости. У васъ, кажется, есть молочное хузяйство?

— Да, кажется... Я, знаете, не вникъ еще ни во что, а моя жена любитъ деревню и вѣрить въ свои способности, какъ хозяйки... Вотъ когда она пріѣдетъ, тогда мы будемъ тутъ орудовать.

— Кто же у васъ управляетъ имѣніемъ и смотритъ за хузяйствомъ?

— А это есть такой Спиридонъчъ... Я, право, не знаю ни его біографіи, ни его способностей. Но, кажется, онъ большой чудакъ, а фамилія его Лунарьевъ...

— Должно быть, изъ духовнаго званія?—замѣтилъ Гнуздевъ.

— Врядъ ли... Скорѣе онъ сынъ какого нибудь двороваго и самъ былъ дворовымъ, но, разумѣется, въ дѣтствѣ, потому что ему лѣтъ около шестидесяти, и много-то онъ крѣпостного права не захватилъ... Да, вотъ кстати и онъ...

Арсакъ показаль глазами на огромную фигуру своего „управителя“, который стоялъ вдали и любовался великолѣпною закладкою Гнуздеа.

Антонъ Спиридонъчъ Лунарьевъ, старинный „управитель“ имѣнія, стоялъ дальше всѣхъ, одѣтый въ балахонъ изъ небѣленной парусины и въ какомъ-то странномъ картузѣ.

— Спиридонъчъ, пожалуйста сюда, — крикнулъ ему Арсакъ.

Спиридонъчъ, широко ступая, направился къ крыльцу и, не доходя шаговъ трехъ, снялъ картузъ.

— Изволили звать? — спросилъ онъ густымъ низкимъ басомъ.

Лицо у этого „управителя“, со странной фамиліей Лунарьевъ, было большое, съ очень крупными чертами. Словно какой нибудь неискусный скульпторъ, скульпторъ-ученикъ грубыми неумѣлыми руками изъ плохо приготовленной и очищенной глиняной массы вылѣпилъ это лицо да такъ и оставилъ, забывъ отдѣлать на-чисто.

Тѣмъ не менѣе въ лицѣ этомъ было много привлекательнаго, а изъ густыхъ выросших цѣлымъ кустарникомъ бровей смотрѣли и добрые, и неглупые, маленькіе сѣренькіе глазки.

Огромное тѣло Лунарьева, тѣло, несомнѣнно

обладающее колоссальной силой, было облечено въ широкій пиджакъ изъ небѣленаго холста и въ такіе же шаровары, заправленные въ чудовищные сапоги, пригодные для какого нибудь сказочнаго исполина.

— Изволили звать?—повторчлъ Лунарьевъ.

— Да, Антонъ Спиридоновичъ, звалъ,—отвѣтилъ Арсаковъ.—Вотъ Петръ Максимовичъ желаетъ поговорить съ вами.

Лунарьевъ, не поворачивая головы, взглянулъ на Гнуздева.

— Очень пріятно-съ!—промолвилъ онъ.—Но только о чемъ же господинъ Гнуздевъ спрашивать меня будетъ?..

— А хочу я васъ спросить, господинъ Лунарьевъ, о нѣкоторыхъ подробностяхъ молочнаго хозяйства, которое, кажется, ведется въ „Тополькахъ“,—проговорилъ Петръ Максимовичъ.

— Ничего я о семъ предметѣ сообщить не могу,—отвѣтилъ Лунарьевъ.

— Почему же?

— А потому, что предметъ сей вѣдаетъ моя госпожа Юлія Павловна.

Лунарьевъ посмотрѣлъ исподлбья на Арсакова.

— Больше вамъ ничего не угодно, сударь, приказать мнѣ?—спросилъ онъ.

Арсаковъ вопросительно и съ улыбкою посмотрѣлъ на своего гостя, а тотъ сдѣлалъ ему знакъ глазами отпустить „управителя“.

Лунарьевъ повернулся направо кругомъ по-солдатски и зашагалъ вглубь двора, надѣвъ по дорогѣ картузь.

— Преоригинальный типъ, — смѣясь, сказалъ Гнуздевъ. — Я не знаю, каковъ онъ на дѣлѣ, но преданъ онъ вамъ, конечно, беззавѣтно, а такихъ экземпляровъ теперь немного, такъ что вамъ надо имъ дорожить.

Гнуздевъ пожалъ еще разъ руку Арсакова

облеченною уже въ шведскую перчатку рукой и вскочилъ въ экипажъ.

— Вотъ и еще достопримѣчательность сихъ мѣстъ! — сказалъ онъ на прощанье, указывая глазами на фигуру Лунарьева.

Два дня Арсаковъ скучалъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи, развлекаясь уроками верховой ѣзды, въ которыхъ показывалъ великолѣпные успѣхи къ величайшему удовольствію своего преподавателя.

На третій день, когда Вѣтрогоновъ сказалъ, что Павелъ Дмитриевичъ можетъ хотъ въ московскомъ манежѣ на concours hippique участвовать, Арсаковъ рѣшилъ поѣхать къ Гнуздовымъ верхомъ.

Онъ собрался было съѣздить въ Москву, чтобы пріобрѣсти верховой костюмъ, но рѣшилъ, что можно обойтись и безъ такового, ограничившись лишь пріобрѣтеніемъ ботфортъ.

Тотъ же Петръ Вѣтрогоновъ, взявъ для образца ботинки Арсакова, съѣздилъ въ Москву и привезъ ему отъ лучшаго сапожника самые модные верховые сапоги свѣтло-коричневаго цвѣта; по собственной уже инициативѣ Вѣтрогоновъ купилъ шпоры и англійскій хлыстикъ.

Свѣтло-сѣрый пиджачный костюмъ при бѣломъ жилетѣ былъ очень удобенъ для верховой прогулки, и Арсаковъ даже полюбовался собою, стоя предъ зеркаломъ въ этомъ костюмѣ, въ желтыхъ со шпорами ботфортахъ, въ свѣтло-сѣромъ котелкѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и съ красивымъ хлыстикомъ въ рукахъ.

Красавецъ „Грачекъ“ былъ поданъ прекрасно осѣдланнымъ, вычистилъ его Петръ такъ, что онъ блестялъ, отливая атласомъ, расчесалъ ему заплетенную гриву, подстригъ хвостъ, вычернилъ копыта, и „Грачикъ“ былъ неузнаваемъ.

Онъ стоялъ, „отжевывая мундштукъ“, брызгая пѣною и красиво роя ногою землю. Петръ

нарочно цѣлыя сутки держалъ его безъ движенія, чтобы придать огня и жажды воли, а кромѣ того кормилъ его все это время морковью, что „даетъ тѣло“ лошади и глянецъ шерсти.

Павелъ Дмитріевичъ одинъ ѣхалъ еще не рѣшался и въ качествѣ берейтора рѣшилъ взять съ собою Петра.

Арсаковъ не безъ волненія сѣлъ на играющаго „Грачика“ и чуть было не растерялся, когда тотъ съ мѣста пошелъ галопомъ, но Петръ поравнявшись съ нимъ, сейчасъ же преподать совѣтъ „ослабить шенкеля“, взять покрѣпче мундштучный поводъ и не беспокоить „Грачика“ хлыстомъ.

Умная лошадь сейчасъ же перешла на тихую рысь и потомъ послушно пошла шагомъ.

Арсаковъ убѣдился, что страшнаго ничего нѣтъ, что все зависитъ отъ хладнокровія, отъ умѣнья управлять поводомъ, и развеселился.

Ночью прошелъ проливной дождь. Дороги не были пыльны, грязь же моментально высохла подъ яркими, жгучими лучами лѣтняго солнца.

Все благоухало; стояли первые дни великолѣпнаго юня, начинала уже колоситься рожь, луга пестрѣли теперь не только лишь желтыми опуванчиками, а и всѣми луговыми цвѣтами. Кое-гдѣ лиловыми пятнами выступали пригорки, покрытые колокольчиками, дальше алѣлъ совершенно распустившійся клеверъ, не тотъ, который былъ посѣянъ и который только пустился еще зеленью, а дикій, расцвѣтающій гораздо раньше. Дальше бѣлѣла кашка, наполняя воздухъ тонкимъ миндальнымъ запахомъ. Спрыснутыя за ночь березки были точно отполированы и пахли сильнѣе обыкновеннаго, а надъ лугами и полями стояла непрестанная пѣснь жаворонка.

— Какъ хорошо! — невольно подѣлился своими впечатлѣніями Арсаковъ.

— Оченно прекрасно, Павелъ Дмитріевичъ, — поспѣшно согласился Петръ. — Господи Боже мой, какое преимущество, ежели, на примѣръ сравнительно съ Москвою!.. Тамъ тебѣ пыль, тамъ тебѣ всякая грязь, всякое невѣжество, а здѣсь...

Онъ недоговорилъ и повелъ кругомъ рукою.

— Благодать, можно сказать, Павелъ Дмитріевичъ...

— Да, благодать...

Арсаковъ чувствовалъ себя счастливымъ, сильнымъ, несокрушимымъ. Чувствовалъ онъ себя и очень красивымъ, любуясь на свою тѣнь и на тѣнь „Грачика“, бѣгущую рядомъ съ нимъ.

Нѣжный, изящный образъ жены почему-то удалился изъ воображенія Арсакова, словно растаялъ въ этомъ жаркомъ и душистомъ воздухѣ.

Другой образъ былъ теперь предъ нимъ, манилъ его къ себѣ и вставалъ предъ нимъ въ лучезарныхъ тонахъ... Это былъ образъ Людмилы Васильевны, этой „Маргариты“, какъ звалъ ее архитекторъ.

Рядомъ съ нею сейчасъ же вставалъ образъ Болтова. Арсаковъ хмурился, плотно сжималъ губы и старался движеніемъ головы прогнать этотъ образъ.

Добравшись до березоваго лѣска, всадники дѣйствительно проскакали его въ карьеръ, и Арсаковъ, струсившій было сперва, убѣдился теперь, что страшнаго ничего нѣтъ, что „Грачикъ“ несетъ его словно рѣ люлькѣ, и что это очень весело, очень хорошо, и что Петръ Вѣтрогоновъ прекрасный берейторъ и прекрасный человѣкъ.

Минуть черезъ двадцать предъ всадниками юткрылся видъ на имѣніе Гнуздовыхъ, и оба они снова поскакали крупнымъ галопомъ.

IX.

Весело, радушно встрѣтили Арсакова въ „Козыряхъ“, и онъ сталъ часто ѣздить туда, почти ежедневно.

Встанетъ утромъ, напьется кофе, позавтракаетъ и зоветъ своего неизмѣннаго Петра Вѣтрогонова.

— Ыдемъ, Петръ? — спросить Арсаковъ, съ улыбкою поглядывая на браваго кавалериста.

— Такъ точно, Павелъ Дмитриевичъ...

— Верхами?

— Такъ точно, не иначе, что верхами...

— Ну-съ, такъ сѣдлайте, господинъ Вѣтрогоновъ, лошадей и подавайте...

— Слушаю, Павелъ Дмитриевичъ... Насчетъ обѣда прикажете отказать Максимовнѣ?

— Да ужъ, господинъ Вѣтрогоновъ, придется отказать, будемъ обѣдать въ гостяхъ...

Вѣтрогоновъ обыкновенно усмѣхнется.

— Сердится Максимовна, Павелъ Дмитриевичъ... „Должно быть, говорить, я барину угодить не могу, ежели все по чужимъ людямъ обѣдать изволить... Я, говорить, тутъ не причемъ, потому, говорить, мое дѣло только приказать да распорядиться, а обѣды готовить поваръ. Его, говорить, повара, стараго шута, прогнать надо, ежели онъ барину угодить не можетъ, а мнѣ, говорить, это довольно обидно...“

Арсаковъ засмѣялся.

— Успокой старушку, Петръ, скажи, что поваръ готовить отлично, что она занимается своимъ дѣломъ еще того лучше и что не обѣдаю я дома лишь потому, что мнѣ скучно...

Ему все больше и больше начинала нравиться Людмила Васильевна.

Первые дни, когда молодая дѣвушка на легкія заигрыванья Арсакова отвѣчала чуть ли не

презрѣніемъ, а Болтовъ стоялъ предъ нею въ глазахъ Арсакова несокрушимою стѣною, Арсаковъ готовъ былъ отказаться отъ желанія тронуть сердце молодой дѣвушки.

Онъ считалъ для себя унизительнымъ упорно искать любви у какой-то дѣвочки, когда онъ легко и быстро побѣждалъ самыхъ недоступныхъ свѣтскихъ красавицъ. Еще болѣе унизительнымъ, смѣшнымъ считалъ онъ соперничество съ Болтовымъ, съ этимъ „чудакомъ“, какимъ онъ казался Арсакову, и стой дѣло такимъ образомъ, Арсаковъ отошелъ бы, такъ сказать, отъ Людмилы. Но самые послѣдніе дни онъ замѣтилъ, что эта чуткая, впечатлительная дѣвушка начала какъ-то особенно поглядывать на него и какъ-то особенно прислушиваться къ нему.

Какъ-то въ дождливый, ненастный, похожій на осенній, вечерокъ многочисленное общество Гнуздовыхъ сидѣло въ гостиной, и Арсаковъ, чувствовавшій себя послѣ тонкаго, роскошнаго обѣда съ большимъ количествомъ вина въ самомъ радушномъ настроеніи, — разговорился.

Говорить Арсаковъ и умѣлъ и любилъ.

Даже Андрей Ильичъ Болтовъ, постоянный антаганистъ Арсакова, слушалъ его на этотъ разъ не только съ большимъ вниманіемъ, но и одобрительно, — предметъ былъ интересенъ Болтову, а съ выводами Арсакова онъ на этотъ разъ соглашался.

Съ огромнымъ напряженнымъ вниманіемъ слушала оратора Людмила Васильевна.

Арсаковъ случайно взглянулъ на дѣвушку, увидалъ ея возбужденное, покрытое румянцемъ личико, и это обстоятельство было лучшею для него наградою.

Какъ конь, почувствовавшій шпоры, закипаетъ или загорается, готовый взвиться подъ облака, такъ Арсаковъ, поймавъ такой взглядъ

дѣвушки, почувствовалъ себя поощреннымъ, вдохновеннымъ и заговорилъ еще съ большимъ жаромъ, съ большимъ увлеченіемъ, удивительно красиво и ярко.

Сейчасъ же онъ почувствовалъ необходимость одержать побѣду надъ Болтовымъ и разбить его на голову, а разбивъ, уронить въ глазахъ любимой и любящей дѣвушки.

— Вы ничего не имѣете возразить мнѣ, Андрей Ильичъ?—обратился Арсаковъ къ Болтову, закончивъ свою рѣчь блестящимъ афоризмомъ.

— На сей разъ рѣшительно ничего, — отозвался Болтовъ.

Говорили объ участіи крестьянъ въ созидательныхъ работахъ государства, и Болтовъ, какъ истый, убѣжденный народникъ, не могъ не соглашаться съ Арсаковымъ, поддерживавшимъ своею рѣчью мысль о такомъ участіи.

— Мнѣ это очень пріятно, Андрей Ильичъ, — продолжалъ Арсаковъ.

Онъ всталъ, подсѣлъ поближе къ Болтову и тронулъ его за колѣно.

— Еще болѣе мнѣ будетъ пріятно, Андрей Ильичъ, если вы согласитесь со мною, что „вашъ уходъ на землю“, что ваше бѣгство изъ города, бѣгство отъ интеллигенціи не выдерживаютъ никакой критики и не только не полезны, но даже вредны какъ для общаго дѣла, такъ и для васъ лично...

До сихъ поръ слушавшій съ большимъ вниманіемъ и доброжелательно посматривавшій на Арсакова Болтовъ теперь нахмурился и посмотрѣлъ на него строго, сурово и неодобрительно.

— Ну, ужъ на сей разъ извините, — угрюмо проговорилъ онъ. — Тутъ-то, ужъ вамъ меня не убѣдить, и на этой почвѣ я рассчитываю одержать полную побѣду...

— Неужели?

Арсаковъ улынулся и насмѣшливо прищурилъ свои красивые глаза.

— Несомнѣнно-съ!..

Болтовъ сталъ еще угрюмѣе.

— Я не обладаю ораторскими способностями,—продолжалъ онъ.—Я слава Богу, не адвокатъ и не мастеръ говорить, но свои-то вѣрованія и убѣжденія, свою-то правду, я отстаять сумѣю...

Арсаковъ опять усмѣхнулся.

— Эта фраза ваша о томъ, что вы „слава Богу не адвокатъ“ рассчитана, конечно, на то, чтобы уязвить мое адвокатское самолюбіе. Но,—увы! — вамъ это не удалось, и я уязвленнымъ себя не почувствовалъ... Я, дорогой Андрей Ильичъ, смѣю думать, что профессія адвоката—одна изъ самыхъ либеральныхъ и почтенныхъ профессій, и, разумѣется, при случаѣ, сумѣю вамъ доказать это. Но теперь у насъ рѣчь не объ этомъ, а потому перейдемъ къ предмету нашего разговора.

Арсаковъ поправился въ креслѣ, откинулся на спинку и скрестилъ на груди руки.

Все общество приготовилось слушать его съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ готовятъ слушать на какомъ нибудь музыкальномъ вечерѣ патентованную знаменитость.

И Арсаковъ началъ.

На его положенія, на его рѣчи и взгляды возразить было что, и будь тутъ человѣкъ, болѣе осведомленный, будь тутъ человѣкъ, болѣе привыкшій къ публичнымъ дебатамъ и состязаніямъ, Арсакова было бы разбить не трудно. Но Болтовъ, человѣкъ убѣжденный, человѣкъ крѣпко вѣрующій въ свои идеалы, не умѣлъ ни говорить красно, ни подыскать вѣ-

скихъ аргументовъ, ни состязаться въ краснорѣчіи съ такимъ умѣлымъ и патентованнымъ „разговорщикомъ“.

Арсakovъ билъ его мѣткими фразами, софизмами, ставилъ въ тупикъ неожиданно предложенными вопросами, сбивалъ съ толка цитатами, иногда, къ слову сказать, тутъ же имъ самимъ придуманными и приписанными различнымъ авторитетамъ.

Голтовъ началъ горячиться, а когда кто горячится въ спорѣ, тотъ всегда проигрываетъ кампанію.

Арсakovъ почувствовалъ побѣду, воспрянулъ еще больше „и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ“, — какъ некрасовскій герой въ поэмѣ „Саша“.

Онъ говорилъ о широкой дѣятельности въ центрѣ, то есть, въ столицѣ. Онъ говорилъ, что призваніе cadaго челоvѣка, сколько нибудь интеллигентнаго, освѣдомленнаго и способнаго быть въ самомъ центрѣ кипучей дѣятельности, „въ гущѣ жизни“.

Туда же онъ звалъ и женщинъ, особенно молодыхъ, подготовленныхъ къ общественной дѣятельности, желающихъ пользы родной странѣ.

Онъ говорилъ, что преступно и даже низко зарывать свои знанія и свои способности гдѣ какой нибудь дерерушкѣ, среди сѣрой, гнѣющей массы, которая отжила свой вѣкъ, которая должна сойти со сцены и уступить мѣсто новымъ, свѣжимъ, сильнымъ элементамъ.

Все, что помнилъ Арсakovъ изъ самыхъ модныхъ или либеральныхъ книгъ, было пущено въ ходъ, разсыропленное адвокатскимъ краснорѣчіемъ, пересыпанное блестящими афоризмами и цитатами.

Когда онъ кончилъ свою рѣчь опять-таки какимъ-то блестящимъ и яркимъ афоризмомъ, вся публика съ жаромъ, дружно зааплодировала ему.

Особенно старалась Вѣра Гавриловна, которая даже подпрыгивала на своемъ креслѣ и хлопала въ ладоши, широко раскидывая руки, какъ она хлопывала Шаляпину и Собинову, и ея крики „браво“, „браво“ раздавались по всему дому.

Аплодировала и Людмила Васильевна, вся пунцовая отъ волненія, съ сверкающими глазами, видимо захваченная пылкой, красивой рѣчью молодого оратора.

Только Болтовъ не аплодировалъ и сидѣлъ, скрестивъ на груди руки.

— Разбиты, Андрей Ильичъ, разбиты, на голову разбиты,—обратилась къ нему Вѣра Гавриловна. — Это, мой милый, Андрей Ильичъ, должно быть не Петръ Максимовичъ, съ которымъ вы состязаетесь и котораго частенько побѣждаете!.. Ха-ха-ха!.. Правда, Андрей Ильичъ, это не мой муженекъ, котораго вы такъ часто къ стѣнѣ припираете, а?..

Болтовъ угрюмо посмотрѣлъ на Вѣру Гавриловну, ничего не сказавъ, всталъ и ушелъ въ садъ.

Теперь на небѣ прояснѣло, вышла луна, обѣщая на завтра снова теплый и ясный день.

Часть гостей вышла на террасу, часть—отправилась по саду.

Вышелъ пройтись съ сигарой въ зубахъ и Арсаковъ. Идя по длинной тополевой аллеѣ, онъ улыбался, вспоминая о впечатлѣніи, произведенномъ своею рѣчью, и вдругъ на низенькомъ диванчикѣ увидалъ Людмилу Васильевну, которая сидѣла тутъ, глубоко задумавшись.

Дѣвушку ярко, ярко обливалъ свѣтъ луны.

Х:

Дѣвушка, заслышавъ шаги, подняла голову, и лицо ея, освѣщенное яркою луною, показалось Арсакову особенно милымъ и прекраснымъ.

— Какая ночь!—проговорилъ Арсаковъ.

Людмила Васильевна какъ-то грустно улыбнулась и повела слегка плечами, словно отъ небольшого холода.

— Да, дивная ночь... Дивная ночь, но печальная...

Арсаковъ бѣгло взглянулъ на скамью, гдѣ помѣщалась дѣвушка, и сѣлъ рядомъ.

— Печальная? — спросилъ онъ. — Почему печальная?..

— Мнѣ она кажется такою...

Дѣвушка наклонила голову и стала водить по песку дорожки сорванной вѣточкой.

— Стало быть, вамъ живется не весело, Людмила Васильевна?—невольнo вырвалось у него.

Дѣвушка встрепелась, словно испуганная.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я этого не говорила, и вы, пожалуйста, этого не думайте... Мнѣ просто немного всгрустнулось, стало немножко скучно.

Она встала.

— Куда вы? — почти съ тревогою спросилъ Арсаковъ.

— Пойду домой...

— Посидите, Людмила Васильевна... Поговоримъ, потолкуемъ...

Дѣвушка послушно опустилаь опять на скамью.

— Нѣтъ, Людмила Васильевна,—началъ Арсаковъ.—Вы желаете скрываться предо мною, и я не ошибся, когда подмѣтилъ въ вашихъ словахъ нотку грусти, почти тоски. Вы несомнѣнно скучаете, ибо вы одинокая...

— Одинокая?—спросила Людмила Васильевна.

— Да, да, одинокая!.. Этихъ господъ и господжъ, которые окружаютъ тутъ васъ, которыми переполненъ весь этотъ роскошный, богатый домъ, я не считаю...

Онъ остановился, какъ бы немножко смущенный.

— Не считаете за людей?—съ улыбкою спросила дѣвушка.

— Ну, нѣтъ, я этого не хотѣлъ сказать... Это было бы слишкомъ сильно... Я хотѣлъ только сказать, что не считаю ихъ за близкихъ вамъ, за такихъ, съ которыми можно было бы „размыкать горе“...

Она подумала секунду и сказала:

— Я совсѣмъ не одинока, и у меня здѣсь есть очень близкій человѣкъ...

— Господинъ Болтовъ?

Въ этомъ вопросѣ явно прозвучала насмѣшливая нотка, и нотка эта дѣвушкѣ, кажется, не понравилась.

— Да, господинъ Болтовъ... Онъ очень очень хорошій человѣкъ!..

Она выговорила эти слова торопливо, быстро, словно боясь, чтобы собесѣдникъ не предупредилъ ее и не сказалъ чегонибудь діаметрально противоположнаго тому, что хотѣла сказать она.

Арсакъ засмѣялся.

— Да, я и не сомнѣваюсь ни на одну секунду, что господинъ Болтовъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ...

Онъ остановился.

— Господинъ Болтовъ, быть можетъ, не только хорошій человѣкъ, но и превосходный человѣкъ, даже сверхъ-человѣкъ. Но у него есть одинъ очень существенный недостатокъ.

— Какой?

— А вы не обидитесь, если я скажу свое откровенное мнѣніе? — осторожно и мягко спросил онъ.

— Нѣтъ, не обижусь... Почему же я должна обижаться?..

— Да, хотя бы потому, что онъ вашъ другъ... Людмила Васильевна пожала плечами.

— Ну, что-жь?... Допустимъ, онъ мой другъ, но вѣдь, во-первыхъ, никому нельзя запретить имѣть мнѣніе о моемъ другѣ, а во-вторыхъ...

Она не договорила.

— А во-вторыхъ, извините, я могу и не считать ваше мнѣніе за авторитетное, могу не согласиться съ нимъ, могу спорить...

— О, конечно!..

— Ну, такъ вотъ и скажите ваше мнѣніе объ Андреѣ Ильичѣ.

— Милѣйшій Андрей Ильичъ Болтовъ немножко глуповатъ и немножко скучноватъ... Даже не такъ, не совсѣмъ такъ... А вотъ какъ: онъ немножко глуповатъ и очень-очень скучноватъ...

Арсакъ дождался возраженія, но увидавъ, что такового не будетъ, продолжалъ:

— Скучноватъ онъ потому, что очень ужъ прямолинеенъ, говоритъ все изъ прописей, гдѣ помѣщаются нравственные сентенціи для юношества, да должно быть еще съ обратной стороны отрывного календаря, гдѣ помѣщаются всякія мудрыя изреченія великихъ людей, афоризмы и иногда совсѣмъ немудрыя изреченія немудрыхъ людей, а составителя календаря, который беретъ, беретъ „умное“, да потомъ и брякнетъ что нибудь для разнообразія, что бываетъ не всегда умно, а милѣйшій господинъ Болтовъ...

Людмила Васильевна вдругъ порывистымъ жестомъ остановила своего собесѣдника и даже двала его за руку.

— Нѣтъ, не говорите этого!—сказала она.— Зачѣмъ?.. Неправда... Болтовъ и не скучный, и умный человѣкъ, а только онъ..

— Что?—съ усмѣшкою спросилъ Арсаковъ.

— Онъ не привыкъ къ большому обществу, онъ не умѣетъ спорить, застѣнчивъ...

Дѣвушка опять встала.

— Не будемъ объ этомъ говорить, м-сье Арсаковъ... Вы правы, — Болтовъ — мой другъ... Я очень люблю и уважаю его; быть можетъ, онъ не вполне съ установившимися вглядами, быть можетъ, онъ заблуждается въ чемъ нибудь, но онъ честный человѣкъ...

— Несомнѣнно, очень честный!—проговорилъ Арсаковъ.

— И умный!—твердо и настойчиво добавила дѣвушка и ушла по направленію къ балкону, точно убѣгая отъ своего собесѣдника.

Арсаковъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, усмѣхнулся, не торопясь закурилъ сигару и остался сидѣть тутъ, словно очарованный тишиною этой дивной лунной ночи.

Ему стало весело отъ сознанія, что онъ посѣялъ нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ этой дѣвочки и что до сегодняшняго дня свѣтлый, какъ серебро, образъ ея „друга“ теперь несомнѣнно покажется ей слегка тусклымъ, ну, а затѣмъ потускнѣетъ еще больше и, наконецъ, совсѣмъ потеряетъ всякое значеніе, всякій смыслъ и покажется только жалкою посредственностью.

Арсаковъ былъ по призванію донъ-жуанъ.

„Науку страсти нѣжной“ онъ изучилъ въ совершенствѣ. Это была для него именно „наука“, и всѣ перипетіи любви, начиная отъ легкаго невиннаго флирта и кончая настоящимъ романомъ, онъ испыталъ множество разъ, при-

чемъ эти перипетіи любви доставляли ему огромное наслажденіе и казались „смысломъ жизни“.

Встрѣчая на пути такъ называемаго „соперника“, Арсаковъ быстро изучалъ силы этого соперника, очень скоро и легко узнавалъ его слабыя стороны, велъ кампанію противъ такого соперника и почти всегда одерживалъ побѣду, выставивъ своего соперника человѣкомъ ничтожнымъ, а если это было трудновато, если соперникъ былъ фигурою крупною, такъ старался представить его въ глазахъ женщины смѣшнымъ, хорошо зная, что женщина никогда и ни въ какомъ случаѣ не проститъ мужчинѣ „смѣшное“.

Прекрасно изучивъ сердце женщины, Арсаковъ зналъ, что любая изъ нихъ можетъ простить суровость, грубость, жестокость, можетъ простить преступленіе, можетъ простить низость мужчинѣ, но разъ мужчина показался „смѣшнымъ“, женщина никогда этого не проститъ, и затѣмъ уже никакія силы не возстановятъ въ ея глазахъ мужчину, разъ показавшагося смѣшнымъ.

Найти въ человѣкѣ глупость, злость, низость нелегко, если даже таковыя качества и существуютъ въ хитромъ человѣкѣ, а въ иномъ таковыхъ качествъ совсѣмъ нельзя показать женщинѣ. Что же касается до „смѣшного“, то разумѣется, почти въ каждомъ человѣкѣ, за очень рѣдкими исключеніями, можно найти таковое.

И Арсакову это всегда удавалось.

Людмила Васильевна нравилась ему все больше и больше.

Одиночество ли было тому причиною, весна ли сказалась съ ея могучими чарами, дѣйствительно ли хороша была эта молодая дѣвушка, но только онъ почувствовалъ къ ней сильное

влеченіе, и вотъ теперь, въ эту великолѣпную, полную чаръ любви ночь, онъ чуть ли не съ испугомъ убѣдился, что начинаетъ любить эту дѣвушку.

„Пустое!“ — вслухъ подумалъ онъ. — „Павелъ Дмитріевичъ, вы дѣлаете глупости! Павелъ Дмитріевичъ, это вамъ не къ лицу!.. Во-первыхъ, вы не юнецъ, чтобы влюбляться въ бѣлокурую гувернантку, во-вторыхъ, вы — обладатель одной изъ самыхъ милыхъ въ мірѣ женщинъ, а въ-третьихъ, это вообще глупо и пошло, а посему, Павелъ Дмитріевичъ, вамъ разрѣшается подъ тѣнью этихъ тополей легонькій флиртъ, легонькій романчикъ, который кончается двумя первыми главами, не болѣе не менѣе...

Арсакъ швырнулъ дурно курившуюся сигару въ траву, всталъ и пошелъ къ дому.

— Неправда ли, какая дивная ночь?..

Арсакъ вздрогнулъ отъ голоса, произнесшаго эти слова, и остановился.

Великолѣпная Вѣра Гавриловна, вся въ бѣломъ и вся залитая луннымъ свѣтомъ, шла съ боковой дорожки, играя букетомъ только что сорванныхъ, обрызганныхъ ночью росой алыхъ розъ.

— Вы вздрогнули?—спросила она, вплотную подходя къ своему гостю.—Я испугала васъ неожиданнымъ появленіемъ?

— Да, немножко... Я, знаете, шелъ, задумался...

— Можно спросить—о чемъ?..

Арсакъ прищурился и посмотрѣлъ на мадамъ Гнуздеву.

Она была очень эффектна въ своемъ бѣломъ туалетѣ, вся облитая луннымъ свѣтомъ, вся охваченная истомою страсти, съ пунцовымъ розаномъ въ черныхъ волосахъ, съ полуоткрытыми полными губами...

— А не разсердитесь, если я скажу правду?—спросилъ Арсаковъ.

— Развѣ правда можетъ быть обидною?— вмѣсто отвѣта спросила Вѣра Гавриловна.

Арсаковъ подавъ руку Вѣрѣ Гавриловнѣ и повелъ ее въглубь сада.

— Видите ли, — продолжалъ онъ, медленно гедя свою даму и вдыхая аромать ея духовъ и ея дивнаго букета, — видите ли, Вѣра Гавриловна, есть женщины, которыя отвѣчаютъ только шуткою или ледянымъ холодомъ на нескромную рѣчь встрѣтившагося съ нею мужчины, а есть женщины, которыя обижаются, сердятся... Я, Вѣра Гавриловна, соесѣмъ бы не желалъ васъ разсердить...

Довольно полная рука мадамъ Гнуздовой, прижатая рукою Арсакова, слегка рздрогнула.

— Ого! Вы что-то особенно таинственное думаете сказать... — проговорила Вѣра Гавриловна и вызывающе засмѣялась.

— Быть можетъ...

— Ну, такъ говорите...

— Подъ страхомъ вашего гнѣва?

— Нѣтъ, я не очень гнѣвная...

— Вы добра?

— Не скажу, чтобы очень добрая, но...

Вѣра Гавриловна громко и весело засмѣялась.

— Но снисходительная!...—договорила она.

— Ну, а если вы снисходительная, такъ я...

— Что?

Арсаковъ посмотрѣлъ ей въ лицо и медленно, почти заговорилъ:

— Подарите мнѣ одну изъ вашихъ розъ...

— Это все, что вы хотите отъ меня потребовать? — съ усмѣшкою спросила Вѣра Гавриловна.

— А развѣ этого мало?

— Во всякомъ случаѣ, это легко выполнимо...

— А вамъ извѣстно, что значить, когда замужняя женщина дарить мужчинѣ розы?

— Нѣтъ, а что же это обозначаетъ?

— Вы не знаете, что это символъ?

— Нѣтъ... Символъ чего же?..

— А вотъ вы дайте сперва розу, а потомъ я объясню вамъ этотъ символъ...

Арсаконъ засмѣялся.

— Вы, кажется, испугались, Вѣра Гавриловна, когда я заговорилъ о символѣ. Вы не знаете, что значить этотъ символъ, трусили и розу не даете...

— О, нѣтъ... Я вамъ сказала уже, что я не строгая, не злая, а теперь скажу, что я и не трусливая...

Она выбрала изъ букета самую крупную, махровую, роскошную розу и подала ее Арсакову.

Отъ дома слышались голоса, смѣхъ, и нѣскольکو человекъ бѣжало по той дорожкѣ, по которой шли Вѣра Гавриловна и Арсаковъ.

— Какая ночь!.. Ахъ, какая ночь!—опять восторженно проговорила мадамъ Гнуздева, и, выпустивъ руку Арсакова, пошла на встрѣчу бѣгущей кампаніи, что-то громко и весело напѣвая.

Арсаконъ, закинувъ руки назадъ, шелъ слѣдомъ. тоже тихонько напѣвая и улыбаясь.

Ему было весело. Эта дивная ночь казалась ему дѣйствительно прекрасною, и онъ ждалъ отъ этой ночи и отъ многихъ другихъ ночей веселья, радости и жизни...

IX

„Жизни“ стала ждать и Людмила съ этого дня.

До сихъ поръ подъ словомъ „жизнь“ молодая дѣвушка, находившаяся подъ вліяніемъ

Болтова, подразумѣвала совсѣмъ не то, что казалось жизнью Арсакову.

Дѣвушка стала искать послѣ бесѣдъ съ Болтовымъ кипучей дѣятельности, труда, хотя бы неблагодарнаго, чернаго труда, но непременно труда, безъ котораго, по словамъ Болтова, жизнь безсмысленна и позорна.

Какой будетъ этотъ трудъ, — Людмила хорошенько еще не знала, но готовилась къ нему, готовилась къ жизни, полной лишеній, къ жизни суровой и не боялась такой жизни.

Въ чувствахъ своихъ къ Болтову Людмила не давала себѣ отчета, не анализировала этихъ чувствъ, и порою ей казалось, что она любитъ этого человѣка, что онъ будетъ ея мужемъ и что жизнь ихъ пойдетъ совместно... Порою же Людмилѣ казалось, что Болтовъ мужемъ ея не будетъ, что онъ только останется ея хорошимъ другомъ и сотрудникомъ на всю жизнь, быть можетъ, какъ учитель въ томъ самомъ училищѣ, гдѣ она будетъ учительницею, быть можетъ, просто, какъ „свѣтель добра“, какимъ онъ былъ въ настоящее время, придя въ деревню съ желаніемъ научить чему-то эту деревню и научиться отъ нея самому.

Теперь послѣ зажигательныхъ, пламенныхъ и заразительныхъ рѣчей Арсакова въ лунную ночь, напоенную ароматомъ пѣтловъ, жизнь стала представляться Людмилѣ иною, и, не отрекаясь совершенно отъ труда, она стала ожидать и жадно ожидать личнаго счастья, личныхъ радостей, наслажденій.

О, какъ хотѣлось ей теперь жить въ широкомъ, огромномъ значеніи этого слова!..

„Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, Людмила не видала никакихъ радостей до сей поры.

Дѣтство было пасмурное, сѣренькое, дѣтство „безъ липъ“, подѣ которыми протекаетъ дѣтство другихъ, болѣе счастливыхъ дѣтей.

Отецъ, маленькій чиновникъ, едва сводилъ концы съ концами, и не до игрушекъ ему было, а знакомыхъ, которые могли подарить что нибудь, у семьи совсѣмъ не было.

Десяти лѣтъ Милочка поступила въ гимназію, и съ этого времени жизнь ей стала полнѣе, интереснѣе.

Не особенно важная и не ахти какъ преподаваемая гимназическая наука тѣмъ не менѣе заинтересовала и захватила дѣвочку. Способностями Богъ ее наградилъ, и она училась легко, весело, идя въ числѣ самыхъ первыхъ.

Явились подруги, привязанности, общіе интересы, а потомъ, когда дѣвочка была въ старшихъ классахъ, подруги не только наполняли ея жизнь, но и давали возможность увидать „свѣтъ“, то есть, не особенно ужъ какой свѣтъ, но тѣмъ не менѣе много свѣтлѣе того, который былъ у дѣвочки дома.

Очень скоро послѣ окончанія гимназіи, которая наградила Лютневу медалью, дѣвушка получила ~~два~~-три хорошихъ урока, что значительно улучшило ея матеріальное положеніе, а затѣмъ получила и мѣсто у Гнуздовыхъ.

Съ этого момента Людмила увидала еще не особенно полиую и содержательную жизнь, то во всякомъ случаѣ, веселую, обильную и блестящую.

Вѣра Гавриловна старалась быть очень либеральною, а потому на гувернантку своей дочери не смотрѣла, подобно многимъ изъ ея знакомыхъ, какъ на бонну. Дѣвушкѣ въ домѣ Гнуздовыхъ жилось привольно и хорошо.

Иногда, находясь не въ духѣ, Вѣра Гавриловна забывала свой либерализмъ и становилась похожею на ордынскую обитательницу и на сво-

ихъ тетушекъ, бабушекъ и кумушекъ, которыя гсегда были невоздержанны, грубы и дерзки. Тогда Людмилѣ доставалось, но она не придавала этому большого значенія, ибо тогда „доставалось“ наравнѣ съ нею рѣшительно всѣмъ обитателямъ дома отъ истопника, котораго Вѣра Габыриловна бранила громко на весь домъ, до самаго Петра Максимовича, который въ это время угрюмо молчалъ, усиленно куря сигару, или одѣвался и уѣзжалъ изъ дома.

Впрочемъ, вспышки такія случались не часто, и въ общемъ дѣвушка жилось въ домѣ Гнуздовыхъ легко, весело и очень сытно.

Скучать или о чемъ нибудь задумываться дѣвушка было рѣшительно некогда. Дни проходили очень быстро, и тѣ шестнадцать - семнадцать часовъ, которые дѣвушка болретвовала, были наполнены занятіями съ Додочкою, завтраками, обѣдами, чаями. пріемомъ гостей, выѣздами въ театры, веселыми журфиксами, на которыхъ у Гнуздовыхъ собиралось множество самаго разнообразнаго и иногда очень интереснаго народа.

Немного приходилось и читать Людмилѣ.

Люпмилу иногда тянуло къ серьезной книгѣ, но дѣвушка было рѣшительно некогда сѣсть за нее, и въ деревнѣ Болтовъ своими разговорами открылъ предъ нею цѣлый новый, неизвѣданный міръ идей, мечтаній и грѣзъ.

Этотъ вновь открытый міръ не вполне еще сформироваался, какъ Арсаковъ своими рѣчами, своимъ призывомъ къ радости, къ наслажденіямъ, къ личному счастью внесъ въ него какой-то сумбуръ, и получился хаосъ.

Крѣпко задумалась молодая дѣвушка, заскучала, затосковала даже, и въ то время, когда Арсакову захотѣлось „жить“, страстно захотѣлось жить и Людмилѣ.

На другой день послѣ ночной бесѣды съ

Арсакѣвымъ въ освѣщенномъ луною саду, Людмила пошла гулять одна, такъ какъ Додочка наканунѣ промочила ноги и немного простудилась.

Идя краемъ обрыва, у подножья котораго журчала и пѣнилась маленькая и быстрая рѣчка, Людмила думала о вчерашней бесѣдѣ, думала объ Арсакѣ и анализировала въ себѣ тѣ новыя чувства, которыя поднялись въ ней.

Анализъ не удавался, и дѣвушка была какъ-то встревожена, какъ-то ажитирована.

Она быстро шла по узенькой дорожкѣ, рискуя оборваться съ обрыва, и, совсѣмъ не замѣчая, зашла довольно далеко отъ дома.

Раздавшійся неподалеку выстрѣлъ напугалъ ее и заставилъ вскрикнуть.

Въ ту же секунду зашуршали кусты тальника, которымъ поросъ оврагъ, и на тропинку быстро вышелъ Болтовъ съ двустволкою въ рукахъ.

— Боже мой, Людмила Васильевна! Это вы сейчасъ вскрикнули? — испуганно проговорилъ онъ, забывая поздороваться съ дѣвушкою.

— Да, я... Это вы выстрѣлили?

— Я, Людмила Васильевна, я... Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, что встрѣчу васъ тутъ и напугаю васъ...

— Могли и убить, — съ грустной улыбкою замѣтила Людмила.

— О, нѣтъ...

— Почему?

— Да потому, что въ такихъ закрытыхъ мѣстахъ скольконибудь сообразительный чловѣкъ не стрѣляетъ прямо, зная, что по близости всегда можетъ быть ктонибудь. Стрѣляютъ же въ такихъ мѣстахъ только вверхъ.

— Вы въ кого же стрѣляли?

— Въ коршуна...

— А вы, кажется, врагъ всякаго рода

убійствъ? — замѣтила Людмила. — Вы мнѣ много разъ говорили объ этомъ...

— Да, но это не относится къ хищникамъ, которыхъ слѣдуетъ истреблять, ибо они вредны... Теперь я промахнулся, но въ другой разъ буду искуснѣе и осторожнѣе. Нѣтъ, не отвертѣться отъ меня этотъ разбойникъ.

Болтовъ поднялъ голову и показалъ на черную точку, которая едва-едва замѣтно кружилась въ синемъ небѣ.

— Вонъ онъ полетѣлъ! — проговорилъ Болтовъ. — погоди ты, я тебя достану, разбойника...

Людмила мечтательно и задумчиво смотрѣла на удаляющагося хищника.

— А вѣдь и ему хочется жить, — проговорила она. — И онъ имѣетъ право на существованіе... Чѣмъ онъ виноватъ, что природа создала его хищникомъ?.. Его участь такая, чтобы уничтожать другихъ и существовать жизнью этихъ другихъ.

— Несомнѣнно, но вѣдь это даетъ право и другимъ уничтожать его, какъ вредный элементъ... Пусть онъ питается кровью и жизнью другихъ, но до тѣхъ поръ, пока не попадетъ на ловкаго и сильнаго, — тогда ему конецъ, тогда ему крышка, какъ говорятъ наши мужики...

Болтовъ посмотрѣлъ еще на коршуна, но тотъ уже исчезъ, и глаза молодого человѣка сверкнули огонькомъ.

— Я ненавижу всѣхъ хищниковъ, — проговорилъ онъ, — и мнѣ нисколько не жаль убить такого хищника.

Людмила пытливо посмотрѣла на своего собесѣдника, и что-то новое и незнакрое показалось ей въ выраженіи его глазъ, въ выраженіи его лица и въ тонѣ голоса.

— Я не знала, что вы такой... такой злой... — съ нѣкоторымъ усиліемъ выговорила дѣвушка.

— Что-жъ, человѣкъ иногда имѣетъ право быть алымъ, а иногда и... обязанъ...

— Въ какихъ же это случаяхъ?

— А вотъ въ такихъ, когда встрѣчаешь хищника или видишь, что хорошему человѣку угрожаетъ опасность... О, я не сторонникъ идеи „непротивленія злу“, я другихъ взглядовъ, другихъ вкусовъ, и моя рука, назначенная для работы, безъ содраганія нанесетъ смертельный ударъ злему существу...

— Вродѣ, напимѣрь, коршуна или волка?—спросила Людмила.

— Нѣтъ-съ, не только въ видѣ коршуна или волка, а и въ видѣ двуногаго существа, изъ числа которыхъ бываютъ болѣе злые, чѣмъ коршуны и волки...

Опять дѣвушка посмотрѣла на своего друга съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ.

Болтовъ замѣтилъ это выраженіе дѣвушки и вызвалъ на измѣнившемся лицѣ своемъ добрую и веселую улыбку.

— Какіе, однако, у насъ страшные и кровавые разговоры!—проговорилъ онъ.—Природа такъ хороша, такое дивное утро, такъ чудно жаворонки поютъ, такъ травы и цвѣты благоухаютъ, а мы заговорили о какихъ-то хищникахъ, о врагахъ, о злѣ и объ убійствѣ...

— Это вы заговорили, а не я, — поправила дѣвушка.

— Ну, не буду больше, простите...

Болтовъ виновато усмѣхнулся, и лицо его стало опять милымъ, добродушнымъ, нѣсколько даже дѣтскимъ лицомъ, такимъ именно, какимъ привыкла видѣть его Людмила.

— Долго сидѣлъ вчера господинъ Арсаковъ?—спросилъ Болтовъ.

— Нѣтъ... Да, довольно долго... Я, право, не помню... Я скоро ушла къ себѣ и заснула, а

тамъ еще, кажется, сидѣли... Я слышала, какъ громко хохотала Вѣра Гавриловна, какъ кто-то пѣлъ, но уже сквозь сонъ... и потомъ крѣпко крѣпко заснула...

— А что во снѣ видѣли?

Людмила посмотрѣла на него нѣсколько удивленнымъ взглядомъ.

— Во снѣ?—переспросила она.

— Да... Что вы видѣли во снѣ?.. Мнѣ думается, что вашъ вчерашній сонъ долженъ былъ быть особеннымъ, не такимъ, какъ всѣ ваши сны...

Опять посмотрѣла она на него съ удивленіемъ.

— Почему?

— Да такъ, думается мнѣ...

— Нѣтъ, вы должны сказать, почему?

Какая-то неопредѣленная улыбка промелькнула по загорѣлому суровому лицу молодого человека.

— Да такъ, я думаю...

— Андрей Ильичъ, это вѣдь не отвѣтъ... Я требую, чтобы вы сказали непременно... Почему у меня должны были быть особенные сны въ этотъ разъ?..

Онъ перекинулъ ружье съ лѣваго плеча на правое.

— Я думаю; что вы видѣли нехорошіе и тревожные сны, потому что съ вами нехорошо разговаривалъ господинъ Арсаковъ...

Онъ пытливо взглянулъ на свою спутницу, желая узнать, какое впечатлѣніе произвели на нее эти слова.

Лицо Людмилы покойно, и только чуть-чуть вздрагивали опущенныя вѣки.

Болтовъ осторожно взялъ ее за руку.

— Вы не должны на меня сердиться,—нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ заговорилъ онъ.— Вы не должны на меня сердиться, Людмила Ва-

сильзна, потому что я—вашъ другъ, преданный, старый другъ...

Дѣвушка подняла на него глаза.

ХII.

Тотъ, котораго Болтовъ считалъ „хищникомъ“, говоря объ этомъ „хищникѣ“ намеками, тотъ, который произвелъ на немъ сильное впечатлѣніе и на Вѣру Гавриловну, и на Людмилу, и на Болтова, — на этого иное, чѣмъ на двухъ первыхъ,—тотъ, который произвелъ цѣлый переполохъ въ домѣ Гнуздева, чувствовалъ себя великолѣпно, чувствовалъ себя, „какъ рыба въ водѣ“.

Онъ вернулся домой послѣ знаменательной поэтической ночи въ великолѣпномъ расположеніи духа, съ приливомъ радости въ сердцѣ, съ приливомъ молодого счастья, которое безопасно, которое эгоистично и ничего знать не хочетъ...

Арсаконъ видѣлъ, что пышная, эффектная Вѣра Гавриловна его любитъ уже и готова на какой угодно романъ, а Людмила готова полюбить и полюбить скоро и сильно, — объ остальномъ же нашъ герой не думалъ.

Что ему за дѣло, что у Вѣры Гавриловны есть мужъ, могущій пострадать, могущій стать несчастнымъ!..

Не бѣда,—страданіе вѣдь удѣлъ каждому человѣка, и онъ, Павелъ Дмитриевичъ Арсаконъ, лишь орудіе въ рукахъ судьбы.

Думая о начинающемся романѣ съ Людмилою, онъ былъ немного сдержаннѣе, и какой-то слабый, чуть-чуть слышимый голосъ говорилъ ему, что увлекать дѣвушку стыдно и грѣшно, что кому-то и когда-то придется дать за это отвѣтъ не по земнымъ законамъ, нѣтъ, а по

какимъ-то инымъ, не написаннымъ параграфами и статьями...

Арсаконъ зналъ, что онъ не погубить Людмилу, — для этого онъ былъ слишкомъ порядоченъ,—но вѣдь и та „игра“, которую онъ заводилъ съ нею, была игра нехорошая, жестокая, похожая на игру кошки съ мышью, тѣмъ болѣе, что тутъ было еще „третье лицо“, которое должно было пострадать отъ этой игры.

Думая объ этомъ, Арсаконъ немного смутился было, но не надолго.

„Вздоръ все!—рѣшилъ онъ.—Дѣвушка поживетъ нѣсколько мѣсяцевъ полною жизнью, всласть поживетъ, что называется, полною грудью подышитъ, а тамъ и кончится все... Ей—вспоминаніе на всю жизнь, а мнѣ развлеченіе. Чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ скучно?.. Я хочу жить и все не намѣренъ стѣснять себя какими-то моральями. Вотъ еще раздоръ какой?.. Ну, а что касается этого полудикаго помѣщика, господина Болтора, такъ мнѣ до него никакого ужъ дѣла нѣтъ, и я совсѣмъ не намѣренъ ради выгодъ, удобствъ и радостей господина Болтова себя лишать выгодъ, удобствъ и радостей!... О, я слыхалъ проповѣди и лекціи объ альтруизмѣ, но не видалъ что-то настоящихъ альтруистовъ, такъ и я не хочу быть таковымъ!..“

И вотъ Арсаконъ былъ веселъ, покоенъ и счастливъ.

Кое-какъ скоротавъ одинъ день дома и не соскучившись, на слѣдующій день онъ опять собрался къ Гнуздевымъ и послѣ завтрака приказалъ Вѣтрогонову сѣдлатъ „Грачика“.

— А я сегодня, Павелъ Дмитріевичъ, на ворономъ жеребчикѣ поѣду, — сообщилъ Вѣтрогоновъ. — Хочу его пріучить подъ сѣдломъ ходить; полагаю, что онъ у меня подъ казацкимъ хорошо пойдетъ—иноходью...

Арсаконъ улыбнулся.

— Можете приучать, господинъ берейторъ Вѣтрогоновъ. но здѣсь, дома, а не по дорогѣ въ „Козыри“, ибо я поѣду туда сегодня одинъ,— сказалъ онъ.

Вѣтрогоновъ удивился.

— Одинъ?

— Да, мой милый профессоръ, одинъ... Вы меня обучили достаточно хорошо, и я могу ѣхать безъ провожатаго...

— Какъ вамъ будетъ угодно-съ, — отвѣтилъ Вѣтрогоновъ очень покорно, но Арсаковъ замѣтилъ, что рѣшеніе это берейтору неприятно и что поѣздки въ „Козыри“ ему очень любимы и милы.

Тѣмъ не менѣе Арсаковъ рѣшилъ ѣхать одинъ, желая показать себя настоящимъ наѣздникомъ, хорошимъ кавалеристомъ, а не какимъ-то гимназистомъ второго класса, котораго иначе какъ съ провожатымъ не пускаютъ.

Были у него еще и другія цѣли для поѣздки solo,—онъ рассчитывалъ на встрѣчу съ Людмилою, которая, какъ ему было извѣстно, часто уходила гулять одна и заходила довольно далеко. Вѣтрогоновъ при такой встрѣчѣ былъ бы помѣхою.

Только что кончилъ Арсаковъ своей одинокій завтракъ и приказалъ подавать лошадь, какъ ему принесли письмо отъ жены.

„Потомъ прочитаю, вечеромъ“,—рѣшилъ было онъ, не желая задерживаться и этимъ объясняя себѣ рѣшеніе, на самомъ же дѣлѣ не читающій потому, что письмо могло перемѣнить теченіе мыслей, рѣшеній и намѣреній.

„Да, потомъ прочитаю, вечеромъ“, — продолжалъ онъ думать, повертывая длинный и узкій изящный конвертикъ любимаго Юліи Павловны сиреневаго цвѣта.

И сейчасъ же ему стало совѣстно, стыдно отъ такого рѣшенія, и онъ, бросивъ хлыстикъ,

разорвалъ конвертъ, а Вѣтрогонову крикнулъ въ окно, чтобы онъ поводитъ пока „Грачика“.

„Ахъ, милый Павелъ, намъ придется еще довольно долго побыть въ разлукѣ!..—писала Юлія Павловна. — Старичекъ мой какъ будто бы поправляется, доктора стали подавать надежду, но онъ такъ прирыкъ ко мнѣ, такъ полюбилъ меня, что рѣшительно не хочетъ отпускать меня, и со слезами, жалко и трогательно, какъ больной ребенокъ, проситъ побыть у него и „закрыть ему глаза“, какъ онъ говоритъ. Ахъ, милый Поль, я не могу отказать ему!.. Эти дни во мнѣ боролись два чувства—любовь къ тебѣ и страстное желаніе тебя видѣть, съ одной стороны, и долгъ, человѣческая, христіанская обязанность—съ другой. Последнее чувство взяло верхъ, и я осталась. Думаю, что ты, мой добрый и хорошій, одобришь такое мое рѣшеніе. Да?.. Не скучай же и дальше, не скучай, если мнѣ придется пробыть тутъ цѣлый мѣсяцъ,—мы ужъ затѣмъ повеселимся съ тобою и не разлучимся никогда, никогда!...“

Арсаковъ доѣхалъ „безъ наставника“, совершенно благополучно и весело.

Завидѣвъ роскошное имѣніе Гнуздовыхъ, онъ оправился, „подобрался“, далъ „Грачику“ шпоры и галопомъ подскочилъ къ дому.

Первою его увидала Вѣра Гавриловна, которая гуляла по саду, поливая цвѣты изъ какой-то особенной, чуть ли не серебряной лейки, и въ какомъ-то особенномъ, похожемъ на оперный „пейзанскій“, костюмѣ.

Костюмъ очень молодилъ ее и шелъ къ ней, но было немного смѣшновато видѣть почтенную купеческую матрону въ такомъ, почти маскарадномъ костюмѣ, сильно подчеркивающимъ ея пышныя округленныя формы.

Завидѣвъ гостя, Вѣра Гавриловна сдѣлала надъ глазами щитокъ изъ ладони, — это было

совсѣмъ не нужно, но это, какъ она думала, шло къ ней, — поставила лейку, сдѣлала движеніе, показывающее, что она хотѣла убѣжать, но не убѣжала, а только „застыдилась“ немного, какъ стыдятся на сценѣ опереточныя примадонны, играя наивныхъ пейзанокъ, сорвала потомъ съ ближайшей куртины пунцовую розу и пошла на встрѣчу гостю, соскочившему съ коня и отдавшему его подошедшему садовнику.

Снявъ свой жокейскій картузикъ, только что выписанный изъ Москвы, и весело, радостно улыбаясь, Арсаковъ быстро пошелъ къ Вѣрѣ Гавриловнѣ.

Она такъ же улыбалась ему на встрѣчу.

— Штрафъ съ васъ, большой штрафъ! — проговорила она, когда Арсаковъ подошелъ и поцѣловалъ ея руку.

— За что? — спросилъ онъ.

— А почему не были вчера?.. Васъ ждали, очень ждали...

— Я и то слишкомъ часто, кажется, бываю у васъ... Я злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ желаютъ видѣть каждый день!.. Слышите?

— Слышу и постараюсь повиноваться...

— Ну, такъ штрафъ снимается, а за послушаніе вотъ вамъ роза...

Арсаковъ значительно улыбнулся.

— Опять роза? — спросилъ онъ.

— Опять...

— И какъ символъ?

— Ну, какъ хотите, какъ хотите... Слушайте, — вы не осудите меня за то, что я встрѣчаю васъ въ этомъ костюмѣ?..

— Помилуйте!..

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ стыдно, неловко, но я не ждала васъ сегодня, а, увидавъ, не хотѣла бѣжать переодѣваться...

Костюмъ и надѣтъ, и сдѣланъ былъ спеціально для Арсакова.

— Къ вамъ очень идетъ этотъ нарядъ,—проговорилъ Арсаковъ, находя нарядъ немного страннымъ и смѣшнымъ, но въ то же время и эффектнымъ.

— Ну, я не думаю объ этомъ,—скромно возразила Вѣра Гавриловна. — Я сдѣлала его для себя, какъ очень удобный для такой страстной садовницы.. Ахъ, я страстная садовница!.. Я увидела рисунокъ этого костюма въ модномъ французскомъ журналѣ и сдѣлала... Идите на террасу, — тамъ Людмила и Додочка, а я сейчасъ переодѣнусь...

— Зачѣмъ?.. Останьтесь такъ Вѣра Гавриловна!.. Если - бѣ вы знали, какъ къ вамъ идетъ этотъ нарядъ!

— Правда?..

Вѣра Гавриловна такъ и зардѣлась вся отъ удовольствія.

— Удивительно!..

— Но все же неловко въ немъ, тѣмъ болѣе, что можетъ ктонибудь прѣхать...

Она взглянула на Арсакова особеннымъ взглядомъ и договорила:

— Изъ постороннихъ...

Арсаковъ нагнулся къ ней.

— А я не посторонній развѣ? — тихо - тихо спросилъ онъ.

— Нѣтъ...

Арсаковъ быстро оглянулся кругомъ, порывисто обнялъ Вѣру Гавриловну и поцѣловалъ ее въ губы.

— Павелъ... Павелъ Дмитриевичъ, что вы дѣлаете?!—слабо воскликнула Вѣра Гавриловна.

— Люблю!—тихо проговорилъ онъ.

Она взглянула на него, глаза ея покрылись туманомъ, полныя пунцовыя губы дрогнули.

— И я... и я люблю тебя, ненаглядный мой!

Аксаковъ едва разслыхалъ эти слова, но разслыхалъ, и ему стало весело...

ХІІІ.

„Веселье“ Аксакова съ этого дня началось и продолжалось непрерывно нѣсколько дней.

Онъ, напившись дома кофе, сейчасъ же ѣхалъ верхомъ къ Гнузевымъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, оставаясь иногда ночевать, когда поздній ужинъ съ гостями затягивался очень долго.

Его отношенія къ Вѣрѣ Гавриловнѣ были для постороннихъ самыми обыкновенными отношеніями, и развѣ только очень наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить, что порою бурно-пламенная Вѣра Гавриловна бросаетъ на красиваго молодого гостя черезчуръ выразительные взгляды.

Впрочемъ, къ такимъ взглядамъ Вѣры Гавриловны, дамы вообще кокетливой, многіе привыкли и значенія имъ не придавали.

Всего, кажется, менѣе обращалъ вниманія на жену и на молодого сосѣда Петръ Максимовичъ.

Онъ былъ всегда какъ-то сосредоточенъ, какъ будто бы даже угрюмъ, всегда находились у него дѣла, и иногда не только нѣзвжіе гости, но и домашніе не видали его по цѣлымъ днямъ.

Часто уѣзжалъ онъ и въ Москву.

Когда пріѣзжали какіе нибудь московскіе гости или гости изъ числа сосѣднихъ помѣщиковъ, время проводилось шумно, разнообразно и весело. Вѣра Гавриловна предпочитала тѣ дни, когда никого не было, кромѣ Аксакова.

— Милый,—говорила она, встрѣчая его гдѣ нибудь подалѣе отъ дома. Милый, какъ было бы хорошо, если бы сегодня никто не пріѣхалъ!

— Почему же это было бы хорошо?—спрашивалъ Арсаковъ, державшій съ пышною красавицею нѣсколько насмѣшливый тонъ.

— Какъ почему? Да вѣдь мы же тогда были бы вдвоемъ, безъ помѣхи...

— Ну, моя прелесть, помѣха-то всегда есть... Она существуетъ въ лицѣ твоего супруга, въ лицѣ господина Болтова, который у васъ какимъ-то „безсмѣннымъ дежурнымъ“, въ лицѣ, наконецъ, Людмилы Васильевны и прислуги даже...

— Да... это вѣрно, но все же это совсѣмъ не то... Болтовъ держится больше около Милочки,—у нихъ, кажется, начинается та часть романа, которая оканчивается свадьбою, — мужъ, какъ тебѣ извѣстно, или съ разными дѣловыми народами, или въ своемъ кабинетѣ, или его совсѣмъ нѣтъ... Такимъ образомъ мы гуляемъ съ тобою *tête-à-tête*, намъ никто не мѣшаетъ, тогда какъ при гостяхъ у насъ вѣчная помѣха...

— Да, конечно, но съ другой стороны наши уединенные бесѣды, моя прелесть, могутъ возбудить подозрѣнiе, а при гостяхъ это какъ-то сглаживается, минуты же для свиданiя мы находимъ...

— За нами какъ будто бы слѣдятъ, — говорилъ онъ не равъ Вѣрѣ Гавриловнѣ.

— Ты боишься?—кокетливо спрашивала Вѣра Гавриловна, ласкаясь къ нему. — Ты боишься мести мужа или боишься того, что меня отнимутъ у тебя?..

— Нѣтъ, мой другъ, не мести Петра Максимовича я боюсь, потому что онъ на Отелло совсѣмъ не похожъ, а просто терпѣть не могу разныхъ сплетенъ, разговоровъ и „кизанiя головъ“.

— Но кто же, по твоему, слѣдитъ?—спрашивала Вѣра Гавриловна.

— Какъ будто бы и господинъ Болтовъ приглядывается, и прислуга...

— Ну, не обращай на это вниманія!..

Слѣдили, какъ замѣчалъ Арсаковъ, не Болтовъ и не прислуга, а совсѣмъ съ другой стороны.

Слѣдить стала за влюбленнымъ Людмила Васильевна.

Очень часто Арсаковъ замѣчалъ пристальные взгляды молодой дѣвушки, бросаемые на него, когда онъ слишкомъ усердно разговаривалъ съ Вѣрой Гавриловной, слишкомъ близко наклонялся къ ней, причемъ Вѣра Гавриловна вся млѣла и таяла.

До Болтова Арсакову не было рѣшительно никакого дѣла, и если-бъ дѣйствительно Болтовъ сталъ замѣчать установившіяся между Арсаковымъ и Вѣрой Гавриловной отношенія, то Арсаковъ не обратилъ бы на это никакого вниманія...

Совершенно иначе взглянулъ онъ на открытіе, которое сдѣлалъ теперь, замѣтивъ, что слѣдить за ними начинаетъ Людмила.

Однажды Арсаковъ пріѣхалъ по обыкновенію утромъ и не верхомъ, а въ экипажѣ, такъ какъ шелъ довольно сильный дождь.

Ему сказали, что Петра Максимовича нѣтъ дома, что онъ уѣхалъ въ Москву, а что Вѣра Гавриловна „изволили захворать“.

Арсаковъ поморщился.

Стоя на крыльцѣ, онъ стряхивалъ брызги дождя съ своего непромокаемаго плаща и досадливо смотрѣлъ на хмурое небо, которое грозило продолжительнымъ ненастьемъ, на свой забрызганный грязью экипажъ и на взмыленныхъ, очень усталыхъ по грязной дорогѣ лошадей.

Надо было ѣхать домой.

— Да вамъ не угодно ли будетъ, Павелъ Дмитриевичъ, отдохнуть немного и переждать дождь?—спросилъ лакей.—Что-жъ вамъ сію-жъ

минуту назадъ ѣхаты?.. Можетъ, изволите поку-
рить, почитать... Если угодно, я подамъ чаю...
А то такъ, можетъ, позавтракаете съ барыш-
нею и съ губернанткою, — имъ сейчасъ прика-
зано завтракъ подавать... \

Такое предложеніе пришлось Арсакову очень
по душѣ, и онъ даже подосадовалъ на себя за
то, что ему самому не пришло это въ голову.

— Да, Григорій, это очень умно, — развесе-
лся, отвѣтилъ онъ. — Я положительно умру,
если потрясусь опять безъ отдыха по этой от-
вратительной дорогѣ, по этому дождю, — отдох-
нуть мнѣ необходимо, да и лошади устали...

Арсаковъ раздѣлся при помощи лакея и во-
шелъ.

Человѣкъ побѣждалъ доложить о немъ „губер-
нанткѣ“, но не успѣлъ еще выдти онъ изъ бо-
скетной, какъ пришла горничная Вѣры Гаври-
лоены и сообщила, что барыня теперь выдти
не могутъ, но что встанутъ часа черезъ пол-
тора, одѣнутся, если будутъ въ силахъ, и вый-
дутъ къ гостю. Во всякомъ случаѣ барыня про-
ситъ гостя не уѣзжать и дожидаться ея.

— Вотъ извольте видѣть, какъ все произой-
детъ. — А если бы изволили уѣхать, такъ бары-
ня очень бы гнѣвались... Я сейчасъ скажу ба-
рышнѣ, что вы изволили пріѣхать, и, вѣроят-
но, онѣ будутъ съ вами завтракать.

Арсаковъ совсѣмъ повеселѣлъ, и пасмурный,
дождливый и даже по-осеннему холодный день
этотъ показался ему самымъ яркимъ, самымъ
веселымъ и лучезарнымъ.

Ему давно хотѣлось поговорить съ Людмилою,
побыть съ нею вдвоемъ, — Додочка не могла имъ
помѣшать, — и вотъ все соединилось для того,
чтобы это желаніе осуществилось: и Вѣры Гав-
риловны не было, и Болтовъ отсутствовалъ.

Одного только боялся Арсаковъ, что дѣвушка
не рѣшится пригласить его завтракать безъ хо-

зайки дома и что ему подадутъ завтракать одному, отдѣльно. Но горничная прибѣжала опять и отъ имени Вѣры Гавриловны пригласила Арсакова завтракать „съ барышнями“.

Арсаковъ быстро прошелъ въ столовую, которая была сегодня совершенно пустынна и совсемъ не походила на вѣчно людную столовую роскошнаго гнузлевскаго дома.

Одинъ уголокъ огрѣснаго стола былъ накрытъ на два прибора и тепперъ лакей поспѣшно ставилъ третій.

Только что подали котлеты, какъ въ столовую вошли Людмила Васильевна съ Додочкою.

— Какая необычайная тишина сегодня въ вашей столовой!—проговорилъ Арсаковъ, поздоровавшись съ Додочкою и съ ея воспитательницею.

— Да...

Людмила Васильевна поздоровалась съ гостемъ не то чтобы холодно или сухо, а какъ-то безразлично, такъ, какъ здороваются съ человекомъ, къ которому очень ужъ привыкли, съ которымъ нисколько не церемонятся и котораго почти не замѣчаютъ, какъ какую нибудь неизбѣжную и вѣчно стоящую предъ глазами мебель.

Арсаковъ былъ слишкомъ неблюдателенъ, чтобы не почувствовать этого тона, и онъ, тонъ этотъ, его оскорбилъ.

— Вы сегодня какая-то особенная, Людмила Васильевна,—сказалъ онъ.

Дѣвушка подняла на него свои прекрасные глаза.

— Особенная?—переспросила она.

— Да, несомнѣнно особенная...

— Я этого не замѣчаю...

— Да, но это замѣтно другимъ, Людмила Васильевна...

Арсаковъ обратился къ Додочкѣ.

— Додочка, скажите, пожалуйста, ваша гувернантка была сегодня, вѣроятно, особенно строга и взыскательна съ вами... Да?

Дѣвочка, которая очень любила свою гувернантку, съ улыбкою посмотрѣла на нее.

— Нѣтъ, нисколько...

— Ну, такъ, вѣроятно, она на постороннихъ только распространяетъ свое неудовольствіе, зависящее, быть можетъ, отъ дурной погоды.

Лакей подаль водку, вина, закуски и пригласилъ „пожаловать кушать“.

Арсакѡвъ, дождавшись, пока сядутъ „дамы“, сѣлъ тоже, переставивъ приборъ поближе къ Людмилѣ Васильевнѣ.

— Вы рѣшительно не хотите сознаться, Людмила Васильевна, въ томъ, что вы сегодня не въ духѣ?—отять обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— Я не могу сознаться въ этомъ, такъ какъ это невѣрно...—отвѣтила дѣвушка.—Вамъ показалось это, м-сье Арсакѡвъ...

Она остановилась на минутку, взяла котлету, бѣгло взглянула на гостя, и ея нѣжное лицо чуть-чуть заалѣло.

— Да и что вамъ собственно за дѣло до моего настроенія, Павелъ Дмитріевичъ?—продолжала она. — Я даже удивляюсь тому, что вы удостоили обратить на меня ваше вниманіе... Такихъ, какъ я, обыкновенно не замѣчаютъ...

Арсакѡвъ поставилъ взятую было рюмку хересу и съ удивленіемъ взглянулъ на дѣвушку.

Что-то новое и необычайное было въ тонѣ этой послѣдней фразы Людмилы Васильевны.

Сердце Арсакѡва дрогнуло и подсказало ему, что эта дѣвушка любитъ его и ревнуетъ.

Новая радость наполнила все существованіе Арсакѡва, и вдругъ эта дѣвушка съ ея чарующею красотою стала ему дорога и близка.

— Зачѣмъ же вы говорите это? — нѣжнымъ, полнымъ участія голосомъ заговорилъ онъ.—

Развѣ я похожъ на человѣка, который способенъ не замѣчать такую дѣвушку, какъ вы, только потому, что она не хозяйка этого дома, а „наймычка“, гувернантка?.. Вы меня обижаете, Людмила Васильевна, и я вѣ правѣ думать, что вы много обо мнѣ мнѣнія...

Людмила Васильевна наклонилась надъ своею тарелкой, покраснѣла сильнѣе, и кончики ея длинныхъ, черныхъ, бархатистыхъ рѣсницъ за-сверкали слезинками, которыхъ она не могла удержать.

Какъ хотѣлось ему поговорить съ ней, какъ хотѣлось ему узнать причину ея грусти, какъ хотѣлось, чтобы тѣ догадки, которыя онъ дѣлалъ, оказались справедливыми.

— Вы ничего не кушаете, — обратилась къ нему Людмила Васильевна. — Я въ качествѣ хозяйки должна обратить на это вниманіе.

Въ это время все блѣднѣющія и блѣднѣющія сизыя тучи словно разорвались, и выглянуло солнце.

Солнце живетъ и радуется всегда, но когда оно выглянетъ изъ-за тяжелыхъ надоѣдливыхъ тучъ, оно особенно мило и дорого.

Такое солнце заглянуло и въ душу Арсакова.

XIV.

Додочка поспѣшно съѣла клубнику со сливками и попросила позволенія идти въ садъ.

— Сейчасъ, Додочка, вмѣстѣ пойдемъ, — отвѣтила Людмила Васильевна.

Арсаковъ наклонился къ ней.

— Отпустите ее, пусть побѣгаетъ одна, — ласковымъ, задушевнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Дѣвушка на секунду задумалась.

— Вѣра Гавриловна не любитъ, когда До-

дочка гуляетъ одна... а впрочемъ...

Додочка въ этомъ „вырочемъ“ увидѣла розрѣшеніе, вскочила и большими прыжками убѣжала черезъ сосѣдную комнату въ садъ.

— Славная дѣвочка эта Додочка,—замѣтилъ Арсаковъ.

— Да, она очень хорошая,—милая, душевная дѣвочка, съ добрымъ сердцемъ..

— Въ кого бы это, кажется?—съ усмѣшкою произнесъ Арсаковъ.

Людмила Васильевна бросила на него быстрый взглядъ.

— Право, эта дѣвочка не похожа на своихъ родителей,—продолжалъ онъ.—Вотъ ужъ именно, какъ у поэта: „ни въ отца уродилась, ни въ мать“...

— А развѣ ея мать не блещетъ достоинствами?—спросила дѣвушка и опять подняла на собесѣдника свои чудные глаза.

Арсаковъ поморщился.

— Ну, какія же достоинства въ блистательной Вѣрѣ Гавриловнѣ? — довольно презрительнымъ тономъ началъ онъ.—Вотъ развѣ ея кокетливость и нѣсколько тяжеловѣсная грація... Такъ я сомнѣваюсь, чтобы эти вещи можно было счесть за достоинства...

Наступило довольно продолжительное молчаніе.

— Вы, Людмила Васильевна, какъ будто бы хотите что-то сказать?—началъ Арсаковъ.

— Почему вы это думаете?

— Такъ, замѣтно...

— Вы очень наблюдательны...

— Ахъ, это одно изъ моихъ блестящихъ достоинствъ!

— Такъ вотъ и будьте наблюдательны до конца,—узнайте, что я хотѣла сказать вамъ...

— Извольте...

— Я жду...

— Вы хотѣли сказать, что я, такъ „критикуя“ Вѣру Гавриловну, тѣмъ не менѣе нахожу удовольствіе бывать съ нею, и она нравится мнѣ... Правда, вы это хотѣли сказать?

— Да, вы угадали... Ну, и что же вы отвѣтили бы мнѣ, если бы я дѣйствительно это вамъ сказала?

— Я отвѣтилъ бы вамъ, Людмила Васильевна, что я не ухаживаю за вашей патронессою, тѣмъ менѣе — люблю ее, а просто провожу съ нею время, сокращая его отъ скуки, а если ѣзжу сюда часто, такъ совсѣмъ не для того, чтобы флиртовать съ Вѣрой Гавриловной...

Опущенныя рѣсницы дѣвушки дрогнули и щеки чуть-чуть заалѣли.

Дѣвушка позвонила, приказала убирать со стола и встала.

— Мнѣ надо идти къ Додочкѣ,—сказала она.

— То есть, гулять въ садъ?

— Да... Уроками послѣ завтрака мы не занимаемся.

— Вы позволите и мнѣ идти съ вами?

Людмила Васильевна замедлила немного отвѣтомъ, а потомъ наклонила голову въ знакъ согласія.

Они вышли въ садъ.

Додочка бѣгала на „гигантскихъ шагахъ“ въ глубинѣ сада, и туда, на скрипъ этихъ „гигантскихъ шаговъ“, пришли Людмила Васильевна и Арсаковъ.

— Мы пойдѣмъ куда нибудь гулять? — спросила Додочка, подбѣгая къ гувернанткѣ.

— Какъ ты хочешь...

— Милая, посидимъ лучше здѣсь, — опять просительнымъ тономъ заговорила Додочка. — То есть вы посидите съ гостемъ, а я буду собирать цвѣты и приготовлю мамѣ букетъ.

— Хорошо, дѣвочка, собирай...

На круглой площадкѣ, гдѣ помѣшались „ги-

гантскіе шаги", въ тѣни развѣсистаго стариннаго тополя, въ нишѣ изъ подстриженныхъ акацій стоялъ низенькій диванчикъ для двоихъ.

Тутъ, на этомъ диванчикѣ, и сѣли Арсаковъ и Людмила Васильевна.

Тутъ было хорошо.

Прямо убѣгала длинная тополевая аллея, за нею блестяло зеркало пруда, дальше синѣла даль, отъ которой такъ и струились ароматы луговъ.

Сквозь густую чащу подстриженной акаціи не было видно голубого неба, но дальше, за сводомъ этой акаціи, оно уходило далеко, далекое, нѣжное, глубокое, прозрачное...

— О чемъ вы задумались? — тихо спросилъ Арсаковъ.

— Такъ, не о чемъ...

— Вамъ грустно?

— Да, если хотите, немного грустно...

— Отъ одиночества?

Дѣвушка задумчиво посмотрѣла вдаль и потомъ тихо-тихо, какъ-то нерѣшительно отвѣтила:

— Можетъ, и отъ одиночества...

— Да, вы одиноки! — горячо заговорилъ Арсаковъ. — Вы очень одиноки, страшно одиноки, Людмила Васильевна!.. Вотъ развѣ эта милая дѣвочка до нѣкоторой степени замѣняетъ вамъ друга, близкаго человѣка, но я сомнѣваюсь, чтобы ребенокъ могъ замѣнить настоящаго друга... А кромѣ Додочки у васъ нѣтъ рѣшительно ничего, и думается мнѣ, что одиночество ваше гнететъ васъ... Я не хочу этимъ сказать, что каждая дѣвушка въ каждую данную минуту должна имѣть объектъ для своей привязанности, для своей любви, что ли, — нѣтъ... Можно и безъ этого, мнѣ кажется, обойтись, но только тогда, если есть близкіе люди, какъ отецъ, особенно — мать, братья, сестры, даже просто

близкіе знакомые или, наконецъ, какое нибудь дѣло, какая нибудь идея... А вы страшно одиноки...

Людмила Васильевна чутко и нѣсколько тревожно слухала его.

— Эти вотъ гувернантскія обязанности,—продолжалъ Арсаковъ,—конечно, лишь имитация настоящаго дѣла, и онѣ не могутъ наполнить жизнь человѣка, особенно человѣка требовательнаго и чуткаго. Ну, а что касается...

Онъ не договаривалъ и заглянулъ въ лицо собесѣдницы.

— Можно говорить до конца?—спросилъ онъ.

— Можно и не договаривать,—съ усмѣшкою отвѣтила дѣвушка.—Вы вѣдь будете дѣлать характеристику Болтова, такъ вы ее уже дѣлали...

— И развѣ она была невѣрна?

Дѣвушка повела плечомъ.

— Правда, я вѣдь вѣрно вамъ обрисовалъ господина Болтова?—продолжалъ Арсаковъ.

— Да...

Людмила Васильевна произнесла это слово не безъ усилій и не безъ горечи.

Бываетъ иногда, что человѣкъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ разочаровывается въ своей привязанности, въ своемъ другѣ. Онъ медленно приходитъ къ новымъ заключеніямъ и чего-то боится, и когда ему приходится отвѣчать на роковыя вопросы, зарождающіеся въ душѣ, когда приходится отвѣчать не въ пользу этого „бывшаго“ друга, такъ бываетъ всегда мучительно тяжело, ибо нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже, какъ разочароваться вообще, а разочароваться въ любимомъ человѣкѣ въ особенности.

Это разочарованіе по отношенію къ Болтову въ дѣвушкѣ совершилось довольно быстро, но не безъ борьбы.

Арсаковъ умѣлъ найти всѣ отрицательныя

стороны Болтова и не только умѣлъ найти, ихъ, но сумѣлъ и блестяще отвѣтить ихъ, выставить рельефно, такъ что дѣйствительно онѣ стали ясными, выпуклыми, и нельзя было не замѣтить ихъ, а вѣдь извѣстно, что безъ недостатковъ человѣка нѣтъ.

— Я боюсь его, — вдругъ проговорила дѣвушка.

— Болтова?—спросилъ Арсакъ-въ.

— Да...

— Да, чѣмъ же онъ собственно страшенъ для васъ?

— Онъ вообще...

Дѣвушка задумалась, отыскивая выраженіе.

— Онъ вообще какъ-то рѣзокъ, пожалуй, грубъ,—начала она. — Мнѣ думается, что онъ изъ числа тѣхъ, которые не умѣютъ прощать и не умѣютъ быть нѣжными, а это, по-моему, большой недостатокъ...

Она опять помолчала съ минуту.

— Это большой недостатокъ для тѣхъ, которые должны такъ или иначе сблизиться съ такимъ человѣкомъ,—продолжала она.—Мнѣ думается, что Болтовъ будетъ безпощаденъ и жестокъ, если ктонибудь даже слегка обидитъ или бгорчитъ его, а вѣдь это... это страшно...

Темное облачко пробѣжало по лицу Арсакова.

Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало начать съ этой юною красавицею романъ. Ему хотѣлось какъ можно веселѣе прожить это лѣто, хотѣлось наполнить свою жизнь.

О томъ, что такой „романъ“ можетъ изломать жизнь Людмилы, онъ, какъ было сказано, не думалъ. Напротивъ, ему казалось, что это наполнить жизнь дѣвушки, дастъ ей много радости въ настоящемъ и оставить воспоминаніе для будущаго.

Арсаконъ, какъ ребенокъ, легкомысленно шелькъ своей цѣли, отыскивая радости, и о послѣдствіяхъ не думалъ.

Теперь эта характеристика Болтова, сдѣланная Людмилою, смутила его.

Вспоминая фигуру Болтова, не только физическую, но и нравственную, Арсаконъ былъ совершенно согласенъ съ опредѣленіемъ дѣвушки и тоже находилъ, что Болтовъ именно страшенъ.

Арсакону совсѣмъ не хотѣлось параллельно съ тѣмъ „романомъ“, который онъ поведетъ съ Людмилою, имѣть еще „исторію“, которая неизбежна съ Болтовымъ.

Ему жутко стало при мысли, что къ приѣзду изъ Петербурга жены у него тутъ выйдетъ какое нибудь столкновеніе съ этимъ „дикимъ бариномъ“, — такъ однажды назвалъ Болтова Петръ Вѣтрогоновъ.

Былъ моментъ, когда Арсаконъ хотѣлъ вскопчить и бѣжать отъ дѣвушки самымъ позорнымъ образомъ, какъ бѣжитъ какой нибудь самый уморительный донъ-жуанъ отъ грознаго, вооруженнаго суковатой палкой супруга.

Арсаконъ зналъ, что при такомъ „отступленіи“ онъ смѣшенъ не будетъ, что онъ сумѣетъ „отступить въ порядкѣ“, отступить такъ, что никто не замѣтитъ этого, но тѣмъ не менѣе ему показалось очень ужъ малодушнымъ такое отступленіе, и онъ храбро „пренебрегъ“.

— Ну, съ этимъ-то я не совсѣмъ согласенъ, Людмила Васильевна, — нѣсколько „юнкерскимъ тономъ“ началъ онъ. — Господинъ Болтовъ страшенъ только тутъ, въ сихъ мѣстахъ... У народа есть такое ловкое и мѣткое опредѣленіе: „молодецъ для овецъ“, — вотъ таковъ и господинъ Болтовъ...

Дѣвушка засмѣялась.

— Что-жъ, я, по-вашему, овецъ? — спросила она.

— Да вѣдь вы его не боитесь... — поправилъ свою неловкость Арсаковъ.—Его боятся только люди, которыхъ онъ старается напугать, но и то, разумѣется, не всѣ... Такие люди, которые грозно морщатъ брови, многозначительно крутятъ усы, сжимаютъ кулаки и говорятъ страшнымъ, замогильнымъ голосомъ, на самомъ дѣлѣ бываютъ трусливы и робки...

— Нѣтъ, Болтовъ совсѣмъ ужъ не трусливъ и не робокъ,—задумчиво проговорчила дѣвушка.

— А ну, его, господина Болтова! — проговорилъ онъ и даже толкнулъ ногою валяющійся на землѣ камешекъ, точно этотъ-то вотъ камешекъ и былъ Болтовымъ. — Ну, его, господина Болтова!.. Что это у насъ съ вами, Людмила Васильевна, за дурная привычка говорить непрерывно объ этомъ баринѣ, лишь только мы остаемся вдвоемъ... Не слишкомъ ли много чести для господина Болтова?-. Поговоримъ о чемънибудь другомъ...

— О чемъ, на примѣръ?..

— О томъ, что жизнь хороша, что она быстротечна, что ее не надо тратить на пустяки и что каждый моментъ ея надо ловить и брать отъ него все для полнаго счастья...

Арсаковъ взглянулъ на Додочку, которая ушла теперь далеко къ куртинѣ и тщательно собирала букетъ.

— Людмила Васильевна, — продолжалъ Арсаковъ, — неужели вы не видите, что я люблю васъ?..

Это было совсѣмъ неожиданно для дѣвушки. Она дрогнула, вся краска сбѣжала съ ея лица и потомъ залила его густо-густо.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ это?—послѣдно сказала она.

— Но почему же не говорить?.. Почему я долженъ молчать, когда эти слова, какъ „наврѣвшая пѣсня“, просятся вонъ, когда ихъ не

избѣжно проговорить?.. Зачѣмъ я буду молчать, если я хочу говорить?..

— Вѣдь вы принадлежите другой, вѣдь вы женаты...

— Такъ что же?..

Арсаковъ былъ теперь въ положеніи купальщика, который не только уже бросился въ холодную воду, перенесъ первое и самое сильное ощущеніе, но и поплылъ уже, быстро разсѣкая волны и зная, что онъ доплыветъ до своей цѣли, зная, что онъ сумѣетъ справиться съ волнами.

„Куда ни шло“, — рѣшилъ онъ и, какъ всѣ легкомысленные люди, жаждущіе лишь наслажденій и „ловящіе моментъ“, не думалъ теперь ни о чемъ, кромѣ этой ближайшей цѣли.

— Такъ что же, что я женатъ?—продолжалъ онъ.—Моя жена далеко, Богъ знаетъ, когда она пріѣдетъ, Богъ знаетъ, пріѣдетъ ли она вообще...

Онъ безбоянно лгалъ, но ни на одну минуту ложь эта не смущала его и не пугала.

— Богъ знаетъ, пріѣдетъ ли когда нибудь моя жена, — продолжалъ онъ.—Мы съ нею не то, что поссорились, а такъ... пошли у насъ нелады, не сошлись характерами, что называется, и быть можетъ, она не вернется ко мнѣ никогда, а кромѣ того, моя хорошая, моя милая, Людмила Васильевна, мы можемъ быть съ вами друзьями, добрыми друзьями, которые подадутъ другъ другу руки и вдвоемъ пойдутъ по тернистому жизненному пути...

Онъ осторожно взялъ руку дѣвушки, поднесъ ее къ губамъ и принялся пѣловать.

Людмила не сопротивлялась.

— Не надо, дорогая моя, отказываться отъ счастья, отъ радостей жизни,—продолжалъ Арсаковъ.—Тамъ, что будетъ, а если радость вотъ тутъ, близка, такъ ее надо брать, не задумы-

ваясь, не смущаясь какими-то выдуманными призраками, не связывая себя ненужными и всегда вредными путами мнимыхъ обязанностей, какого-то неизвѣстно къмъ выдуманнаго „долга“... Надо жить и наслаждаться...

Онъ обвилъ свободною рукою талію дѣвушки и привлекъ ее къ себѣ.

— Оставьте меня,—чуть слышно прошептала дѣвушка.

Арсакъ не послушался ея, но въ это время Додочка выпрямилась, взглянула по направленію къ дому и весело побѣжала туда.

— Мама встала, мама идетъ!—громко закричала Додочка.

XV.

Вѣра Гавриловна, томная отъ своей немного притворной болѣзни, вошла, опираясь на плечо дочери, окинула взглядомъ Арсакова, сидящаго очень близко къ Людмилѣ, замѣтила и его смущеніе и сильное волненіе дѣвушки, вспыхнувшей яркимъ румянцемъ.

— Здравствуйте, Павелъ Дмитріевичъ,—обратилась она къ гостю, улыбаясь слабой улыбкой, похожей на улыбку умирающаго человѣка.—А я захворала, совсѣмъ было слегла, да погода разгулялась, я не утерпѣла и встала... Не скучали безъ меня, надѣюсь?..

— Я былъ бы нелюбезенъ, если бы сказалъ, что не скучалъ совсѣмъ,—замѣтилъ Арсакъ, но милыя барышни были очень любезны со мною... Ваша дочь не уступаетъ въ любезности мамѣ...

— Ну, она - то кажется, больше занималась букетомъ для мамы, чѣмъ гостемъ,—насмѣшливо замѣтила Вѣра Гавриловна, за то другая барышня...

Она съ улыбкой обратилась къ Милочкѣ.

— Пустите меня, дорогая, посидѣть немного, я очень слаба...

Дѣвушка сконфузилась, что не догадалась уступить мѣсто „больной хозяйкѣ и встала“.

— Прикажете дать намъ чаю,—распорядилась Гнуздева,—а ты, дѣтка, бѣги рѣзвиться, надо пользоваться такой погодой.

Оставшись вдвоемъ съ Арсаковымъ, Вѣра Гавриловна обратилась къ Арсакову съ упрекомъ.

Она говорила ему, что не слѣдуетъ кружить голову молодой дѣвушкѣ, что преступно было бы погубить „глупую дѣвчонку“.

Арсаковъ увѣрялъ ревнующую даму въ своей преданности, говорилъ, что и у него и въ мысляхъ не было увлекать дѣвушку, былъ нѣженъ и ласковъ.

Прибѣжала Подочка, говоря, что поданъ чай и за чѣмъ Вѣра Гавриловна была молчалива и томна, какъ будто въ самомъ дѣлѣ сильно страдающая, нюхала соль и опять ушла въ свою комнату.

Она предложила Арсакову остаться обѣдать, говоря, что ей, вѣроятно, будетъ лучше, но гость сказалъ, что къ нему пріѣхалъ одинъ пріятель и откланялся.

Скверно стоило житья съ этого дня Людмилѣ въ роскошномъ богатомъ домѣ Гнуздовыхъ.

Вѣра Гавриловна, сейчасъ по отъѣздѣ Арсакова, сдѣлала ей рѣзкое замѣчаніе, говорила, что дѣвушка не умѣетъ себя вести, что ея кокетство съ Арсаковымъ предосудительно. Начавъ говорить спокойно и сдержанно, она срывалась съ тона, стала груба и рѣзка.

Дѣвушка была очень смущена, чуть не плакала, пыталась оправдываться, но Вѣра Гавриловна не давала ей говорить.

Наконецъ Гнуздева немного успокоилась и сказала мягко.

— Я для васъ не только ховляка, дорогая моя... Я хочу замѣнить вамъ, если не мать, но хотя старшую сестру и желаю вамъ добра... Арсаковъ человѣкъ съ задатками донъ-жуана, отъ него надо подальше. И знаете, что, дорогая моя?.. Приласкайте вы бѣднаго Болтова, онъ очень хорошій человѣкъ, любитъ васъ и можетъ быть прекраснымъ мужемъ...

— Мнѣ лучше быть подальше и отъ Болтова, и отъ Арсакова,—сказала дѣвушка.

Она попросила позволенія уйти въ свою комнату.

Вѣра Гавриловна проводила ее злымъ взглядомъ.

Арсаковъ пріѣхалъ домой въ самомъ скверномъ расположеніи духа, хандрилъ, злился до вечера, выругалъ своего вѣрнаго берейтора Петра Вѣтрогонова, который оказался пьянымъ и горько жаловался на то, что баринъ „забылъ его и пренебрегъ его трудами“.

Ночь Арсаковъ спалъ плохо, но подъ утро забылся тревожнымъ сномъ и видѣлъ какія-то смутныя сны, волновавшіе сердце.

Его разбудили съ докладомъ, который показался ему дикимъ, нелѣпымъ, показался продолженіемъ его тяжелыхъ и тревожныхъ сновидѣній.

Мальчикъ вбѣжалъ, говоря, что пріѣхала „барышня“.

— Какая барышня?..

— Неизвѣстная... Сказываютъ, что учительша...

Арсаковъ рѣшилъ, что пріѣхала учительница сельской школы, просить какихъ нибудь пожертвованій ввидѣ книгъ или учебныхъ пособій.

Очень недовольный тѣмъ, что его обезпекли, рыснулъ Арсаковъ въ залъ, направился къ женской фигурѣ, стоявшей въ глубинѣ комнаты.

Несмотря на полумракъ, несмотря на то, что

онъ былъ немного близорукъ, Арсаковъ узналъ въ гостѣхъ Людмилу Васильевну.

XVI.

Дѣвушка стояла въ сѣренькомъ непромокаемомъ съ капюшономъ манто, въ простенькой шляпѣ съ пунцовымъ ремешкомъ, съ маленькимъ ридикюльчикомъ въ рукахъ. Другой ридикюль побольше изъ желтой кожи лежалъ на стулѣ.

— Людмила Васильевна!..

Онъ взялъ дѣвушку за руку и пытливо взглянулъ ей въ глаза. И въ глазахъ этихъ было тревожное выраженіе.

— Какимъ вѣтромъ занесло васъ въ мой домишко?—спросилъ Арсаковъ, улыбаясь и стараясь казаться только обрадованнымъ.

— Бурнымъ вѣтромъ, Павелъ Дмитриевичъ,—отвѣтила дѣвушка.

— Бурнымъ?..

— Да, бурнымъ...

Лицо дѣвушки, какъ теперь разглядѣлъ Арсаковъ, было печально, задумчиво, глаза носили несомнѣнные слѣды слезъ.

— Однако, что же мы стоимъ, — замѣтилъ Арсаковъ.—Какой я нелюбезный и неловкій хозяинъ... Впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что я очень взволнованъ... взволнованъ неожиданно... Дайте, я помогу снять ваше манто...

Дѣвушка покорно позволила снять съ себя это манто и какъ-то виновато, какъ-то робко и растерянно улыбалась.

— Вотъ какая „учительша“—то,—говорилъ Арсаковъ, складывая пальто дѣвушки на стулъ и усаживая ее на другой къ открытому окну.

Она вопросительно взглянула на него.

— Мнѣ мой мальчишка доложилъ, что при-

ѣхала „учительша“, я и думалъ, что это учительница нашей сельской школы, которая собиралась ко мнѣ по какому-то тамъ дѣлу...

— А это я... Кое-кто изъ вашей прислуги знаетъ, что я гувернантка Гнуздовыхъ, а мальчику я не назвала своей фамиліи и просто попросила доложить о себѣ...

Она какъ-то виновато подняла на Арсакова глаза.

— Вы очень удивлены моимъ прїѣздомъ, Павелъ Дмитриевичъ?..

— Да, конечно.

Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку.

— Но и обрадованъ, Людмила Васильевна,— продолжалъ онъ фальшивымъ, непрїятнымъ голосомъ, тонъ котораго уловила своимъ чуткимъ „сиротскимъ“ сердцемъ дѣвушка.

Она сдвинула брови, и щеки ея заалѣли густымъ румянцемъ.

— Это, конечно, нехорошо съ моей стороны,—быстро и конфузясь заговорила она.—Это очень нехорошо и это даже стыдно, смѣшно... Но я такъ растерялась, такъ была взволнована, что не нашла ничего лучшаго...

Арсаковъ. — Скажи, чтобы подали варенье...

— Самоваръ въ столовую, живо!—приказалъ Фрукты тамъ есть...

— Слушаю-съ!

Казачекъ убѣжалъ, а Арсаковъ сѣлъ опять рядомъ съ дѣвушкой.

Теперь онъ ясно понималъ, что произошло нѣчто серьезное, и догадывался, что именно.

Дѣвушку обидѣли, быть можетъ, крѣпко обидѣли, и вотъ она, въ поспѣшномъ отступленіи своемъ, спасаясь бѣгствомъ изъ негостепріимнаго дома, бросилась сюда.

Конечно, она ѣхала къ Арсакову просто какъ къ прїятелю, къ хорошему человѣку, въ котораго она вѣрила и на котораго надѣялась.

Арсаконъ вспомнилъ о женѣ, до которой это нѣсколько романическое происшествіе, безъ сомнѣнія, рано или поздно дойдетъ, но Юлія Павловна такъ умна, обладаетъ такимъ огромнымъ тактомъ, что не сдѣлаетъ изъ этого никакой „исторіи“, и самое большее — немножко подтрунить надъ мужемъ и посмѣется.

Арсаконъ сразу повеселѣлъ, и „исторія“ начала представляться ему довольно занимательной. Принимать такую хорошенькую гостью у себя въ домѣ, да еще гостью обиженную, одинокую, стоящую на распутьи, было пикантно.

— Такъ рассказывайте же мнѣ все, — весело началъ Арсаконъ и взялъ обѣ руки дѣвушки. — Вы поссорились съ мадамъ Гнуздовой?

— Да...

Голосъ молодой дѣвушки дрогнулъ, она прикусила губу и употребила страшныя усилія, чтобы не разрыдаться.

— Меня прогнали изъ этого дома...

— Ну, не волнуйтесь, дорогая, — съ участіемъ наклонился къ ней Арсаконъ. — Стоитъ ли придавать значеніе тому, что мадамъ Гнуздева таганская или ордынская купчиха, оскорбила васъ?.. Право, не стоитъ... И этого всегда можно было ожидать... Но въ чемъ же дѣло?.. Ну, рассказывайте, рассказывайте и перестаньте волноваться... Мы будемъ сейчасъ съ вами пить чай, ѣсть варенье, лакомиться фруктами и отлично побесѣдуемъ... Какъ вы пріѣхали?.. То есть на гнуздевскихъ лошадяхъ?..

— Нѣтъ...

— На лошадяхъ господина Болтова?

— Нѣтъ... Да у него, кажется, одна только верховая лошадь... Я собрала кое-какія мелкія вещи, дошла до деревни Сарматовки и тамъ наняла мужика, который меня и привезъ...

— Неужели вамъ не предложили даже эки-

— Я не хотѣла его дожидаться...

— Значитъ, ссора была очень серьезная и такая... скоростижная...

— Ахъ, это было иѣчто ужасное!..

Дѣвушка опять заволновалась, опять готова была заплакать, протянула руку къ водѣ, но Арсаковъ взялъ свою гостью подъ руку и повелъ на террасу.

— Ну, вы потомъ расскажете, когда успокоитесь, — говорилъ онъ, проходя черезъ залъ на террасу. — А теперь я покажу вамъ мой садъ, покажу вамъ мое уютное жилище, которое мнѣ очень нравится, но которое вамъ послѣ дворца господъ Гнуздовыхъ покажется жалкой хижинкой...

— Тутъ очень хорошо, — проговорила она, — тутъ лучше, чѣмъ въ блестящемъ, раззолоченномъ и посеребренномъ имѣніи господъ Гнуздовыхъ...

Арсаковъ сбоку посмотрѣлъ на дѣвушку, и еще никогда не казалась она ему столь прекрасною, какъ въ эти минуты.

— Вы, кажется, утомлены, быть можетъ дорогой, быть можетъ тѣмъ, что многое пережили, — съ трогательнымъ участіемъ сказалъ Арсаковъ. — Мы потомъ погуляемъ. А теперь пойдемъ пить чай...

И вотъ за чаемъ, разливая его и хозяйничая, дѣвушка рассказала свою грустную исторію.

Оказалось, что Вѣра Гавриловна простерла свои материнскія попеченія надъ Людмилою до того, что забралась къ ней въ комнату и сдѣлала „внезапную ревизію“ въ ея шифоньеркѣ и въ письменномъ столѣ, отыскивая какихъ-то писемъ.

Никакихъ компрометирующихъ писемъ она не нашла, да ихъ и не было у гувернантки. Но отыскивая таѣя письма, Вѣра Гавриловна на-

шла дневникъ дѣвушки и прочитала его. За этимъ предосудительнымъ занятіемъ и застала свою патронессу Людмила Васильевна.

— Какъ вы смѣете?!—съ ужасомъ и съ негодованіемъ воскликнула дѣвушка.

Вѣра Гавриловна, конечно, очень сконфузилась и, чтобы выйти изъ неловкаго, некрасиваго положенія, сразу взяла тонъ крикливой, сварливой „бабы“, которая таилась подъ элегантными туалетами Вѣры Гавриловны и подъ ея изящной внѣшностью.

— Какъ вы смѣете?—повторила Людмила.

Вѣра Гавриловна коршуномъ налетѣла на нее и, размахивая дневникомъ, — небольшою книжкою въ видѣ альбома въ плюшевомъ переплетѣ,—принялась кричать, сопать ногами и говорить жесткія, грубыя слова.

— Она еще осмѣливается задавать мнѣ такіе вопросы!—кричала Вѣра Гавриловна.—Я все смѣю въ моемъ домѣ, все смѣю, если дѣло касается моей дочери!.. Ты, моя милая, подобрана чуть не на улицѣ и допущена до великаго дѣла воспитанія ребенка, моего ребенка, единственнаго моего ребенка, такъ я все смѣю!.. Если ты заводишь тутъ романы съ моими гостями, такъ ты дойдешь Богъ знаетъ до чего, и я должна, я обязана принять мѣры... Я смѣю рыться въ твоихъ бумагахъ, я должна была это сдѣлать...

Быть можетъ, этотъ грубый крикъ и это грубое „ты“ не оскорбили бы Людмилу, но сыскъ, который былъ произведенъ въ ея отсутствіе, ее обидѣлъ, оскорбилъ и взволновалъ до послѣдней степени.

Она сказала что-то, быть можетъ, дѣйствительно очень грубое,—что именно, она не помнитъ.

Тогда Вѣра Гавриловна взмахнула дневникомъ, взвизгнула, какъ обожженная каленымъ же-

лѣзомъ, и швырнула этимъ дневникомъ въ дѣрушку; по счастью, альбомчикъ пролетѣлъ мимо лица Людмилы и упалъ далеко въ углу, гдѣ потомъ она и подняла его съ лопнувшимъ корешкомъ.

Послѣ этого Вѣра Гавриловна сказала, чтобы гувернантка убиралась немедленно вонъ, чѣмъ-то грозила, громко кричала, и чуть ли не звала прислугу, чтобы дѣвушку вытолкать изъ дома на улицу.

Нѣсколько времени Людмила была безъ чувствъ, потомъ подняла свой завѣтный альбомчикъ, собрала въ саквояжъ кое-что изъ самыхъ необходимыхъ и дорогихъ для нея вещей и, ни съ кѣмъ не повидавшись, никому не сказавъ ни слова, ушла, почти убѣжала въ соседнюю деревню, гдѣ и наняла лошадь.

Наняла она подводу отъѣзти себя въ Москву, но, отъѣхавъ версты полторы отъ имѣнія, рѣшила направиться къ Арсакову, который еѣ качествѣ друга могъ дать ей какой нибудь советъ...

— Мадамъ Гнуздева прочитала нашъ дневникъ? — спросилъ онъ, когда дѣвушка кончила и большими глотками принялась пить остывшій чай.

— Да...

Дѣвушка опустила глаза.

— Такъ... разное...

— Да... Но вѣдь если бы вы описывали на примѣръ, красоты имѣнія и красоты лунной ночи, такъ мадамъ Гнуздева, по-моему, не имѣла бы ни малѣйшаго основанія разговаривать съ вами такимъ образомъ?..

Арсаковъ нагнулся черезъ столъ и взялъ дѣвушку за руку.

— Дорогая, если вы пришли ко мнѣ, какъ къ пріятелю, какъ къ другу, такъ вы должны до конца быть моимъ другомъ и не скрывать

ничего, — будьте откровенны до конца... Ну, что было у васъ написано въ дневникѣ, что?..

Людмила быстро достала изъ кармана портмона, открыла его, порылась тамъ и достала маленькій ключикъ на ленточкѣ.

— Вотъ ключъ отъ того сака, а тамъ лежитъ мой дневникъ. — Читайте послѣднюю страницу, — сказала она.

Арсаковъ быстро сталъ перелистывать альбомчикъ, бѣгло просматривая лишь нѣкоторыя строки, написанныя красивымъ, мелкимъ и какимъ-то особенно милымъ почеркомъ.

На послѣднихъ пяти-шести страницахъ альбома было написано то, что подозрѣвалъ Арсаковъ. Дѣвушка говорила здѣсь въ нѣжныхъ, трогательныхъ выраженіяхъ, что она любитъ Арсакова, что это первый человѣкъ, который произвелъ на нее огромное впечатлѣніе, что это ея первая любовь и что она глубоко несчастна, ибо онъ, который такъ нравится ей, котораго она любитъ больше жизни, женатъ...

Различныя чувства волновали нашего героя, пока онъ читалъ нѣжныя, робкія, дѣтскія строки этого дневника.

XVII.

Милыя, почти дѣтски-наивныя строки дневника дѣвушки глубоко тронули Арсакова и разбудили въ немъ давно заснувшія чувства; въ его душѣ зазвучали тѣ струны, которыя умолкаютъ послѣ первыхъ лѣтъ молодости подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, а всего чаще заглушаются „звономъ презрѣннаго металла“, а „металлъ“ этотъ за послѣднее время, то есть, послѣ женитьбы, достаточно звонко и въ большемъ количествѣ гремѣлъ въ карманахъ нашего героя.

Послѣ этого перваго впечатлѣнія Арсаковъ

вообразилъ себя Онѣгинымъ, получившимъ письмо Татьяны, и захотѣлъ поступить такъ же, какъ пушкинскій герой.

Онъ подошелъ къ дѣвушкѣ и взялъ ее за руку.

— Милая дѣвушка!—проговорилъ Арсаковъ и поцѣловалъ руку Людмилы.

Она сидѣла, вся зардѣвшись и опустивъ глаза; высоко поднималась ея юная грудь, впервые переполненная любовью.

— Милая дѣвушка!.. За что же вы такъ полюбили меня?.. Какія качества мои особенно вамъ понравились?..

— Я не знаю, — тихо отвѣтила дѣвушка. — Нѣтъ, не то, не то!.. Я знаю, я полюбила васъ не безсознательно, не по первому впечатлѣнію, не съ порывомъ родившейся страсти... Я полюбила васъ за вашъ умъ, за вашъ свѣтлый умъ, за ваше живое слово... За красоту вашу полюбила, за ту духовную красоту, которая свѣтитъ въ вашихъ прекрасныхъ глазахъ... О, какъ я полюбила васъ и какъ я вѣрю вамъ, и какъ хочу вашего счастья!..

— Дорогая, но вѣдь я женатый человѣкъ и люблю свою жену,—осторожно мягко замѣтилъ Арсаковъ.

Лицо дѣвушки затуманилось на одинъ только мигъ.

— О, я знаю это!—воскликнула она.

— Знаете?

— Конечно!.. Такъ что же?.. Любите ее и всегда любите... Развѣ я смѣю думать, что я могу быть вашею женою, спутницею и другомъ вашей жизни?.. Нѣтъ, конечно!.. Я такъ мала въ сравненіи съ вами, такъ ничтожна, и я даже не смѣю думать о томъ, чтобы вы избрали меня подругою на всю вашу жизнь!.. Я хочу быть вашею...

Арсаковъ насторожился.

— Я хочу быть вашею... служанкою... Да, да, — служанкою!.. Хочу быть вашимъ товарищемъ, если мала и незначительна для роли друга. Я и съ женою вашею подружусь, и она должна полюбить меня, какъ я люблю уже ее, еще не зная, — вѣдь она должна быть прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ, разъ вы выбрали ее... У васъ есть ея портреты?... Покажите мнѣ...

— Большой художественный портретъ моей Юли, сдѣланный однимъ изъ лучшихъ портретистовъ, — въ Москвѣ, но фотографія у меня есть и очень хорошая...

Арсаконъ взялъ гостью за руку и повелъ въ кабинетъ.

— Это вашъ кабинетъ? — спросила Людмила, входя въ помѣщеніе Арсакова, какъ въ какое нибудь святилище.

Деревенскій кабинетъ нашего героя, ничѣмъ особенно не отличался и всего менѣе походилъ на кабинетъ крупнаго общественнаго дѣятеля, выдающагося адвоката, ученаго.

Впрочемъ, въ кабинетѣ было очень уютно и нарядно. Арсаконъ снесъ въ него все, что было получше въ старомъ домѣ, и устроилъ хорошенькій уголокъ съ большимъ изяществомъ и вкусомъ.

— Да, это мой деревенскій кабинетъ, — сказалъ онъ. — Это уголокъ для отдыха, это болѣе „салонъ“, чѣмъ кабинетъ, такъ какъ лѣто это я назначилъ для отдыха, только для отдыха и не привезъ ничего, что напоминаетъ городскую кипучую жизнь, широкую дѣятельность, тревоги, борьбу и все то, что волнуетъ меня и портитъ нервы, — надо же вѣдь и намъ, людямъ труда, борьбы, идеи — отдохнуть...

— О, да, конечно!.. Вамъ это надо болѣе, чѣмъ кому либо...

Дѣвушка оглянулась.

— Какъ здѣсь хорошо! — проговорила она.

— Вамъ нравится?..

— Чудо, какъ хорошо!..

— Да, здѣсь недурно... У господина Гнузде-
много роскоши, но мало изящнаго и ужъ рѣ-
шительно ничего нѣтъ, чтобы напоминало „ми-
лое прошлое“, а тутъ есть кое-что... Вотъ это
портретъ одного изъ моихъ древнихъ предковъ;
это вотъ настоящее венеційское оружіе, принад-
лежащее моему прадѣду и подаренное ему го-
сударемъ; этотъ фарфоръ сперва украшалъ Вер-
сальскій дворецъ, а потомъ былъ при дворѣ Ека-
терины Великой; эта мебель Людовика XIV...
Согласитесь, дорогая, что у господина Гнуздева
этого нѣтъ, да, пожалуй, и не можетъ быть!..

— О, конечно!..

Надо, сказать здѣсь, что портретъ изобра-
жалъ не предка Арсакова, а когонибудь дру-
гого и былъ пріобрѣтенъ у антикварія; „вене-
ційское оружіе“ было довольно бутафорскимъ
оружіемъ, а фарфоръ и мебель, хотя и очень
недурные, не видали ни Версальскаго дворца,
ни Людовика XIV; ни Екатерины Великой...

Маленькая ложь эта была такъ понятна и
извинительна въ положеніи нашего героя, при-
нимавшаго столь неожиданную и столь дорогую
гостью...

— А гдѣ портретъ вашей жены? — спросила
Людмила.

— Вотъ...

Арсаковъ подалъ отлично сдѣланную фото-
графію Юліи Павловны.

Изъ большой, въ декадентскомъ стилѣ, ко-
нечно, рамки смотрѣло нѣскольхоко насмѣшливо,
но и очень весело эффектное, хорошенькое и
характерное личико жены Павла Дмитріевича,
несущей теперь въ Петербургѣ тяжелыя, труд-
ныя и святыя обязанности сидѣлки и сестры
милосердія.

Дѣвушка такъ и впиалась глазами въ порт-
ретъ.

попытка

попытка

Онъ задрожалъ у нея въ рукахъ и чуть не упалъ,—жутко, страшно и стыдно стало Людмилѣ отъ взгляда огромныхъ насмѣшливыхъ глазъ той, которая была теперь далеко-далеко, но портретъ которой она держала въ рукахъ, придя въ кабинетъ ея мужа и только что объяснившись ему въ любви!..

Пусть это „объясненіе“ было сдѣлано такъ, случайно, пусть оно сдѣлано не на словахъ, но вѣдь фактъ существовалъ...

— Ваша жена — красавица, — тихо-тихо проговорила Людмила и возвратила портретъ.

— Да, она недурна, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ Арсаковъ и небрежно положилъ рамку на ближайшій столикъ.

— Она—красавица, — повторила дѣвушка.—Я буду ея горничною, только чтобы находиться около васъ...

— Милая!..

Арсаковъ обнялъ дѣвушку за талію и чуть-чуть не поцѣловалъ, но удержался и сдѣлалъ свое объятіе дружескимъ, отеческимъ, ослабивъ его и вызвавъ на лицо добродушную улыбку старца, ласкающаго дѣвочку-подростка.

Почему-то Арсаковъ вспомнилъ въ эту минуту Болтова; вспомнилъ холодный стальной блескъ его глазъ, вспомнилъ его сурово сдвинутыя брови и выраженіе жестокости на лицѣ, появлявшееся иногда у молодого землевладѣльца при разговорахъ съ Арсаковымъ.

— Милая моя гостя, хорешая моя барышня, дѣтка моя дорогая, зачѣмъ же вамъ быть горничной?.. Вы можете быть другомъ моей жены, какъ вы будете моимъ другомъ... Но вотъ что однако: мы и дневникъ читали, и мой кабинетъ осматривали, и планы строимъ будущей жизни, а между тѣмъ время идетъ. солнце вотъ уже гдѣ, и я васъ не покормилъ, только чайку вы попили!.. Хорошъ хозяинъ, хорошъ деревенскій

баринъ-помѣщикъ!.. Эй, кто тамъ!.. У меня даже и простого колокольчика тутъ нѣтъ, а у господина Гнуздева на каждомъ шагу электричество и всякія цивилизаціи... Эй, кто тамъ есть!.. Максимовна!..

Въ кабинетъ вошла „уточкою“ экономка и ключница Арсакова, преданная „матушкѣ-барынѣ“. Анна Максимовна, старушка хлопотливая, „угостительная“, отличная хозяйка и довольно добродушная, но не лишенная и того „яда“, который легко уживается у такихъ старушекъ рядомъ съ добродушіемъ, ласковостью и гостепріимствомъ.

Она церемонно поклонилась гостѣ и остановилась.

— Изволили звать, батюшка-баринъ?—спросила она.

— Изволилъ, Анна Максимовна, изволилъ, домоправительница!.. Мы съ гостѣй хотимъ кушать, хотимъ чаю, кофе, молока...

— Готово все, батюшка... Я давно все подала, а только не осмѣлилась вамъ докладывать.

— Почему же вы не осмѣлились, глубокоуважаемая?

Максимовна скромно и стыдливо опустила глазки.

— Развѣ я могу, ежели вы съ гостѣй!.. Глашка, дура, бросилась было докладывать, а я ее чуть за косу не схватила, глупую... Мы, батюшка-баринъ, учены-то по-старинному, мы понимаемъ, когда къ господину можно идти съ докладомъ, а когда не слѣдуетъ.

— Ну, отлично, это дѣлаетъ вамъ честь...— А теперь вы, почтениѣйшая, докладываете, что все готово?—спросилъ онъ.

— Такъ точно... Пожалуйте кушать, а только угодила ли я,—не знаю ужъ, судары!..

Арсаковъ, взявъ подъ руку Людмилу, пошелъ въ столовую.

— Барыни-матушки нѣтъ, — пѣвуче говорила, идя за ними Максимовна, — а ужъ безъ хозяйки какой же можетъ порядокъ быть?.. Безъ хозяйки въ кажинномъ домѣ одни только непорядки да всякія упощенія...

Максимовна глубоко вздохнула.

— Вотъ скоро прѣдетъ наша матушка, красавица наша писаная, такъ, конечно, по другому все пойдетъ, — заключила она и снова глубоко вздохнула.

— Покушайте же, барышня, — сказала Максимовна, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ гнѣвнаго барскаго взгляда. — Право, голодныя уѣдете, матушка и мнѣ, старухѣ, стыдно будетъ... Да, ротъ еще, батюшка-баринъ, — затрудненіе должно большое произойти...

— Какое затрудненіе?

— Да вѣдь ушелъ Петрушка-то Вѣтрогоновъ.

— Ну?..

— Гришка пьяный нонѣ съ утра, а Лука даже запречь-то въ городскую сбрую лошадь не умѣетъ, такъ кто же ужотко повезетъ барышню?.. Онѣ своего мужичка отпустили...

Людмила густо-густо покраснѣла и опустила глаза; Глашка такъ и выпрямилась вся отъ напряженія, а Максимовна, часто помигивая глазками) смотрѣла на барина съ видомъ глуповатой, но усердной и заботливой ребы.

— Барышня сегодня не поѣдетъ, — совершенно хладнокровнымъ и слегка небрежнымъ тономъ отвѣтилъ Арсаковъ, словно дѣло шло о пріятелѣ, который остается ночевать.

— А-а!..

Максимовна подобрала губы и подавила вздохъ, который не послушался и вырвался такой тяжелый, глубокий, какъ вздохъ праведника, сокрушающагося о грѣхахъ ближняго своего, но прощающаго ему эти грѣхи по великому смиренію своему.

— А я было беспокоилась,—продолжала она.— Гдѣ постельку-то гостейкѣ приготовить, батюшка?..

— Да что ты торопишься-то, Максимовна?—стараясь казаться веселымъ и безпечнымъ, спросилъ Арсаковъ. — Барышня еще не собирается спать, до ночи далеко...

— Нѣтъ, батюшка, я такъ... Я думаю, что можетъ съ дорожки-то барышня и восхотятъ отдохнуть...

Этимъ страннымъ „восхотятъ“ Максимовна старалась подчеркнуть, такъ сказать, свое отношеніе къ гостѣмъ, о которой надо теперь и говорить даже особеннымъ способомъ.

— Нѣтъ, вѣроятно, не „восхотятъ“!—засмѣялся Арсаковъ.—А вотъ когда „восхотятъ“, такъ вы приготовите въ антресоляхъ;—тамъ воздухъ лучше. Людмила Васильевна, вы не побойтесь провести ночку наверху?..

— Нѣтъ...

— Впрочемъ, мы васъ одну не оставимъ... Глаша, ты ляжешь съ барышнею въ угольной „лиловой комнатѣ“, — тамъ и приготовить ночлегъ для нашей гостыи... Людмила Васильевна, да скушайте же чего нибудь!..

— Мерси, Павелъ Дмитріевичъ, мнѣ право не хочется.

— Такъ ягодъ хоть, что ли, надо пекушать... Максимовна, есть у насъ еще клубника?

— Есть, батюшка, а только я думала, что послѣ обѣда ее будете кушать, и не распорядилась собрать...

— Такъ вотъ сейчасъ займитесь этимъ... Глаша, ступай и ты съ теткою... Живо!.. Самой лучшей клубники намъ и самыхъ густыхъ и холодныхъ сливокъ...

Максимовна и Глаша вышли.

— Дорогая, вамъ стало неловко, когда эта старушенція заговорила о лошадяхъ?—обратилъ

ся Арсаковъ къ своей гостѣ, чтобы положить конецъ ея неловкому, мучительному даже, какъ казалось Арсакову, положенію.

Дѣвушка съ какою-то свѣтлою улыбкою взглянула на него.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Что мнѣ за дѣло до всего міра, если я тутъ, около васъ?.. Это моя атмосфера, которою я дышу и живу,—внѣ ея для меня ничего нѣтъ и я не могу жить безъ нея... Можетъ быть, я и смутилась, но это ничего, это пустое... Если меня пытать тутъ начать, подвергать мученіямъ, такъ я и тогда захочу быть тутъ и только тутъ...

Это былъ порывъ неудержимой иѣжности, которая скоро переходитъ въ страсть...

Арсаковъ протянулъ къ дѣвущкѣ руки, говоря, какія-то ласковыя слова, и хотѣлъ встать, хотѣлъ подойти къ ней, какъ вдругъ подъ самыми окнами проскакала лошадь, вонко шелкая подковами о мощный дворъ; слышно было ея сильное тяжелое дыханіе,—она запыхалась отъ бѣшеной скачки.

— Кто это?—проговорила Людмила и поблѣднѣла.

— Не знаю... Не убѣжала ли лошадь изъ стада...

— Нѣтъ, иѣтъ...

Людмила прижала обѣ руки къ лицу и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ окно...

— Это... это Болтовы!—сказала она.

— Болтовы?..

— Да... Онъ узналъ, что я здѣсь, онъ...

Дѣвушка вскочила и подбѣжала къ Арсакову.

— Уйдите, уйдите! — зашептала она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Бога ради уйдите и спрячьтесь куда нибудь!.. О, ради Бога!.. Онъ.. онъ убьетъ тебя, онъ сумасшедшій!..

Ужасъ дѣвушки передался Арсакову и заразилъ его.

— Ну, что за вздоръ!—проговорилъ онъ, поблѣднѣвъ, какъ я Людмила.—Мы не... мы не... мы не въ Мексикѣ, не въ Техасѣ какомъ нибудь!.. Пойдемъ въ кабинетъ, — у меня тамъ есть револьверъ... заряженный...

Въ сосѣдней комнатѣ слышались чьи-то быстрые шаги...

· XVIII.

Арсаконъ держалъ въ руцѣ клочекъ бумажки, вырванной изъ записной книжки, на которомъ было написано карандашемъ: „Андрей Ильичъ Болтовъ“.

— Господинъ, которые прѣхали, дожидаются въ пріемной,—доложилъ казачекъ, вручивъ карточку.

Свободную руку Арсаконъ опустилъ въ карманъ своей домашней щегольской тужурки и нервно ощупывалъ холодный отполированный стволъ револьвера Смита и Вессона, только что заряженный.

Казачекъ молча стоялъ, дожидаясь отвѣта.

— Господинъ прѣхалъ верхомъ? — спросилъ зачѣмъ-то Арсаконъ.

— Верхомъ-съ... Шибко гнали должно быть,—лошадь вся въ мылѣ...

— У него... у него ничего нѣтъ съ собою?..

— Есть нагайка...

— Дуракъ!..

Арсаконъ положилъ „карточку“ на столъ и прошелся по комнатѣ.

— Проси господина въ кабинетъ,—рѣшительно сказалъ онъ.—Понялъ?

— Понялъ-съ...

— Ну, ступай!..

Мальчикъ вышелъ, а Арсаконъ быстро направился въ кабинетъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги, и ка-

рандашъ въ рукѣ Арсакова, которымъ онъ принялся дѣлать какія-то отмѣтки, задрожалъ.

— Мосѣ Болтовъ! — привѣтствовалъ онъ вошедшаго и всталъ, не выходя изъ-за стола, который отдѣлялъ его отъ посѣтителя длиннымъ и широкимъ барьеромъ.

Болтовъ слегка наклонилъ голову и сѣлъ по другую сторону стола.

Онъ скакалъ сюда по буеракамъ и рвамъ, не щадя своего любимаго коня и каждую секунду рискуя сломать шею, безъ всякой пѣли и плана. не давая себѣ отчета, не думая о послѣдствіяхъ, не замышляя убить или прибить Арсакова.

Ему сказали у Гнуздовыхъ, что „Людмила Васильевна сбѣжала къ Арсакову въ „Топольки“, и онъ поскакалъ въ „Топольки“.

Зачѣмъ?.. Онъ не зналъ этого... Она, его кумиръ, его жизнь, его счастье, тамъ, гдѣ ей „не должно быть“, и онъ поскакалъ туда...

А можетъ она попросить, чтобы онъ „спасъ“ ее, можетъ онъ нуженъ ей, и тогда онъ будетъ „спасать“,—онъ бросится на цѣлый полкъ, разнесетъ всю усадьбу и сдѣлаетъ что нибудь или погибнетъ... Да; она тамъ, гдѣ ей „не должно быть“, — это чувствовалъ Болтовъ, потерявшій голову, но онъ поскакалъ бы и всюду за этою дѣвушкою, которая была для него въ тысячу разъ дороже жизни, которая была для него воздухомъ, а вѣдь безъ воздуха дышать и жить невозможно.

Онъ былъ одинокъ и не искалъ сближенія ни съ кѣмъ и никогда не нуждался въ сближеніи, но, увидавъ Людмилу, онъ полюбилъ ее и увидалъ, что жизнь безъ этой дѣвушки для него не только бессмысленна, но и невозможна.

И онъ поскакалъ.

Когда онъ очутился въ домѣ, подъ крышею котораго была теперь обожаемая имъ дѣвушка.

онъ вдругъ понялъ, что сдѣлалъ это безъ всякаго расчета, безъ соображенія и что это не только смѣшно и дико, но и безцѣльно, а потому и бессмысленно. Она полюбила Арсакова. пришла къ нему и будетъ принадлежать ему...

Онъ женатъ, этотъ ненавистный ему Арсаковъ, но вѣдь онъ можетъ покинуть свою жену и развестись съ нею... Во всякомъ случаѣ—этой дѣло той, которую онъ любитъ, и онъ не имѣетъ никакого права, не имѣетъ никакой возможности помѣшать ей...

У него есть если не право, то возможность убить того человѣка, который разбилъ его счастье, но вѣдь это не только жестоко и грѣшно, а опять-таки бессмысленно по своей безцѣльности...

Страшный грѣхъ, судъ Божій и судъ людской, тюрьма, каторга и ненависть любимой дѣвушки, — вотъ что явится результатомъ убійства...

Все это передумалъ Болтовъ, дожидаясь въ приемной комнатѣ, и вынулъ изъ гнѣздъ револьвера пули и бросилъ ихъ украдкой за окно въ густо разросшійся кустарникъ молочая..

Теперь онъ рѣшительно не зналъ, что ему надо дѣлать и говорить, но, увидавъ Арсакова, снова почувствовалъ къ нему дикую ненависть и сжалъ въ карманѣ ручку револьвера, какъ это сдѣлалъ и Арсаковъ.

Вспомнивъ, что пули изъ револьвера вынуты, Болтовъ скрестилъ руки на груди и посмотрѣлъ на старинную чугунную съ золотою „насѣчкою“ линейку, которая лежала на столѣ, придавливая какія-то бумаги; этою линейкою можно было при большой силѣ Болтова раскроить черепъ медвѣдю или быку.

Тихо, тихо и хорошо было въ саду, подъ тѣнью старыхъ тополей, и огромные блѣдно-лиловые „лупины“, лиловые и синіе колоколь-

чики, розовыя „царскія кудри“, пестрыя присы-
алая и бархатистая „барская спѣсь“ тянулись
къ высокому солнцу изъ густой сочной зелени
и жили, наслаждаясь жизнью...

Минуты три длилось молчаніе.

— Да, не въ этомъ дѣло, — заговорилъ Бол-
товъ, отвѣчая на свои мысли — Не въ этомъ дѣ-
ло, не въ этомъ, не въ этомъ!..

Онъ взялъ линейку и сталъ играть ею.

„Чортъ возьми“!.. — подумалъ Арсаковъ. — „На-
до было спрятать эту дурапкую линейку, сдѣ-
ланную для истолиновъ, а то онъ можетъ бро-
ситься на меня съ нею прежде, чѣмъ я со-
ображу...“

— Душно! — сказалъ Арсаковъ, всталъ, отво-
рилъ другое окно и сѣлъ на подоконникъ, за-
куривъ папиросу.

Болтовъ посмотрѣлъ на него.

— Однако мы сидимъ, мосье Болтовъ, а вы
до сихъ поръ не изволили сказать мнѣ о цѣли
вашего посѣщенія, — проговорилъ Арсаковъ. — Я,
по нѣкоторымъ признакамъ, имѣю основаніе ду-
мать, что оно, это посѣщеніе ваше, не совсѣмъ
обычно и не является простымъ сосѣдскимъ ви-
зитомъ... Неправда-ли?..

Вдругъ Болтовъ рѣшилъ, что ему надо гово-
рить и дѣлать. Вопросы и словъ Арсакова онъ
не слыхалъ, — онъ крѣпко-крѣпко думалъ свою
собственную думу.

— Людмила Васильевна здѣсь? — спросилъ онъ.
Арсаковъ презрительно усмѣхнулся.

— Это что, мосье Болтовъ, — допросъ или
праздное любопытство? — спросилъ онъ.

— Я спрашиваю — здѣсь ли Людмила Василь-
евна? — повторилъ Болтовъ.

— Ну, да, здѣсь...

— Зачѣмъ она здѣсь?

Арсаковъ пожалъ плечами.

— Въ гостяхъ у меня, господинъ Болтовъ!..

— Въ гостяхъ..

— Такъ точно-съ...

— Я думаю, что это неприлично... Неприлично, нехорошо, если молодая дѣвушка прѣзжаетъ одна къ одинокому молодому мужчине... Я такъ думаю... Это... это должно поеліять на ея доброе имя... Это неудобно ей...

— Вѣроятно, она другихъ взглядовъ на этотъ предметъ, если нашла возможнымъ прѣхать!..

Болтовъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на собесѣдника, удивленный тѣмъ, что высказанная имъ мысль не пришла въ голову ему, Болтову.

— А затѣмъ, — продолжалъ Арсаковъ, — на основаніи чьихъ же именно полномочій и на основаніи какихъ правъ вы такъ грозно и категорически требуете отъ меня отчета и за мои дѣйствія, и за дѣйствія Людмилы Васильевны?.. Вы что ей, — братъ, женихъ, опекунъ?..

— Нѣтъ, но не въ томъ дѣло...

— Она открылась вамъ въ любви? — спросилъ Болтовъ, и голосъ его звучалъ тоскою, а не угрозою.

— Ого, это ужъ слишкомъ интимный вопросъ, господинъ Болтовъ!..

— Она сказала вамъ, что любить васъ, и пришла къ вамъ совсѣмъ? — продолжалъ Болтовъ, очевидно не слушая Арсакова и весь подавленный своими мыслями. — Слушайте, если вы ее любите и если вы честный, хорошій, добрый человекъ, такъ возьмите ее... Да, да, возьмите, а я... я ужъ такъ... я ужъ останусь... Но если вы...

Голосъ Болтова аадрожалъ и зазвенѣлъ, какъ оборванная струна.

— Но если вы дурной человекъ, если вы негодяй, если она не будетъ съ вами счастлива, такъ я...

Онъ задохнулся и помахалъ передъ лицомъ рукою, договаривая что-то этимъ непонятнымъ жестомъ.

— Ну, будетъ, однако!—крикнулъ Арсаковъ, рѣшивъ, что опаснаго ничего нѣтъ и что хорошій окрикъ усмирить этого господина и поставить въ границы. — Будетъ, мнѣ надоѣла эта смѣшная мелодрама!.. Я нахожу, что вы достаточно говорили, а я слишкомъ достаточно слушалъ, и требую, чтобы вы прекратили эту комедию!. Гостемъ своимъ я васъ не считаю и покорнѣйше прошу оставить мой домъ... Ваша лошадь измучена?.. Я прикажу подать вамъ экипажъ...

Болтовъ закрылъ лицо руками, опустился на стулъ и заплакалъ...

— Заревѣлъ!—прошепталъ казачекъ и съ разочарованнымъ видомъ пошелъ отъ двери въ людскую.—Я думалъ, что у нихъ драка будетъ а онъ заревѣлъ, вишь...

Въ эту же самую минуту къ другой двери кабинета изъ внутреннихъ комнатъ быстро подошла Людмила и взялась за скобку.

Дѣвушка сидѣла черезъ комнату отъ кабинета и, затаивъ дыханіе, прислушивалась къ едва доносившимся голосамъ и часто-часто взглядывала на старинную, висѣвшую въ углу комнаты икону.

Вдругъ Болтовъ всталъ, и Арсаковъ весь съежился отъ грознаго вида этого „жалкаго человека“.

Болтовъ точно выросъ; на блѣдномъ лицѣ его появился зловѣщій румянецъ, — кровь прилила ему въ голову,—глаза засверкали холоднымъ и злымъ блескомъ, и повелительнымъ, властнымъ жестомъ останбвилъ онъ поднявшагося было Арсакова.

— Слушай! — заговорилъ Болтовъ — Она тебя любитъ, и она будетъ твоею, если пришла сю-

да, пренебрегая всѣмъ.. Пусть она будетъ твоею, но если...

Болтовъ шагнулъ впередъ.

Въ эту минуту Арсаковъ выхватилъ револьверъ и поднялъ съ нимъ руку, совсѣмъ уже не владея собою отъ ужаса.

Болтовъ вырвалъ револьверъ безъ всякаго почти усилия изъ рукъ Арсакова и швырнулъ въ окно.

— Помогите, помогите, спасите! — закричалъ Арсаковъ.

Между нимъ и Болтовымъ въ одинъ мигъ, словно изъ земли выросла, встала Людмила.

Лицо ея было бѣло, какъ ея стоячій воротничекъ, губы дрожали.

— Не смѣйте, не смѣйте трогать его! — задыхаясь, обратилась она къ Болтову и защитила собою Арсакова.

Болтовъ отступилъ и низко-низко поклонился дѣвушкѣ.

— Онъ внѣ всякой опасности, — проговорилъ онъ.—Я не хотѣлъ сдѣлать ему зла и только обезоружилъ его... Тутъ произошелъ бы страшный грѣхъ, если бы я не отнялъ во-время оружіе, а я не хотѣлъ, ничего не хотѣлъ злого...

Прижимаясь къ Арсакову, дѣвушка отошла вмѣстѣ съ нимъ къ маленькому угольному диванчику.

— Подать вамъ воды?—спросила она.

Арсаковъ отрицательно махнулъ головою. Онъ былъ блѣденъ и тяжело дышалъ.

— У тебя что нибудь болитъ?—чуть слышно спросила Людмила.

— Болитъ?.. Нѣтъ!.. Меня слава Богу не били еще пока, хотя въ этихъ якобы „богоспаемыхъ“ и „тихихъ“ мѣстахъ всего можно ожидать!..

„Въ тѣни тополей“!..—такъ называется въ своихъ письмахъ жена мою жизнь... Гм!.. Все это

похоже не на жизнь въ тѣни русскихъ тополей, а на жизнь въ какомъ нибудь Техасѣ... Чортъ знаетъ, что такое!..“

Онъ съ ненавистью взглянулъ на Болтова, котораго словно забыли.

Болтовъ стоялъ у окна, опершись рукою о стулъ, и смотрѣлъ въ одну точку на стѣнѣ.

Богъ вѣсть, о чемъ онъ думалъ въ эти минуты, но ничего страшнаго, угрожающаго не было ни въ его позѣ, ни въ его блѣдномъ и печальномъ лицѣ.

Сейчасъ же у него созрѣло рѣшеніе. Онъ освободилъ свою руку изъ рукъ Людмилы и всталъ.

— Болтовъ, Андрей Ильичъ, — заговорилъ онъ, — намъ надо объясниться... До сихъ поръ оба мы вели себя какъ... какъ гимназисты третьяго класса, начитавшіеся романовъ Майнъ-Рида, а теперь мы должны поговорить какъ взрослые, солидные и культурные люди... Андрей Ильичъ, возьмите сигару, садитесь вотъ сюда, и будемъ говорить по-джентльменски...

Болтовъ поднялъ голову.

— Садитесь, Андрей Ильичъ, — продолжалъ Арсаковъ. — Людмила Васильевна будетъ присутствовать при нашемъ объясненіи и поможетъ намъ „прийти къ соглашенію“, а еще лучше, если мы пойдемъ въ столовую и будемъ пить чай, вино, закусывать курить и разговаривать, — это покажетъ прислугѣ, что у насъ не случилось ничего особеннаго, и это очень важно, очень нужно для насъ обоихъ, а всего больше — для Людмилы Васильевны, доброе имя и репутація которой для насъ очень дороги...

XIX.

— Я поѣду, — проговорилъ онъ, не смотря ни на Арсакова, ни на Людмилу. — Все, что произо-

шло здѣсь, вамъ покажется страннымъ дѣломъ, чудовищнымъ... Оно и мнѣ кажется такимъ... Каюсь и прошу меня извинить... Васъ, Людмила Васильевна, прошу извинить меня, простить и забыть про все... Что касается васъ, Павелъ Дмитриевичъ, то вы, конечно, въ правѣ поступить со мною по своему усмотрѣнію, это само собой разумѣется, и я готовъ дать вамъ какое угодно удовлетвореніе...

Болтовъ остановился на нѣсколько секундъ.

— До дуэли включительно,—продолжалъ онъ. Арсаковъ наклонилъ голову.

— Имѣю честь кланяться,—проговорилъ онъ.— Я не смѣю настаивать на томъ, чтобы вы остались въ моемъ домѣ отдохнуть, успокоиться, выпить стаканъ чаю, хотя очень желалъ бы этого... Что касается удовлетворенія, про которое вы изволили говорить...

Людмила такъ и впилась въ него глазами при этихъ словахъ.

— Что касается до удовлетворенія, то я не требую его, ибо...

— Это меня не интересуе!—перебилъ Болтовъ.— Я предоставляю вамъ право и приму вашъ вызовъ, больше говорить объ этомъ не стоитъ... Поступайте такъ, какъ вамъ заблагоразсудится... Прощайте... Одно слово я хотѣлъ бы еще сказать...

Болтовъ потеръ лобъ.

— Впрочемъ, нѣтъ, не надо! — быстро окончилъ онъ.— Я вижу, что моя роль,—роль смѣшного Донъ-Кихота, — только глупа, а до моихъ личныхъ взглядовъ никому нѣтъ дѣла...

Онъ поклонился обоимъ и вышелъ.

Его очень ждали сегодня въ „Козыряхъ“.

Вѣра Гавриловна знала, что онъ поскакалъ въ „Топольки“, и думала, что онъ заѣдетъ, расскажетъ много интереснаго.

Она сообщила ему, что „дѣвчонка“ уѣхала къ

Арсакову. забывъ дѣвичій стыдъ и „оскандаливъ домъ“, въ которомъ ее такъ любили, такъ берегли, въ которомъ она была поставлена не какъ „наймычка“, не какъ гувернантка, а какъ любимая и близкая родственница.

Вѣрѣ Гавриловнѣ хотѣлось, чтобы Болтовъ „удержалъ дѣлочку отъ гибели“,—такъ говорила ему она, думая втайнѣ, что Арсаковъ побойся „исторіи“ и самъ приметъ мѣры для удаленія изъ своего дома „негодницы“, а тамъ ужъ Вѣра Гавриловна сумѣетъ вернуть себѣ красавца-сосѣда, который сталъ теперь для нея не только близокъ и дорогъ, но и необходимъ,— въ „бальзаковскомъ возрастѣ“ женщины съ пылкимъ темпераментомъ и безъ прочныхъ нравственныхъ устоевъ любятъ не только горячо и сильно, но и безумно.

Болтовъ обманулъ ожиданія Вѣры Гавриловны и проѣхалъ мимо; она напрасно сидѣла, ожидая его и прислушиваясь къ голосамъ на дворѣ и къ шагамъ въ домѣ.

Домъ заснулъ, и только въ кабинетѣ Петра Максимовича долго-долго свѣтился огонь.

XX.

Петръ Максимовичъ Гнуздевъ былъ угрюмъ и мраченъ.

Онъ, женатый уже около двадцати лѣтъ, все еще любилъ свою пышную супругу, чувствовалъ къ ней сильное влеченіе, а кромѣ того страдало его самолюбіе, когда онъ сталъ замѣчать, что жена его увлечена Арсаковымъ, что между ними есть что-то большее, чѣмъ простой дачный флиртъ.

Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ поговорить съ женой рѣшительно и твердо, хотѣлъ потребовать у нея прямого отвѣта, потребовать отчета,

но страшно было приступить къ разговору—онъ то боялся, что жена будетъ обижена напраснымъ подозрѣніемъ, оскорбится и разсердится, то приходили ему на умъ еще болѣе страшныя мысли—онъ боялся, что Вѣра Гавриловна признается въ любви къ Арсакову, скажетъ, что разлюбила мужа и рѣшила порвать съ нимъ навсегда.

Арсакова Петръ Максимовичъ ненавидѣлъ въ это время до глубины души, ему хотѣлось уничтожить своего соперника, растерзать его, онъ думалъ, что хорошо бы было нанять какихъ нибудь бродягъ, которые избили бы его врага до полусмерти, изуродовали бы на всю жизнь.

Но приходили и болѣе спокойные дни и тогда почтенному коммерсанту казалось, что приходится въ отчаяніе не отъ чего, что его супруга, несмотря на свое легкомысліе и кокетство вѣрна мужу, а съ красивымъ сосѣдомъ лишь играетъ въ любовь, тѣша свое тщеславіе.

Какъ-то за чаемъ, Вѣра Гавриловна начала разговоръ съ мужемъ о томъ, что надо нанять Додочкѣ гувернантку, вмѣсто изгнанной Людмилы Лютневой.

— Вообще мнѣ хотѣлось бы уладить эту непріятную исторію,—говорила мадамъ Гнуздева.— Эта наглая дѣвчонка помчалась къ Арсакову, наговорила ему, вѣроятно, Богъ знаетъ чего о нашемъ деспотизмѣ, о притѣсненіяхъ, которымъ мы подвергали ее, оклеветала и очернила меня... Ты хорошо бы сдѣлалъ, если бы съѣздилъ къ Арсакову и рассказалъ ему въ чемъ дѣло... Арсаковъ человѣкъ изъ самаго лучшаго общества, человѣкъ съ именемъ и положеніемъ и мнѣ непріятно будетъ, если онъ станетъ думать и говорить о насъ Богъ знаетъ что... Ты долженъ рассказать ему, какъ нагло вела себя скверная дѣвчонка, а кромѣ того...

— А кромѣ того?—спросилъ Петръ Максимовичъ съ подозрительной насмѣшкой взглянувъ на жену.

— А кромѣ того ты долженъ настоять, чтобы Арсаковъ попросилъ глупую и скверную дѣвченку уѣхать изъ своего дома,—договорила Вѣра Гавриловна, употребляя огромныя усилія, чтобы остаться хладнокровной.

— Это тоже нужно для реабилитаціи нашего дома?..

— Несомнѣнно, такъ какъ это покажетъ всѣмъ, что эта дѣвченка дурная, взбалмошная и что Арсаковъ поступилъ такъ же, какъ и мы, „удаливъ“ авантюристку... А кромѣ того, мнѣ жаль Болтова, который любитъ ее, который былъ почти ея женихомъ и теперь въ отчаяніи...

Петръ Максимовичъ криво усмѣхнулся.

— Я очень люблю Болтова, Вѣра, но, право не имѣю желанія добывать ему невѣсту, сбѣжавшую къ господину Арсакову,—проговорилъ онъ.

— Но вѣдь все-таки жаль эту несчастную!—воскликнула Вѣра Гавриловна.—Она легкомысленна, у нея дурныя задатки, но она жила въ нашемъ домѣ, она еще очень молода и можетъ исправиться...

— А захочетъ ли этого Арсаковъ?..

— Несомнѣнно, онъ человѣкъ очень порядочный, хотя немного вѣтренъ и долженъ послушать благоразумнаго и солиднаго человѣка... и знаешь что—я думаю сама съѣздить къ нему?.

Много надо было усилій Петру Максимовичу, чтобы остаться хладнокровнымъ при этихъ словахъ.

— Что же съѣзди, — спокойно сказалъ онъ, опуская глаза.

„Вотъ тутъ - бы и накрыть ихъ!“ — подумалъ онъ.— „Какая наглая и распушенная баба!.. Ахъ,

какъ хотѣлось бы мнѣ проучить тебя вмѣстѣ съ этимъ твоимъ... избранникомъ!.. А быть можетъ я и неправъ?.. Неужели бы она рѣшилась такъ просто и хладнокровно заговорить со мной о побѣдѣ къ Арсакову, если бы была его любовницей?..“

Мысли Петра Максимовича путались, онъ не зналъ чему вѣрить, не зналъ, что дѣлать...

XXI.

Въ одной старинной легендѣ о разбойникахъ разсказывается слѣдующій случай: заблудилась какъ-то въ лѣсу „красная дѣвица“, „голубица чистая, непорочная“, и попала въ станъ къ разбойникамъ; взяли ее разбойники „въ полонъ“ и стали беречь и сторожить, чтобы поднести въ даръ своему атаману, уѣхавшему къ другой своей шайкѣ куда-то далеко. Кормили, поили красную дѣвицу, „обида ей не чинили“ и крѣпко-на-крѣпко берегли, какъ отъ побѣга, такъ и другъ отъ друга. Атаманъ отлучился надолго, быть можетъ, на цѣлый мѣсяцъ, и вотъ красная дѣвица живетъ да поживаетъ въ стану, сдѣлавшись „сестрицею удалымъ добрымъ молодцамъ“. Готовитъ она имъ обѣдъ, хозяйство ихъ блюдетъ, а между тѣмъ „рѣчи ласковыя“ имъ говоритъ; говоритъ о Богѣ, о правдѣ, о будущей жизни за гробомъ да такъ говоритъ, что разбойники все лучше и лучше становятся, все сильнѣе и сильнѣе просыпается человѣкъ въ ихъ озвѣрѣвшихъ сердцахъ, и въ концѣ концовъ стали они совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ были, и „затосковала ихъ душа о Богѣ“...

Пріѣхалъ атаманъ.

Это былъ человѣкъ жестокій, страшный душегубъ, озвѣрѣвшій до послѣдней степени.

Увидѣлъ онъ красную дѣвицу, прельстился

ея красотою и хотѣлъ ее въ жены къ себѣ взять, а былъ онъ женатъ, только не жилъ съ женою, прогналъ ее, и была она гдѣ-то въ монастырѣ, грѣхи мужа замаливала. Не согласилась красная дѣвица на беззаконное сожителство съ атаманомъ... Сталъ онъ ее страшать, муками всякими сталъ грозить и хотѣлъ было лютой смерти предать, да не дали разбойники. „Въ нашихъ, говорятъ, головахъ ты воленъ, ты нашъ батько - атаманъ, мы твои дѣтки послушныя, а „сестрицу“ не трогай, ее мы тебѣ на муки, на смерть не дадимъ!..“ Озлобился атаманъ, но долженъ былъ покориться, уступая силѣ, и только злобу великую затаилъ въ себѣ... А красная дѣвица живетъ въ стану, дѣло свое женское дѣлаетъ, „съ утреннею зарею подымается, послѣ вечерней—спать укладывается“. Смотритъ на нее атаманъ, голубиною кротостью ея любитъ, чистота и незлобіе ея больно сердце его злое, мятежное тревожатъ, а кроткія, ласковыя, задушевные рѣчи ея совѣсть въ немъ будятъ... И кончилось дѣло тѣмъ, что „смягъ атаманъ душою“, проснулся и въ немъ чело-вѣкъ, какъ въ его товарищахъ, пошли они всѣ къ царю грозному, повинились въ лютыхъ грѣхахъ своихъ, прощены были милостью царя-батюшки и стали людьми хорошими, а красная дѣвица въ родительскій домъ вернулась и „за посадскаго сына за ласковаго, за торговаго чело-вѣка богатаго замужъ вышла“.

Нѣчто подобное произошло „въ тѣни тополей“, гдѣ короталъ лѣто, скучая и развлека-ясь, Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ, и куда при-ѣхала искать крова и защиты Людмила Васильевна Лютнева.

Герой нашъ не былъ похожъ на лютаго душегуба, легендарнаго атамана, а Людмила сама пришла „въ станъ“, добровольно пришла, любила Арсакова и, быть можетъ, отдавалась бы

ему на-вѣки, забывая, что онъ женатъ, но, тѣмъ не менѣе, она внесла въ одинокій теперь домъ нашего героя чистоту женской хорошей души, которая свѣтилась въ ея чудныхъ глазахъ, которая слышалась въ звукахъ ея голоса.

Она любила Арсакова, но это не была чувственная любовь Вѣры Гавриловны.

Это была даже не та любовь, которою дарила Арсакова его жена, тоже имѣющая въ корнѣ своемъ чувственность, а это была любовь человѣка къ человѣку, да, сперва—человѣка къ человѣку, а потомъ уже—женщины къ мужчине.

Арсаковъ понялъ это и „смирился въ немъ звѣрь“, какъ въ легендарномъ разбойникѣ, и стало ему стыдно, и полюбилъ онъ юную, чистую дѣвушку, какъ милую сестру...

Хорошо ему стало. Зазвучали въ его душѣ давно замолчавшія струны, и тихая, хорошая жизнь потекла въ деревенскомъ домѣ, утопающемъ въ тѣни тополей...

Вѣра Гавриловна въ это время прихворнула отъ потрясеній должно быть, и визитъ свой къ сосѣду принуждена была отложить, хотя и рѣшила поѣхать къ нему окончательно и безповоротно.

Пока она ограничилась письмомъ, длиннымъ, длиннымъ, на трехъ листахъ почтовой бумаги и полученнымъ Арсаковымъ не съ нарочнымъ, а по почтѣ, черезъ Москву, — должно быть не нашла Вѣра Гавриловна среди своей многочисленной дворни вѣрнаго и надежнаго человѣка, которому можно было бы довѣрить письмо.

Въ огромномъ письмѣ было много грамматическихъ ошибокъ, пышныхъ фразъ, цитатъ изъ различныхъ поэтовъ, упрековъ и увѣреній въ любви. Отвѣта просила не присылать, а ждали самого „адресата“ и какъ можно скорѣй; ему все прощали, все забывали, горячо любили и ждали, ждали, ждали...

Ареаковъ въ день полученія этого письма послалъ въ „Козыри“ двороваго мальчика верхомъ съ записочкою на имя Петра Максимовича, котораго онъ извѣщалъ о своей болѣзни, „не опасной, но удерживающей его дома“, и просилъ прислать „страшно скучающему больному“ книжки тѣхъ журналовъ, которые онъ, больной, не выписывалъ.

Коротенькая, вѣжливая записочка кончалась пожеланіемъ всего лучшаго и просьбою—„передать привѣтъ многоуважаемой Вѣрѣ Гавриловнѣ и милой Додочкѣ“...

Мальчикъ явился съ книгами и съ поклонами отъ барина и барыни.

— Баринъ далъ мнѣ полтинникъ, а барыня,—она и книги выдавала,—пожаловала три цалковыхъ!—разска-ывалъ мальчикъ Арсакову.—Она, барыня-то, больна...

— Про меня ты. сказалъ, что я боленъ и не выхожу?

— Какъ приказывали, такъ и сказалъ-съ...

— Ну, хорошо, ступай... Вотъ тебѣ и отъ меня полтинникъ... Посто-ка!.. Барыня тебѣ сама книги выдавала?

— Сами-съ... Въ горницу меня къ нимъ позвали... Большая горница, и все книги, книги въ ней...

— И никого тутъ не было?

— Никого-съ.

— Спросила тебя барыня о той барышнѣ, которая гоститъ здѣсь?

— Спросили... Я сказалъ, что онѣ къ батюшкѣ, къ отцу Андрею, въ село уѣхали, — какъ вы приказали...

— Такъ и дворнѣ сказалъ?

— Такъ всѣмъ сказывалъ...

— А спрашивали?

— Очинно многіе, баринъ, спрашивали, а я всѣмъ. словно урокъ въ школѣ на экзаментѣ,

говорилъ: въ село къ отцу Андрею въ учитель-
ши къ дочкѣ уѣхали...

— Ну, молодецъ, вотъ тебѣ еще полтинникъ!..
Мальчикъ заработавшій цѣлое „состояніе“ да
еще совершившій пріятную прогулку, такъ и
сіялъ.

Арсakovъ взялъ привезенныя книжки журна-
ловъ и перелистывалъ ихъ, думая, что тамъ
есть какая нибудь записка, и дѣйствительно
нашелъ.

„Поняла, что присылка за книгами и извѣ-
стіе о болѣзни—отвѣтъ на мое письмо. Боленъ,
мой милый, бѣдный мальчикъ? Надѣюсь, что не
серьезно. О, какъ жажду видѣть и какъ вы-
соко цѣню отправку Л. къ священнику!.. На-вѣ-
ки преданная В. Г.“.

Деорня „диву далась“, смотря на барышню-
гостью, которая примчалась къ нему, какъ „не-
путевая“, стыдъ и совѣсть забывши, а теперь
живетъ тутъ, словно монашенка какая нибудь...
До и баринъ съ нею держится, какъ съ се-
стричкою-ребенкомъ,—ничего „любовнаго“ и въ
поминѣ нѣтъ; ужъ на что Максимовна умѣла
и любила выслѣживать и о выслѣженномъ раз-
сказывать, а и она должна была оставить свои
подозрѣнія,—и она утверждала, что „барышня-
сирота“ только защитника и покровителя въ ба-
ринѣ искала и нашла да навѣрное и барыни
дождется и, у той найдетъ защиту, ласку и
какую нибудь помощь своему сиротству.

И старуха полюбила Людмилу, какъ полюби-
ла ее и вся дворня; Глаша такъ прямо „безъ
ума“ отъ нея была и чуть глаза не выпарапа-
ла зубастой бабенкѣ судомойкѣ, которая взду-
мала было въ кухнѣ пройтись на счетъ отно-
шеній барина къ гостѣ.

Прошло такимъ образомъ около двухъ недѣль.
Состояли нежаркіе лѣтніе дни. Арсakovъ къ обѣ-
ду вернулся изъ села Бочагова, расположеннаго

отъ „топольковъ“ верстахъ въ двѣнадцати; онъ ѣзпилъ туда къ священнику отцу Андрею Братолюбову, настоятелю сельской церкви, которая была приходомъ „Топольковъ“.

Это былъ челоѣкъ лѣтъ сорока пяти, но казавшійся старше, средняго роста, худощавый, съ очень загорѣлымъ лицомъ, съ множествомъ мелкихъ и глубокихъ морщинъ, съ рѣдкими темно-русыми волосами, съ небольшою, словно выпѣтшею и выгорѣвшею, какъ у пелевенскихъ мужиковъ, бородкою, немного сутуловатый, медлительный въ движеніяхъ и, какъ будто бы, застѣнчивый и неловкій, и недалекій, но съ такими прекрасными глазами, полными глубокой вѣры и любви и огромной душевной силы, что по одному взгляду этихъ глазъ каждый видѣлъ, что обладатель ихъ можетъ быть и самымъ надежнымъ другомъ, и умнымъ совѣтникомъ, и челоѣкомъ, способнымъ вынести на своихъ неширокихъ плечахъ, какъ всякое горе, посланное Богомъ, такъ и cadaго, впавшаго „въ бѣды и напасти“.

Вотъ отъ этого-то отца Андрея и вернулся однажды Арсаковъ къ обѣду, въ нежаркій сѣренскій денекъ когда дождя нѣтъ и когда его не ждуть, но когда нѣтъ и солнца, а только бѣлесоватый свѣтъ лежитъ на всемъ, придавая предметамъ легкіе и мягкіе тона; и воздухъ въ такіе дни бываетъ легкій и мягкій, и на душѣ становится легко и мягко, — это славные дни русскаго лѣта.

Столъ былъ накрытъ, и закуска стояла уже на немъ, закрытая проболочными колпаками отъ мухъ.

— Барышня въ саду книжку читаютъ, батюшка, — отвѣтила Максимовна. — Я кликну ихъ сейчасъ.

— Кликни, старушка, кликни и обѣдать давайте, скорѣй, — я голоденъ, какъ волкъ...

— Ишь ты!.. Что-жъ это тебя, голубчика, не накормили у попа-то?.. Онъ, кажись, хлѣбосоль такой...

Арсаковъ остановился.

— Отецъ Андрей-то? — задумчиво вымолвилъ онъ. — Да, онъ радушный, гостепріимный, но чѣмъ ему угощать-то?.. Чай подали, молоко, меду отъ своихъ пчелъ принесъ батюшка, матушка хотѣла яичницу дѣлать, да я отказался... Бѣденъ онъ очень, нашъ батюшка, старуха... А?...

— Небогатъ, сударь... Приходъ нашъ хотя и великъ, а доходы плохіе, да и не умѣетъ отецъ Андрей съ мужиковъ брать, совѣстливъ больно, жалѣетъ всѣхъ, а нашъ мужикъ и радъ, самъ-то не больно догадается попа ублажить да утѣшить...

Арсаковъ забылъ, что велѣлъ принести умыться и что мальчикъ ждалъ его съ кувшиномъ ключевой воды; забылъ и стоялъ, барабани пальцами по косяку двери.

— Какъ-то наша нѣжная, хрупкая, деликатная гостья тамъ кушать будетъ...—проговорилъ онъ.

— Какая, батюшка, гостья?

— Людмила Васильевна...

Старуха съ удивленіемъ взглянула на него.

— Она развѣ гостить туда поѣдетъ, сударь?

— Не гостить, а жить... Она будетъ учительницею дочки отца Андрея, гувернанткою, и завтра уѣзжаетъ...

— Ишь ты дѣло какое!..

Старуха пытливо посмотрѣла на барина.

— Что-жъ, барыня наша, что-ль, пріѣзжаетъ?—спросила она, слегка понижая голосъ.

Арсаковъ усмѣхнулся и прищурился на ключницу.

— Нѣтъ, старуха, барыня, должно быть, не скоро еще пріѣдетъ, да и не помѣшала бы ей

Людмила Васильевна, а уѣзжаетъ она потому, что проживать ей у молодого и одинокаго...

Арсаковъ засмѣялся и положилъ руки на плечи старухи.

— Проживать ей у молодого, одинокаго и красиваго барина неловко, „зазорно“! — договорилъ онъ. — Разныя старушенціи, которыя сплетни любятъ, ославятъ ее и оконфузятъ... Вѣрно, бабка?..

— Не такая она, чтобы дурно говорить про нее, — угрюмо и сурово отвѣтила Максимова, негодуя на себя за недавнія подозрѣнія. — Да и ты, сударь, вижу я, не такой...

— Ха-ха-ха?.. По-другому стала думать?..

— По-другому.

— Ну, и отлично, а теперь обѣдать!..

Арсаковъ опять повеселѣлъ, умылся студеною водою, переодѣлся и вышелъ въ столовую, свѣжій, довольный и веселый.

Людмила ждала уже его тамъ.

— Были у отца Андрея? — спросила она, подавая ему руку.

— Былъ..

— И что же?

— Завтра я самъ отвезу васъ къ нему въ качествѣ учительницы его дочки...

Людмила крѣпко пожала его руку.

— Спасибо вамъ... милый!..

— А не жаль вамъ бросить этотъ домъ и вашего друга?

— Да вѣдь другъ будетъ отъ меня близко, а въ его милый домъ дорога мнѣ не заказана!..

И они сѣли за столъ.

XXII.

На другое утро Людмила уѣхала.

Арсакову стало грустно и скучно безъ своей гостыи, и онъ утѣшался только тѣмъ, что вель

себя съ нею настоящимъ рыцаремъ, высокоблагороднымъ человекомъ.

„Хотя бы кто нибудь пріѣхалъ, хотя бы кто нибудь!—думалъ онъ, смотря въ туманную, сѣрую даль.

Точно въ отвѣтъ на это желаніе, по дорогѣ, которая шла влѣво отъ него за рощею, сперва глухо и далеко, а потомъ все ближе и ближе зазвенѣли „бубенцы“ и загремѣли колеса.

Арсakovъ чутко прислушался.

— Баринъ, баринъ!—раздался черезъ нѣсколько минутъ пронзительно-звонкій голосъ Глаши.—Баринъ, игдѣ вы?.. Ау-у!.. Баринъ, баринъ!..

Арсakovъ, не отвѣчая на призывъ, пошелъ на голосъ Глаши и столкнулся съ нею въ тополевой аллеѣ.

— Кто это?—спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Барыня!.. Барыня пріѣхали!..

Глашка запыхалась, и лицо у нея было взволнованное и глупое.

— Какая барыня?..

— Наша... наша... наша барыня, сама Юлія Павловна!.. Со станціи на извозчикѣ, Яковъ Парменовъ привезъ!..

Арсakovъ бѣгомъ бросился къ дому, прыгая черезъ куртины, черезъ грядки и безжалостно ступая на цвѣты.

У крыльца стоялъ оборванный тарантасикъ, запряженный парю лохматыхъ деревенскихъ лошадей.

Мужикъ-извозчикъ снималъ съ заднихъ дрогъ большой дорожный сундукъ, въ тарантасѣ, въ ногахъ и въ мѣшкѣ откинутаго верха, лежали картоны, саки, узелки, подушки съ пледомъ, затянутыя ремнями. Тутъ, суетились всѣ проживающіе при домѣ мужики, бабы, мальчишки и дѣвченки; отъ флигеля бѣжалъ, застегивая на ходу пуговицы сюртука, огромный Лунаріевъ, тяжело ступая неуклюжими сапогами.

Арсаковъ вбѣжалъ на крылцо.

— Гдѣ? — спросилъ онъ, задыхаясь, у догоняющей его Глашки.

— Здѣсь,—раздался милый знакомый голосъ и на порогъ зала показалась Юлія Павловна въ дорожномъ туалетѣ, въ шляпѣ; запахъ ея любимыхъ духовъ Арсаковъ ощутилъ не видя еще ее.

Максимовна, хлопая себя руками, какъ взволнованная курица крыльями, суежилась вокругъ барыни и что-то причитала, веселая, радостная.

— Здѣсь!..

Юлія Павловна приняла въ свои объятія мужа.

— Не ждалъ?.. Ха-ха!.. Нарочно не телеграфировала, чтобы сюрпризъ тебѣ сдѣлать... Милый, хорошій, какъ я рада, какъ я счастлива!..

Юлія Павловна отстранила отъ себя мужа, держа руки на его плечахъ.

— Дай же мнѣ хорошенько посмотрѣть на тебя, полюбоваться,—сказала она, откидывая нѣсколько голову. — Загорѣлъ, возмужалъ и... и еще лучше сталъ!.. А я?..

Арсаковъ, не стѣсняясь входящими въ комнаты людьми, не замѣчая ихъ, смотрѣлъ на жену, цѣлуя ея лицо и руки безчисленное число разъ.

— Похудѣла... Устала, дорогая?.. Измучилась и тамъ, и дорогою... Что дядя?.. Умеръ должно быть?..

— Живъ...

„Наслѣдства скоро не будетъ, даромъ она мучилась тамъ, а я скучалъ“, — подумалъ Арсаковъ.

— Живъ и уѣхалъ за границу, въ Каннъ... Я хотѣла сопровождать его, но онъ не согласился ни за что и взялъ хорошаго фельдшера и „сестру“. Онь очень скоро умретъ тамъ,—это и доктора сказали, и онъ самъ знаетъ... А ты скучалъ безъ меня?..

— Ужасно!.. Но что же мы стоимъ тутъ, однако? Старуха, Максимовна, что же вы, милая?.. Чаю скорѣй, кушать барынѣ, сливокъ, ягодъ!..

— Охъ, сейчасъ, батюшка, сейчасъ... Очумѣла я, дура, отъ радости, одурѣла... Глашка, Васютка, что вы рты-то разинули, негодные?.. Самоваръ живо!.. Гдѣ поваръ-то?.. Да вы всѣ съ ума спятили отъ радости, что барыня пріѣхала, и забыли, что ей, матушкѣ нашей, чайку съ дороги хочется, покушать желательно... Сичасъ, матушка ты наша, сичасъ!..

Арсаковъ, обнявъ жену за талію и любуясь ею, съ улыбкою на лицѣ и весь сіяя, повелъ ее въ залу.

Имъ загородилъ дорогу Лунаріевъ: лицо у него было торжественное, какъ у именинника, пришедшаго изъ церкви и принимающаго поздравленія и подарки.

— Дозвольте представиться, сударыня, и ручку поцѣловать, — сказалъ онъ. — Осѣѣтила - таки насъ, пріѣхали... Голубушка наша!..

Онъ наклонился съ высоты своего огромнаго роста, взялъ ручку Юліи Павловны въ свою гигантскую руку и поцѣловалъ; слеза упала на мизинецъ барыни и засверкала рядомъ съ сверкающимъ тутъ брилліантикомъ.

— Здравствуй, милый, — отвѣтила Юлія Павловна, очень тронутая искреннею радостью стараго слуги, преданнаго еще ея отцу и много разъ доказавшаго свою преданность и любовь. — Вы здоровы?.. Я вамъ подарокъ привезла...

— Матушка!.. Наилучшій и наидрагоцѣннѣйшій подарокъ для насъ вы сами... На клячахъ-то зачѣмъ изволили пріѣхать?.. Мы бы за вами тройку выслали, я самъ за кучера бы сталъ, а кони у насъ новые, превеликолѣпные...

— Поѣздимъ еще на нихъ, а сегодня я хотѣла сюрпризомъ пріѣхать, — съ улыбкою отвѣ-

тила Юлія Павловна и постояла минуту, чтобы не обидѣть старика

Онъ догадался самъ, что лишній тутъ, что не до него теперь, и, поцѣловавъ еще разъ руку барыни, отошелъ.

— Вы!—крикнулъ онъ въ прихожую дворнѣ.— Легче, осторожнѣе съ барскими вещами!.. Медвѣди, лѣшіе!.. Самъ я все перенесу, убирайтесь!..

Юлія Павловна сбросила шляпу, пальто и осталась въ сѣромъ дорожномъ платьѣ, которое очень шло къ ней.

Она дѣйствительна немного похудѣла въ лицѣ и въ станѣ, но это не портило ее, не сдѣлало ея стана угловатымъ, и онъ былъ еще стройнѣе, изящнѣе и нѣжнѣе.

Она показалась Арсакову красавицею; образъ Людмилы поблѣднѣлъ, а при воспоминаніяхъ о Вѣрѣ Гавриловнѣ Арсаковъ поморщился и чуть-чуть покраснѣлъ...

Юлія Павловна, сидя съ нимъ рядомъ, держала его руки и смотрѣла на него...

— Скучаль, милый?.. Ждалъ меня?..

— Ахъ, ужасно скучаль и ждалъ, Юлія!.. Сегодня я чуть не запыль отъ скуки и одиночества.

— А „романы“?..

Юлія Павловна улыбалась ласково и весело, но маленькій огонекъ бѣгалъ въ ея глазахъ.

Мужъ писалъ ей и о Гнуздовыхъ, и о Людмилѣ, и о томъ, что дѣвушка пріѣхала къ нему,—только о Болтовѣ не писалъ онъ,—писалъ, что у него „романъ съ купчихою“, но „не дописывалъ“, такъ сказать, и Юлія Павловна понимала это, чувствовала и не могла этого одобрять.

Она только шутя „выговаривала“ ему въ письмахъ и собиралась серьезно поговорить при

свиданіи, но, конечно, не теперь, не въ первый минуты...

— А „романы?“—повторила она.—Ты не долженъ былъ скучать съ ними...

— Ну, ихъ!..

— Это было „такъ“?.. Гдѣ же эта дѣвушка, гувернантка, которую выгнали на улицу?..

— Я тебѣ все расскажу, все... Ахъ, Юлія, милліонъ всякихъ событій, но надо сперва образумиться, придти въ себя... Я такъ радъ, что ты пріѣхала, такъ радъ, а говорить не знаю о чемъ!.. Но ты дѣйствительно, должно быть, голодна?..

— Я хочу чаю... Пока намъ готовятъ его, пойдемъ смотрѣть домъ, садъ, мои милые тополя... Ты полюбилъ ихъ?.. Неправда ли, они великолѣпны и удивительно милы?..

— Да!..

Они взялись за руки и, какъ дѣти, побѣжали черезъ залъ на террасу въ садъ...

XXIII.

Вѣра Гавриловна оправилась отъ болѣзни и окончательно рѣшила поѣхать къ Арсакову

— Ну, что-жъ, съѣзди, — сказалъ Петръ Максимовичъ.

„Ага, добилась-таки своего!“—съ торжествомъ подумала Вѣра Гавриловна.

— Да, милый, непременно надо съѣздить.— ровнымъ тономъ проговорила она.—Мы покажемъ этому барину, что стоимъ выше всякихъ предразсудковъ, а главное,—я сумѣю доказать ему что была принуждена отказать дѣвчѣнкѣ отъ дома и что скандалъ устроила она, а не я...

Вѣра Гавриловна, элегантная, одѣтая съ особеннымъ стараніемъ, изящная сегодня болѣе,

чѣмъ когда либо, вошла въ кабинетъ мужа проститься.

Коляска четверкою стояла уже у подъѣзда, и ливрейный лакей, великолѣпный и величавый своимъ лакейскимъ величіемъ, дожидался барыни, положивъ руку въ бѣлой перчаткѣ на дверцу коляски.

— До свиданія, мой милый!—весело проговорила Вѣра Гавриловна, входя въ кабинетъ.

И вдругъ Петръ Максимовичъ „перерѣшилъ“... „Перерѣшилъ“ въ одинъ мигъ, въ одно мгновение... Быть можетъ потому, что жена была въ эту минуту красива, онъ особенно возненавидѣлъ „соперника“.

Проснулся русскій мужикъ со всѣми его достоинствами и со всѣми недостатками.

— Куда?—какимъ-то упавшимъ голосомъ спросилъ Петръ Максимовичъ.

Вѣра Гавриловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Что ты говоришь, мой милый? Какъ куда?.. Къ Арсакову...

— Вздоръ!..

— Что такое?..

— Вздоръ, ты не поѣдешь!.

— Да вы съ ума сошли, Петръ Максимовичъ!..

Она думала, что предъ нею стоитъ коммерсантъ и фабрикантъ двадцатаго вѣка Петръ Максимовичъ Гнуздевъ, кандидатъ коммерціи совѣтника, а предъ нею стоялъ отдаленный предокъ этого коммерсанта, какой нибудь „посадскій сынъ“ „Васька“ или „Сашка“, родоначальникъ коммерсантовъ Гнуздовыхъ, торговавшій въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Гостиномъ дворѣ „конскимъ товаромъ“, запиравшій свою лавочку „нѣмецкимъ замкомъ со пружиною“ да этимъ же замкомъ запиравшій и свою жену „за дубову дверь, за желѣзную, чтобъ она, жена невѣрная, его имя честнаго не порочила“..

Когда Вѣра Гавриловна взглянула попристальнѣе въ глаза мужа, она поняла, что обычнымъ тономъ говорить съ нимъ теперь нельзя.

Злоба овладѣла Петромъ Максимовичемъ, онъ задышался отъ бѣшенства.

— Къ любовнику въ гости собралась?—захрипѣлъ онъ, хватая жену за руку и заглядывая ей въ глаза загорѣвшимся взоромъ. — нарядилась, расфрантилась и чуть было не упорхнула!.. А я было и отпустилъ, совсѣмъ было отпустилъ, точно одурманила меня наглая баба!..

Онъ рванулъ жену за руку и съ силою отбросилъ на стулъ.

— Лгала, измѣняла, и теперь открыто къ этому франту проклятому тому собралась, думала, что мужъ до конца слѣпымъ останется, что совсѣмъ онъ въ тряпку обратился!..

— Ты,.. ты говоришь, Петръ? — прошептала сильно растерявшаяся, близкая къ обмороку женщина.—Опомнись, приди въ себя...

— Я уже опомнился, я уже прозрѣлъ!—крикнулъ Гнуздевъ все болѣе и болѣе выходя изъ себя. — Довольно былъ я слѣпымъ и глухимъ!.. Сиди, сиди, съ мѣста я тебя не пущу!.. Онъ: любовникъ, пождетъ жену мою любезную, да и самъ сюда пожалуетъ... Вотъ тутъ-то мы его... Ребра переломаемъ, живымъ не выпустимъ, проучимъ на всю жизнь, да и съ тобой, голу-бушка, сосчитаюсь... Ты думаешь, что я интеллигентный коммерсантъ, аристократъ, и по сему долженъ быть гуманенъ и снисходителенъ, долженъ все терпѣть и все позволять?.. Вотъ ты увидишь, кто я такой!.. Будь я приказчикомъ, лавочникомъ, ломовымъ извозчикомъ, такъ у меня жена не шалила бы съ адвокатами!.. Но я и теперь сумѣю усмирить тебя!.. Подъ замокъ, ни шагу изъ дома!.. А дочку... дочку я отъ такой матери удалю, въ Рязань отправлю, къ теткѣ...

Вѣра Гавриловна истерически зарыдала.

Она хотѣла что-то сказать, хотѣла подойти къ подзеркальному столику, гдѣ стоялъ графинъ съ водою, но пошатнулась, схватилась за стулъ, вскрикнула пронзительнымъ голосомъ и упала на полъ.

Горничныя, давно толпившіяся въ дверяхъ, услышали теперь паденіе тѣла и крикъ барыни и воѣжали въ комнаты.

— Батюшки, что же это такое?.. Померла барыня-то!—воскликнула одна изъ нихъ.

Петръ Максимовичъ схватился за голову и безсильно опустился въ кресло.

Вѣру Гавриловну подняли и стали приводить въ чувство.

XXIV.

Супруги Гнузевы пережили нѣсколько очень тяжелыхъ дней.

Вѣра Гавриловна плакала, не осушая глазъ, падала въ обморокъ, не выходила изъ своей комнаты и никогда къ себѣ не допускала, Петръ Максимовичъ былъ мрачнѣе тучи.

Онъ рѣшилъ уже, что съ женою кончено все, хотѣлъ начать дѣло о разводѣ и только мысль о дочери волновала его, не давала придти къ окончательному рѣшенію.

Объ Арсаковѣ онъ думалъ съ бѣшеной злобой.

Ему хотѣлось уничтожить соперника, стереть его съ лица земли, онъ мечталъ о томъ, чтобы подослать къ Арсакову какихънибудь подкупленныхъ бродягъ и покончить съ врагомъ навсегда.

Дни шли за днями и гнѣвъ ревнующаго мужа сталъ утихать.

Вѣдь въ сущности говоря у него не было никакихъ неопровержимыхъ доказательствъ тому,

что жена ему изменила, что Арсаковъ его алѣйшій врагъ, нарушившій счастье его семейнаго очага.

Что дало почву его ревности?..

Кокетство жены съ Арсаковымъ, ея ненависть къ Людмилѣ, которую она, очевидно ревновала, изгнаніе этой дѣвушки и, наконецъ, насмѣшливые улыбочки сосѣдей, нескромные словечки дворни, которыя иногда долетали до его ушей.

Что, если онъ ошибается, что онъ напрасно отравляетъ свою жизнь?..

А если даже и въ самомъ дѣлѣ жена увлеклась красивымъ и ловкимъ сосѣдомъ, такъ стоитъ ли все-таки разбивать изъ-за этого свою жизнь, губить ни въ чемъ неповинную дочь, лишая ее матери?..

Развѣ мало у Петра Максимовича пріятелей, жены которыхъ увлекались и изменяли мужьямъ?..

Онъ сталъ вспоминать исторіи, которыя ему рассказывали о вѣтренныхъ дамахъ и ихъ увлеченіяхъ красивыми артистами, писателями и адвокатами, а иной разъ просто какимъ нибудь крымскимъ проводникомъ или цыганомъ изъ хора.

Увлеченіе иной разъ носило очень скандальный характеръ, о немъ узнавали рѣшительно всѣ, а о романѣ Вѣры Гавриловнѣ подозрѣваютъ очень немногіе.

Вѣдь и самъ онъ, Петръ Максимовичъ, сильно любя жену, не прочь былъ иной разъ провести время съ какой нибудь пѣвичкой, бросить на нее нѣсколько тысячъ.

Правда, онъ мужчина, ему простибельнѣй, но и онъ можетъ простить жену въ концѣ концовъ.

Онъ проститъ жену, она раскается и все пойдетъ по-прежнему, быть можетъ, даже лучше

прежняго, если жена рѣшитъ загладить свою вину, перестанетъ кокетничать и флиртовать.

Такъ думалъ Петръ Максимовичъ, прохаживаясь великолѣпнымъ лѣтнимъ утромъ въ аллеяхъ своего наряднаго сада и на душѣ у него становилось все спокойнѣе и спокойнѣе.

— Вишь, какъ хорошо! — вслухъ подумалъ онъ. — И все это мое, и много еще радостей могу ждать я отъ жизни, такъ стоитъ ли портить эту жизнь мрачными подозрѣніями?..

Не стоитъ!..

Онъ вздохнулъ полной грудью и пошелъ въ домъ.

На этотъ разъ Вѣра Гавриловна вышла на террасу и ждала мужа, сильно волнуясь.

Она не знала, чего ей ждать отъ него, не знала, что у него на умѣ.

Онъ пристально взглянулъ ей въ лицо, замѣтилъ, что она очень осунулась и поблѣдѣла, замѣтилъ слѣды слезъ на ея красивыхъ глазахъ.

„Она раскаивается и, навѣрно, хочетъ загладить свою вину“, — подумалъ онъ.

— Намъ надо поговорить, Вѣрочка, — спокойно и сдержанно началъ онъ — по секрету надо поговорить... Пойдемъ-ка въ твой будуаръ, тамъ намъ никто не помѣшаетъ ..

Вѣра Гавриловна молча поднялась и пошла съ мужемъ въ комнаты.

Она съ страшнымъ волненіемъ ждала начала объясненія.

XXV.

Арсакковы сидѣли на террасѣ за утреннимъ кофе, когда кучеръ подаль Павлу Дмитриевичу почту.

Среди журналовъ, газетъ, различныхъ хозяйственныхъ брошюръ, было письмо въ продолго-

ватомъ узкомъ конвертѣ съ декадентскими узорами и цвѣтами зеленовато-мутнаго цвѣта.

Арсакъ прочелъ адресъ и подалъ письмо женѣ.

— Это тебѣ.

Юлія Павловна довольно поспѣшно взяла письмо, разорвала конвертъ и углубилась въ чтеніе.

Мужъ, просматривая какой-то журналъ, украдкою наблюдалъ за нею и видѣлъ по ея оживленному лицу, по скользящей улыбкѣ, что письмо молодую женщину интересуеъ.

— Отъ кого? — спросилъ онъ съ ноткою ревности.

— Это отъ Арсенія Лбовскаго, — отвѣтила Юлія Павловна, уловивъ нотку ревности мужа и догольная тѣмъ, что возбуждаетъ ревность — увы, всѣ жены любятъ возбуждать ревность мужей!..

— Отъ Арсенія Лбовскаго? — переспросилъ Арсакъ. — Это отъ этого писателя-беллетриста Арсенія Лбовскаго?..

— Да, отъ этого самаго...

— Ты развѣ съ нимъ знакома?..

— И очень даже!.. Когда я жила въ Петроградѣ, я часто бывала у Вари Осокиной — на ея „средахъ“ каждый разъ бывалъ Лбовскій, чаруя общество своимъ умомъ, остроуміемъ, а иногда и чтеніемъ своихъ маленькихъ рассказовъ и новеллъ...

— А онъ развѣ уменъ и остроуменъ?..

— Ахъ, очень!..

— Ну, изъ его произведеній этого не видно... Это, по-моему, дутая знаменитость, разбухшая отъ дружескихъ похвалъ пріятельской критики, да вотъ еще такихъ психопатокъ — поклонницъ, какъ она, твоя Варя Осокина... Новеллы его страшно подражательны, причемъ онъ подражаетъ рѣшительно всѣмъ новѣйшимъ писателямъ

и поэтамъ, а рассказы — сплошная порнографія и даже довольно грубая порнографія!.. Я его терпѣть не могу...

Юлія Павловна слегка улыбнулась, повела плечами и продолжала читать довольно длинное письмо.

— Поль,—начала она,—если ты его дѣйствительно не любишь, то тебѣ грозить... грозить большая непріятность!..

Мужъ вопросительно взглянулъ на нее.

— Онъ извѣщаетъ меня, что на этихъ дняхъ, проѣзжая по нашей дорогѣ въ имѣніе къ своему дядѣ, заѣдетъ къ намъ и... пробудетъ нѣсколько дней, можетъ даже — цѣлый мѣсяцъ... Я, видишь ли, Поль, не думала, что этотъ писатель тебѣ непріятенъ, думая даже, что онъ доставитъ тебѣ удовольствіе, какъ гость очень интересный, довольно, быть можетъ, легкомысленно пригласила его къ намъ погостить часть лѣта, онъ обѣщалъ и вотъ теперь хочетъ исполнить это обѣщаніе...

Юлія Павловна, какъ провинившійся ребенокъ, молитвенно скрестила на груди руки и проговорила:

— Прости, мой милый, но намъ придется принять его, придется оказать ему гостепріимство и даже нѣсколько стѣснить себя: онъ вѣдь писатель какъ бы ни было большой писатель, онъ привыкъ работать съ удобствами, съ комфортомъ и ему придется уступить твой кабинетъ...

Арсакъ швырнулъ на столъ книжку журнала.

— Ну, нѣтъ, моя милая, этого не будетъ! — съ раздраженіемъ, почти грубо возразилъ онъ. — Ужъ если „отъ судьбы не уйдешь“ и если на мою долю выпало несчастье видѣть предъ собою въ теченіи цѣлаго мѣсяца довольно таки отвратительную физіономію этого господина,

такъ я, волей-неволей, долженъ покориться, но еще уступить ему кабинетъ, къ которому я привыкъ, который я люблю—слуга покорный, ни за что!.. Пусть живетъ въ саду во флигелѣ или займетъ двѣ комнаты антресолей, а ни кабинета, ни какой либо иной комнаты бельэтажа я ему ни за что не уступлю...

На этотъ разъ Юлія Павловна не стала спорить съ мужемъ, ни на чемъ не настаивая, но твердо рѣшила, что отвокаетъ для гостя кабинетъ и будетъ торжественно праздновать побѣду.

Арсеній Лбовскій не очень нравился ей какъ писатель, а слишкомъ выложенную, всегда напудренную и даже, кажется, подрумяненную физиономію его она считала пошловатою, но тѣмъ не менѣе въ Петроградѣ у нихъ было что-то вродѣ флирта, что представляло изъ себя своего рода пикантность, ибо флиртъ съ моднымъ популярнымъ писателемъ выпадаетъ на долю немногихъ.

Юлія Павловна съ удовольствіемъ ждала пріѣзда Лбовскаго, почему-то не предупредивъ его пріѣздъ мужа, теперь же, замѣтивъ, что мужъ начинаетъ ее ревновать и узнавъ про всѣ любовныя похищенія мужа въ ея отсутствіе, узнавъ про его побѣды и разнообразный флиртъ, она была рада особенно давъ себѣ слово отомстить мужу за все и своимъ отчаяннымъ кокетствомъ съ писателемъ довести легкомысленнаго и измѣняющаго ей супруга „до бѣлаго каленія“.

Она радовалась, ликовала, торжествовала, и свое настроеніе не скрывала отъ мужа. Арсакъ же злился и часто велъ себя почти безтактно.

Въ прелестное іюльское утро къ самому завтраку экипажъ Арсаковыхъ привезъ со станціи желѣзной дороги господина Лбовскаго.

Онъ вышелъ изъ экипажа, оставивъ на сидѣньи щегольской, но довольно тощій чемоданъ, и направился къ террасѣ, имѣя видъ довольно таки убогій и жалкій: онъ былъ въ щегольскомъ пиджачкѣ поверхъ цвѣтной, съ огромными отложными воротничками и широкимъ поясомъ, рубахѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлыхъ туфляхъ, надѣтыхъ на лиловые носки и въ бѣлой шляпѣ. Этотъ костюмъ былъ довольно элегантенъ, но страшная деревенская пыль, которая въ іюлѣ въ деревняхъ на проселочныхъ дорогахъ послѣ долгаго отсутствія дождей принимаетъ чудовищныя размѣры, придавала бѣлымъ панталонамъ, щегольскому черному пиджачку, бѣлой шляпѣ, бѣлымъ туфлямъ, а въ особенности напудренной фizioноміи писателя совершенно невозможный видъ!..

Панталоны стали какого-то неопредѣленно-коричнеаго цвѣта, равно, какъ шляпа, а по вспотѣвшему отъ жгучихъ лучей солнца напудренному лицу писателя текли грязные потоки, дѣлая это лицо похожимъ на татуированное.

Обвисли завитые щипчиками усы, гладко причесанные волосы прилѣпились къ лбу и вискамъ и висѣли жалкими мокрыми сосульками.

— Боже, какъ васъ запылило, Арсеній Николаевичъ!—воскликнула Юлія Павловна, всплеснувъ руками и едва удерживаясь, чтобы не захохотать, при видѣ курьезнаго вида франтоваго гостя.

— Ахъ, ужасно!—съ тоскою воскликнулъ писатель. — Тутъ у васъ какая-то Сахара, я думалъ, что меня совсѣмъ засыплетъ песками, а когда, подѣвжая въ вашему имѣнію, я хотѣлъ поправиться передъ дорожнымъ зеркаломъ, такъ пришелъ въ ужасъ при видѣ своей фizioноміи, честное слово, хотѣлъ вернуться назадъ...

Къ нему прикомандировали мальчику, горничную, они повели его во флигель, вычистили,

вымыли, онъ сидѣлъ болѣе часа за туалетомъ и вышелъ къ завтраку снова вытощенный, блистающій, испускающій аромат тонкихъ духовъ и щегольски одѣтый въ сѣреный лѣтній костюмъ, который къ счастью нашелся у него въ чемоданѣ.

И вотъ съ этого же дня начался у Юліи Павловны съ гостемъ флиртъ.

Мужъ ревновалъ, выходилъ изъ себя, съ трудомъ сдерживался отъ какой нибудь грубой выходки противъ гостя, старался избѣгать его, а Юлія Павловна флиртowała все больше и больше, но увы, кончилось это совсѣмъ не такъ какъ думала и какъ хотѣла молодая легкомысленная женщина!..

Однажды она сидѣла съ Лбовскимъ на берегу рѣчки, любуясь великолѣпнымъ закатомъ.

Кругомъ пахло недавно скошеннымъ сѣномъ, лили сладостный ароматъ, поодно зацвѣтшія въ томъ году, липы, воздухъ ласкалъ и нѣжилъ, молодая женщина въ этотъ восхитительный вечеръ была особенно интересна и пикантна и привыкшій къ легкимъ побѣламъ писатель, поощряемый все это время Юліей Павловной, смѣло и рѣшительно повелъ атаку, но, увы, слишкомъ круто повернулъ!..

Онъ вплотную подвинулся къ Юліи Павловнѣ, пахнулъ ей въ щеку жаркимъ дыханіемъ, и ея душистые, шелковистые волосы щекотали его щеку.

— А вѣдь я люблю васъ, Юлія, безумно, страстно люблю и вы должны принадлежать мнѣ!—страстно прошепталъ Лбовскій, особенно страстно быть можетъ потому, что онъ за обѣдомъ выпилъ одинъ бутылку Понте-Канне.—Я знаю, что вы будете принадлежать мнѣ, знаю, что мы будемъ счастливы, хотя одинъ годъ, хотя одинъ день, хотя одинъ мигъ—не все ли это равно?.. Вѣдь да, вѣдь все равно?..

Онъ обиялъ ее и поцѣловалъ въ щеку.

Молодая женщина сильнымъ быстрымъ движеніемъ выскользнула изъ его объятій, отодвинулась и, какъ старинная героиня Пушкина, какъ деревенская барыня Наталья Павловна проучившая парижскаго щеголя графа Нулина, дала завававшемуся писателю пощечину.

Прежде чѣмъ несчастный писатель успѣлъ придти въ себя, Юлія Павловна исчезла, „какъ метеоръ, какъ сновидѣнье, какъ мимолетное явленіе!..“

Позднимъ вечеромъ этого дня Арсеній Николаевичъ Лбовскій, не вышедшій къ ужину „по случаю нездоровья“ получилъ отъ Юліи Павловны записочку, въ которой стояло всего лишь шесть словъ:

„Къ утреннему поѣзду вамъ будетъ подана ладья“.

И раннимъ утромъ писатель Лбовскій уѣхалъ.

Юлія Павловна сознавала, что она не очень таки хорошо „отомстила мужу“, но тѣмъ не мѣнѣе, она была довольна, что дала должный отпоръ наглому и самовлюбленному беллетристу, смотрящему на всѣхъ женщинъ, какъ на доступную ему легкую добычу.

На другое утро господинъ Лбовскій опять ѣхалъ по пыльной дорогѣ, подъ яркими лучами солнца.

Онъ злился на себя и все трогалъ рукою щеку, думая что она распухла немного, хотя этого, конечно, не было.

Онъ абылъ дивные уголки, гдѣ онъ гулялъ въ эти дни, забылъ превосходныя деревенскія вареники, сливки, ягоды и карасей въ сметанѣ и злился на себя за то, что поѣхалъ въ „этотъ медвѣжій уголокъ“.

„Дикая женщина“,—съ злостью думалъ онъ.— „Некультурная, первобытная какая-то, съ устарѣвшими понятіями... Она не поняла, ве оцѣ-

нила меня, не знаетъ, что нельзя одиѣ и тѣ же требованія предъявлять къ какому иибудь деревенскому медвѣдю и къ человѣку стоящему надъ толпой, къ „аристократу духа“, который стоитъ выше толпы... Ну, ихъ всѣхъ, слѣдуетъ забыть, какъ можно скорѣй это дурацкое приключеніе!..

Но долго не могъ забыть самоувѣренный беллетристъ суроваго, но заслуженнаго урока!..

XXVI.

Вѣра Гавриловна по первымъ звукамъ голоса мужа поняла, что объясненіе будетъ примирительнаго характера.

— Вѣра!—нѣсколько торжественнымъ тономъ заговорилъ Петръ Максимовичъ.—Вѣра, у насъ произошелъ очень непріятный инцидентъ... Я во время этого инцидента велъ себя, быть можетъ, неособенно корректно, но я не буду просить у тебя извиненія за мою некорректность, такъ какъ...

Петръ Максимовичъ остановился на секунду, давая этимъ понять, что слѣдующія за симъ слова ему выговорить нелегко.

— Я не буду просить у тебя извиненія за мою некорректность, такъ какъ она вызвана тобою...

— Мною?—спросила Вѣра Гавриловна.

— Да, несомнѣнно... Я прошу тебя не перебивать меня и дать мнѣ кончить... Я освѣдомился въ достаточной степени, что ты имѣла романъ съ господиномъ Арсаковымъ...

— Я тебя должна непременно перебить!—рѣшительно заявила Вѣра Гавриловна.—Откуда же ты знаешь это?.. Имѣешь ли ты доказательство этому?..

— Я увѣренъ въ этомъ!.. Если-бъ это дѣло

разбиралось въ судѣ, такъ тамъ, можетъ быть, ты и была бы оправдана за недостаткомъ уликъ, но вѣдь здѣсь не судъ, и ужъ позволю мнѣ руководствоваться своимъ личнымъ мнѣніемъ, своимъ убѣжденіемъ...

Вѣра Гавриловна пожала плечами.

Петръ Максимовичъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Ну, послушай, Вѣра,—заговорилъ онъ мягко и почти нѣжно,—ну, послушай и признайся, что романъ съ Арсаковымъ у васъ былъ!..

Вѣра Гавриловна отлично знала, что у мужа нѣтъ никакихъ доказательствъ, что онъ дѣйствуетъ именно только „по убѣженію“, рѣшила отойцать свою виновность, — вѣдь не было никакого расчета признаваться мужу, а отъ роли кающейся грѣшницы Вѣра Гавриловна была очень далека.

— Нѣтъ! — рѣзко воскликнула она и отняла руку.—Меня оклеветали. тебѣ приснилось, можетъ быть, что я измѣняю тебѣ, и ты сошелъ съ ума!.. У меня ничего не было съ Арсаковымъ, кромѣ дружескихъ отношеній, и я пострадала напрасно, я ни за что обижена и оскорблена тобою!..

Вѣра Гавриловна достала платокъ, закрылась имъ и заплакала.

Ораторъ растерялся.

Онъ думалъ, что жена, успокоенная его мирнымъ видомъ и обрадованная являемымъ великодушіемъ, склонить голову или даже красивымъ движеніемъ опустится предъ нимъ на колѣни и „безмолвно покается“, и вотъ тогда-то онъ скажетъ ей, что обдумалъ, нѣчто очень красивое, умное и великодушное...

Вышло совсѣмъ не то!..

Петръ Максимовичъ растерялся, и обрадовался.

Растерялся онъ потому, что рѣшительно не зналъ, что долженъ говорить теперь, обрадо-

вался же потому, что значить и не было ничего такого, что давало бы породѣ къ огорченію, что уязвляло бы самолюбіе...

Вѣра Гавриловна поняла, что поставила мужа въ неловкое, глупое положеніе, и торжествовала. Она принялась плакать все громче и громче, приближаясь къ тому предѣлу, послѣ котораго обыкновенный плачъ переходитъ въ истерику:

— Ну, полно, Вѣрочка, полно! — заговорилъ Петръ Максимовичъ. — Я вѣдь пришелъ къ тебѣ съ примиреніемъ... Ты не виновата, бѣдная Вѣра?..

— Ни въ чемъ!.. Вы вѣдь сами теперь убѣждены въ этомъ... Да?..

— То есть... то есть, теперь вотъ, послѣ этихъ словъ твоихъ, послѣ этихъ горькихъ и, конечно, искреннихъ слезъ...

— А когда вы выходили сюда, вы думали другое?

— Да, Вѣра...

— Зачѣмъ же вы собрались къ Арсакову?

— Чтобы положить конецъ разнымъ толкамъ и сплетнямъ...

— А вы... вы ничего не предпринимали до сихъ поръ противъ Арсакова?

— Рѣшительно ничего?..

— Вы... вы умнѣе, чѣмъ я думала и ожидала, — съ облегченіемъ проговорила Вѣра Гавриловна.

— То есть?..

— Да вѣдь послѣ той дикой сцены, которую вы устроили въ кабинетѣ, я могла ожидать всего...

— Вызова на дуэль, что ли?

— Ну, это ужъ очень по-гусарски, это не изъ вашего репертуара, а вотъ написать ему дикое письмо вы могли... Могли вы и драку устроить...

— Вѣра!..

— Да, да, могли, разъ вы устроили такую сцену мнѣ!.. У васъ мало силы и храбрости, чтобы броситься на Арсакова, но подкупить какого нибудь вы могли...

Петръ Максимовичъ покраснѣлъ.

— За кого ты считаешь меня, Вѣра?—какъ-то робко и стыдливо проговорилъ онъ.

— За Московскаго коммерсанта, Петръ Максимовичъ!..

Вѣра Гавриловна вытерла глаза, встала и подала мужу руку.

— Если у васъ хватило такта и сообразительности не предпринимать ничего противъ Арсакова и не выносить этой дикой исторіи изъ дома, я готова помириться и предать все забвенію,—сказала она.

Петръ Максимовичъ хотѣлъ взять протянутую руку, но Вѣра Гавриловна отняла ее.

— Постойте!—сказала она.—А вы вѣрите, что я права и что у меня ничего не было съ Арсковымъ?

— Вѣрю!..

— Ну, такъ помиримся и на вѣки забудемъ все!..

Супруги заключили другъ друга въ объятія.

XXVII.

Лѣто между тѣмъ быстро проходило. Давно сжали рожь, обмолотили ее, и принимались за овесъ, за рытье картофеля; сѣяли озимь.

Наступили холодные и сѣренькіе деньки, но на душѣ у пахаря стало и теплѣе, и свѣтлѣе.

Въ это время мужикъ дѣлается разговорчивѣе, веселѣе, и грядущая осень не только не навѣваетъ на него уныніе, какъ на горожанина, а напротивъ—радуетъ и бодритъ его, особливо,

если урожай Богъ послалъ хорошій и было все олагополучно.

Андрей Ильичъ Болтовъ, котораго мы давно оставили, занятые другими героями нашими, былъ настоящимъ деревенскимъ жителемъ, бросившимъ городъ навсегда. Въ другіе годы онъ если и грустилъ немного съ наступленіемъ осени, какъ бы оплакивая умчавшееся лѣто, то все же въ городъ не собирался и о городѣ не думалъ, но въ этомъ году тоскливо было ему все это время, а съ наступленіемъ осени онъ прямо-таки заскучалъ, и неудержимо потянуло его изъ его уголка, который онъ такъ любилъ и въ которомъ думалъ скоротать вѣкъ, не уѣзжая никогда и никуда...

Онъ пытался было „утопить въ волнахъ жгивительнаго труда“ свое горе, но, должно быть, это оказалось не подъ силу, и онъ засобирался въ путь.

Верховая лошадь была теперь соеѣмъ не нужна, и Болтовъ рѣшилъ продать ее.

Посылать съ предложеніемъ купить эту лошадь къ Гнуздовымъ, которые „выгнали“ Людмилу, онъ не хотѣлъ, хотя имъ продать коня было бы всего выгоднѣе:

Вдругъ онъ рѣшилъ предложить лошадь... Арсакову...

Почему не предложить?

Это ни къ чему не обязывало, это не могло компрометировать, это будетъ чисто дѣловой визитъ,—Болтовъ хотѣлъ непременно самъ поѣхать, — и Арсаковъ, конечно, купить лошадь. Онъ часто хвалилъ ее, бывало, любовался ею, и лошаdkъ будетъ хорошо у Арсакова.

И Болтовъ собрался къ Арсакову. Онъ самъ себя обманывалъ, увѣренный, что ѣдетъ продавать лошадь, тогда какъ ѣхалъ онъ только для того, чтобы хоть „глазкомъ взглянуть“ на Людмилу, узнать, какъ живетъ она, что съ нею,—

взглянуть хотя бы издали, „последній разъ“ и навѣки проститься, и навѣки забыть...

Вотъ и усадьба Арсакова.

Тополевая аллея была еще зелена, — тополя желтѣютъ позднѣе другихъ деревьевъ, — но березы пожелтѣли, а осина, молодые рябины и широколистые клены алѣли пурпуромъ и сверкали позолотою.

День былъ холодный, но ясный, солнечный.

Не доѣзжая съ полверсты до усадьбы, Болтовъ остановилъ лошадь на довольно высокомъ пригоркѣ и долго-долго смотрѣлъ на густыя тополевая аллеи сада, на ленту рѣки, на домъ, подъ крышею котораго живетъ та, которую онъ любилъ, любить и ради которой пріѣхалъ теперь сюда.

Вдругъ Болтову показалось все это глупымъ, смѣшнымъ, пошлымъ, недостойнымъ его... Онъ положилъ поводъ на шею лошади и хотѣлъ повернуть ее назадъ, но затѣмъ „отдалъ“ поводъ, тронулъ коня шенкелемъ и крупной рысью въѣхалъ во дворъ усадьбы...

Неудержимая сила влекла его, и онъ не могъ совладать съ этою силою; онъ врядъ ли признавалъ, хорошо то, что онъ дѣлаетъ.

Работникъ качалъ у колодца воду и поклонился пріѣхавшему „гостю“.

— Господинъ Арсаковъ дома?—спросилъ Болтовъ, останавливая коня.

— Никакъ нѣтъ...

— Въ Москвѣ?

— Никакъ нѣтъ... Они въ усадьбѣ, а только уѣхавши сейчасъ... Кататься уѣхали, съ супругою верхами уѣхали...

— Съ супругою?..

— Такъ точно...

„Это онъ Людмилу называетъ „супругою“ господина Арсакова!“—подумалъ Болтовъ.— „Это

хорошо еще, что господинъ Арсаковъ такъ поставилъ себя...”

— Они, надо полагать, скоро вернутся,—продолжалъ работникъ. — Я слышалъ, какъ Юлія Павловна, барыня, стало быть, наша, говорила ключницѣ, чтобы завтракъ былъ готовъ черезъ часъ... „Мы, говоритъ, часокъ поѣздимъ, не больше!“ Скоро теперь вернутся...

Бодровъ смотрѣлъ на работника во всѣ глаза.

— Юлія Павловна?—переспросилъ онъ.

— Такъ точно...

— Такъ зовутъ жену господина Арсакова?

— Да, Юлей Павловной зовутъ...

— А она... она развѣ здѣсь? То есть она... она пріѣхала?..

— Давненько ужъ пріѣхала...

— А гдѣ... гдѣ барышня?—съ большимъ усиліемъ спросилъ онъ.

— Барышня? — переспросилъ работникъ? — Да какая же это барышня? Барышни у насъ словно бы и нѣтъ...

— Учительница... Людмила Васильевна... гувернантка...

— А, это учительша-то! — догадался работникъ.—Она, стало быть, опять къ батюшкѣ къ нашему уѣхала, къ отцу Андрею...

— Къ отцу Андрею?..

— Да... Пригостила она у господъ порядочно и, должно быть, въ среду опять къ отцу Андрею уѣхала, — вѣдь она дочку отца Андрея-то обучаетъ и съ нею въ Москву поѣдетъ. Ну, такъ вотъ напоследкахъ-то матушка и пожелала, чтобы дочка дома побыла...

— И она здѣсь гостила, барышня эта, гувернантка?—спросилъ Болтовъ, охваченный сильнымъ волненіемъ.

— Я-жъ вамъ сказываю, что гостила...

У Болтова голова шла кругомъ.

Работникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него.

— Какъ же это такъ?.. — пробормоталъ Болтовъ, то снимая, то вновь надѣвая шляпу.

Болтовъ вздохнулъ и повернулъ лошадь, — ему теперь глупымъ и смѣшнымъ показался его прѣздъ въ „Топольки“.

— Не станете ждать? — спросилъ работникъ.

— Нѣтъ, не стану...

— Можетъ, прѣдете спустя немного, ежели не издалека?

— Да, можетъ быть...

— А господа-то и ѣдутъ! — вдругъ воскликнулъ работникъ.

Болтовъ дрогнулъ.

— Гдѣ? — спросилъ онъ.

— А вонъ съ горки спускаются...

Саженьяхъ въ пятидесяти отъ молодого береговаго лѣска, растущаго на высокомъ холмѣ, рысью ѣхали Арсаковъ и Юлія Павловна.

Не успѣлъ еще Болтовъ придти въ себя, какъ они въѣзжали уже на дворъ, и изъ конюшни бѣжалъ кучеръ принять лошадей.

Болтовъ на секунду скользнулъ взглядомъ по фигурѣ Арсакова и остановилъ глаза на его женѣ. Она показалась ему красавицею, и это почему-то очень обрадовало его.

Арсаковъ между тѣмъ остановилъ лошадь шагахъ въ двадцати отъ Болтова и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него.

Лошадь Юліи Павловны остановилась сама.

— Это Болтовъ, — тихо сообщилъ Арсаковъ женѣ.

— Болтовъ?..

— Да... этотъ господинъ, который влюбленъ въ Людмилу...

— А!.. Что же ему нужно?

— Понять не могу...

Болтовъ между тѣмъ совладалъ съ собою, сошелъ съ лошади, приподнялъ шляпу и, ведя лошадь въ поводу, пошелъ къ Арсакову.

Тотъ тоже соскочилъ на землю.

— У меня до васъ есть небольшое дѣло, господинъ Арсаковъ,—началь Болтовъ.

— Очень радъ... Что прикажете?... А впрочемъ, зачѣмъ же мы будемъ говорить на дворѣ?... Прошу васъ въ домъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ же?... Это все равно... Я пріѣхалъ къ вамъ предложить лошадь...

— Лошадь?..

— Да, вотъ эту лошадь... То есть, не хотите ли вы ее купить?... Я уѣзжаю, она мнѣ не нуж, на... Полагаю... думаю, что тутъ нѣтъ ничего... то есть, нѣтъ ничего неловкаго, неудобнаго... Вамъ она понравилась когда-то...

Арсаковъ сразу догадался, что продажа лошади — предлогъ, что Болтовъ совсѣмъ не за этимъ пріѣхалъ.

— Очень рады! — живо проговорилъ онъ. — Юлія, вотъ тебѣ хотѣлось степнячка-то,—смотри, какой чудный продается!..

— Продается?—спросила Юлія Павловна, подъѣзжая поближе къ разговаривающимъ.

— Да... Позвольте васъ познакомить... Это нашъ сосѣдъ господинъ Болтовъ... моя жена...

Юлія Павловна привѣтливо улыбулась и поклонилась Болтову, который неловко снялъ шляпу.

— Вы хотите продать свою лошадь?—спросила Юлія Павловна.

— Да... Я уѣзжаю, она не нужна мнѣ...

— Я не прочь, мосье Болтовъ, и мы, конечно, сойдемся въ цѣнѣ, а пока прошу васъ къ намъ въ домъ...

— Благодарю васъ, но... впрочемъ я съ удовольствіемъ... Только вотъ мой костюмъ...

— Ахъ, что за церемоніи въ деревнѣ!.. Павелъ, помоги мнѣ сойти...

Она сошла съ лошади и подала Болтову руку съ такимъ милымъ, непринужденнымъ и ра-

душнымъ видомъ, что тотъ сразу почувствовалъ себя совершенно свободно.

— Какая милая лошадка! — говорила между тѣмъ Юлія Павловна, лаская лошадь Болтова. — Это кабардинка?

— Черноморецъ...

— Она смиренная?

— Да, она очень смиренная, умна и тѣмъ не менѣе съ огнемъ...

— Вы, должно быть, очень ее любите?

— Да, мы друзья съ нею, она привязана ко мнѣ, какъ собака...

— И вы продаете?

— Я уѣзжаю...

— Да, если такъ, то конечно... Прошу васъ ко мнѣ въ домъ, мосье Болтовъ... Василій, возьмите всѣхъ лошадей... Ваша лошадь не горяча, и ей можно дать овса?

— Я ѣхалъ шагомъ...

Кучеръ взялъ лошадей, а Юлія Павловна опять ласково улыбнулась нечаянному гостю и показала ему пригласительнымъ жестомъ на домъ.

Арсаконъ пошелъ сзади, значительно улыбаясь, — онъ зналъ, зачѣмъ пріѣхалъ этотъ гость...

XXVIII.

Охватившая въ первый моментъ неловкость Болтова прошла, благодаря умѣнью Юліи Павловны обращаться съ людьми.

Она усердно потчевала гостя и попутно рассказывала ему о своихъ хозяйственныхъ планахъ на будущій годъ, спрашивала его о пчеловодствѣ и попросила позволенія осмотрѣть его пчелиное хозяйство, высказывая предположеніе устроить на будущій годъ образцовую пасѣку.

Завтракъ прошелъ очень весело. Кофе Болтовъ не пилъ, и Юлія Павловна приказала подать самоваръ.

— Я сама съ удовольствіемъ попыю съ вами чаю,—говорила она.—Это мой любимый напитокъ, но я, какъ чисто русская, люблю его пить „за компанію“, а мужъ мой небольшой „чайникъ“, да и не умѣетъ пить чай, какъ его надо пить...

Когда самоваръ былъ поданъ, Юлія Павловна выразительно взглянула на мужа.

— Поль,—сказала она,—ты отлично сдѣлаешь, если пойдешь посмотреть на уборку картофеля... Я не дамъ гостю скучать и постараюсь занять его...

Арсаконъ понялъ, что жена желаетъ поговорить съ гостемъ безъ него.

— Да. я пойду, и Андрей Ильичъ извинитъ меня...

— Пожалуйста!—поклонился тотъ.—Быть можетъ, вы скажете мнѣ насчетъ лошади, если думаете проходить долго?..

— О, нѣтъ, я недолго..

Арсаконъ взглянулъ на жену.

— Вѣроятно, Юлія Павловна не отпуститъ васъ безъ обѣда,—сказалъ онъ.

— Конечно, не отпущу!—подтвердила Юлія Павловна.—Какая же я была бы хозяйка-помѣщица, если бы отпустила сосѣда голоднымъ?..

Болтовъ поклонился.

— Я очень вамъ благодаренъ и тронутъ вашимъ гостепріимствомъ.—сказалъ онъ,—но только ужъ очень продолжителенъ мой первый да еще чисто дѣловой визитъ...

— Будемъ считать это не дѣловымъ визитомъ, а вашимъ пріѣздомъ къ намъ въ гости!—съ тою чарующею улыбкою, которая побѣждала всѣхъ, произнесла Юлія Павловна и протянула Болтову руку.

Тотъ не поцѣловалъ ея, а только дружески пожалъ и потомъ уже, спохватившись и сконфузившись, прикоснулся къ ней губами, краснѣя отъ своей неловкости.

— А лошадь вашу, если вы позволите, я возьму въ аренду, — обратился къ нему Арсакъ.

— Въ аренду?..

— Да... Вы такъ привыкли къ ней, такъ ее любите, что продавать вамъ ее, вѣроятно, жаль, есть мы и возьмемъ ее у васъ „на полный пансіонъ“ до вашего возвращенія... Не на вѣки же вы покидаете эти мѣста?..

— Да... вѣроятно...

— Мы поговоримъ объ этомъ потомъ...

Арсакъ вышелъ.

Когда его стройная, элегантная фигура мелькнула мимо оконъ, Юлія Павловна налила гостю стаканъ чаю, пододвинула къ нему ящикъ съ сигарами, спички и пересѣла на другое мѣсто. — на низенькое кресло неподалеку отъ стола, гдѣ она любила сидѣть, когда кончался завтракъ или обѣдъ.

— Теперь мы поболтаемъ, — сказала она.

Минутку оба помолчали.

— И знаете о чемъ? — спросила Юлія Павловна.

— О чемъ?

— О Людмилѣ Васильевнѣ...

Болтовъ дрогнулъ, какъ отъ электрическаго тока, Краска залила его симпатичное сильно загорѣлое лицо.

— Да, о Людмилѣ Васильевнѣ, — продолжала Юлія Павловна. — Я человѣкъ простой, Андрей Ильичъ, я люблю полную откровенность со всѣми, и мнѣ думается, что жить будетъ очень легко, если люди станутъ откровенны и не будутъ утруждать и обременять себя миллиономъ китайскихъ церемоній... Неправда ли?..

— Да, я тоже такъ думаю...

— Вотъ и отлично... Мнѣ очень хочется разрушить, уничтожить то тяжелое недоразумѣнiе, которое существуетъ здѣсь...

— Вы очень добры, — тихо промолвилъ Болтовъ.

— Не знаю, но здѣсь мною руководить не доброта, а чисто-эгоистическое желаніе реабилитировать моего мужа и мой домъ... Выслушайте меня, Андрей Ильичъ...

Юлія Павловна опять сѣла къ столу, поближе къ Болтову; говоря, она порою трогала его за руку, и это придало разговору еще болѣе интимности и дружеской близости.

— Мнѣ извѣстно, — говорила молодая женщина, — что вы любили Людмилу Лютневу и быть можетъ, не безъ основаній рассчитывали на взаимность... Какъ бы то ни было, но вы мечтали о счастіи съ нею, и быть можетъ, это счастіе приближалось, было возможно...

— Да, я такъ думалъ, — опять очень тихо и печально проговорилъ Болтовъ.

— Вдругъ появляется на нашемъ горизонтѣ московскій адвокатъ, человѣкъ молодой, красивый, рѣчистый, съ новыми словами, съ проповѣдями...

— Женатый, — добавилъ Болтовъ съ горькою усмѣшкою.

— Да, женатый, но въ то же время соломенный вдовецъ.. Онъ не увлекаетъ дѣвушку, но она увлекается имъ...

— Нѣтъ, онъ увлекалъ ее! — перебилъ Болтовъ горячо, но безъ злобы, безъ раздраженія.

— Такъ ли это, Андрей Ильичъ?

— Такъ, Юлія Павловна... Но я не имѣю на него злобы за это... Да, да, не имѣю, видитъ Богъ!.. Было время, когда я питалъ огромную, дикую злобу, но это продолжалось недолго... Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я ду-

малъ, что человѣкъ этотъ желаетъ обладать Людмилою Васильевною, ну, а потомъ... потомъ я рѣшилъ, что онъ просто „спасаетъ“ ее...

— Спасаетъ?

— Да... Спасаетъ отъ будничной сѣренькой жизни, отъ будничнаго сѣренькаго человѣчка...

Болтовъ опустилъ голову.

— Я и самъ пришелъ къ заключенію, что я будничный человѣкъ, и жизнь моя сѣренькая, маленькая, жалкая... Я пришелъ къ заключенію, что я не смѣю связывать съ собою дѣвушку, которая достойна лучшей участи, которая рождена совсѣмъ не для того, чтобы быть подругою человѣка безъ прошлаго, съ жалкимъ настоящимъ и съ неизвѣстнымъ будущимъ...

Онъ вздохнулъ.

— Бывали минуты, когда я горячо благодарилъ Арсакова за то, что онъ помѣшалъ Людмилѣ Васильевнѣ стать моею женою, — договорилъ онъ. — Меня только мучило то, что она достанется человѣку женатому, не свободному...

— Вотъ это самое важное! — горячо и живо проговорила Юлія Павловна. — Этого-то и не было и не могло быть!.. Понимаете?.. Не могло!..

— Теперь я вижу, что не могло, — замѣтилъ Болтовъ.

— Почему именно теперь?

— Потому... потому что я увидалъ васъ...

— О, это очень лестно!.. Но это не потому, Андрей Ильичъ, а потому, что въ Павлѣ моемъ живетъ Богъ... Да, да, а иначе я никогда не полюбила бы его и не стала бы его женою... Онъ человѣкъ увлекающійся, онъ легкомысленъ, но онъ не порочный человѣкъ...

— Не вы ли сдѣлали его такимъ?.. О, какую огромную силу имѣеть подруга жизни, если она сама чиста и умѣетъ любить и прощать!..

— Несомнѣнно, и быть можетъ, я немного отучила мужа отъ его донъ-жуанскихъ наклон-

постей, но вѣдь добрыя сѣмена принимаются только въ хорошей почвѣ, Андрей Ильичъ... Но не въ этомъ дѣло... Будемъ говорить дальше. Бѣдную Людмилу приревновала къ моему мужу мадамъ Гнуздева и жестоко оскорбила ее, кажется — прямо-таки выгнала изъ дома... Одинокая дѣвушка растерялась, почувствовала себя страшно несчастною и.. и бросилась къ тому, котораго считала лучшимъ изъ людей...

Юлія Павловна дотронулась до руки Болтова. — И она не ошиблась, считая его таковымъ, Андрей Ильичъ!..

Болтовъ виновато опустилъ голову.

— Да, она не ошиблась, — продолжала Юлія Павловна. — Она была принята въ этомъ домѣ, какъ другъ, какъ еестра!..

— Я вижу теперь, что вашъ мужъ—высокоблагородный человѣкъ —проговорилъ Болтовъ.

Тихая радость и быть можетъ, надежда на счастье наполнили существо его; на глазахъ заблестѣли слезы. Онъ наклонился, взялъ руку молодой женщины и горячо поцѣловалъ ее нѣсколько разъ.

— Но она все еще любитъ моего мужа, — сочла нужнымъ сказать Юлія Павловна.

Легкое облачко опять затуманило лицо Болтова.

— Это такъ естественно,—проговорилъ онъ.

— А вы любите ее? — осторожно коснулась молодая женщина этого больного мѣста своего гостя.

— Да, я люблю ее...

— Любите.—она стоитъ этого...

Болтовъ усмѣхнулся.

— О, да, но... но я не стою ея любви...

— А я думаю, напротивъ, ндрей Ильичъ...

Онъ поднималъ на Юлію Павловну глаза.

— Напротивъ?

— Да...

— Спасибо вамъ, но она никогда не раздѣлитъ съ вами этого взгляда...

— Но вѣдь она любила же васъ, вѣдь вы были недалеко отъ того, чтобы подать другъ другу руки...

— Да, но время перемѣнилось, теперь уже не то...

— И этому виною мой мужъ?

Болтовъ провелъ по лицу рукою.

— Да, отчасти...

— Только отчасти?

— Несомнѣнно... еще хорошо, что разочарованіе пришло до того, какъ мы стали мужемъ и женою... Вашъ мужъ открылъ Людмилѣ глаза, и она увидала, что я маленькій, маленький человѣчекъ... Было бы ужасно, если бы это случилось позднѣе...

Юлія Павловна опять тронула его руку.

— Андрей Ильичъ,—начала она,—мы сейчасъ хвалили моего мужа и нашли, что онъ порядочный и честный человѣкъ, теперь мы будемъ бранить его...

— Бранить?

— Да... то есть, не мы, а я, одна я, ну, а потомъ, можетъ быть, и оба...

— Я васъ не понимаю...

— А вотъ послушайте... Я думаю, что мой мужъ, Павелъ Дмитриевичъ Арсаковъ, поступилъ нехорошо, безразсудно и зло...

Болтовъ пристально взглянулъ на нее.

— Тѣмъ, что открылъ глаза Людмилѣ?—спросилъ онъ.

— Тѣмъ, что сказалъ неправду...

— Неправду?..

— Да... Онъ, быть можетъ, поступалъ искренно, но онъ ошибался... Да, да, онъ ошибался!.. Я васъ мало знаю, я васъ вижу въ первый разъ, но я убѣждена, что вы хорошій, добрый.

славный человекъ и что Людмила была бы съ вами счастлива...

— Я опять долженъ сказать, что вы очень добры,—нѣсколько застенчиво выговорилъ Болтовъ.

— Я только справедлива... Я очень сердита на мужа и испорченное имъ дѣло поправляю...

Болтовъ съ мольбою и надеждою посмотрѣлъ на нее.

— Я поправляю его! — настойчиво повторила она. — Я буду свахою, Андрей Ильичъ, и вы должны подарить мнѣ ковровую шаль...

Болтовъ опустилъ голову.

— Ковровую шаль свахамъ дарятъ, насколько мнѣ извѣстно, тогда, когда...

— Когда отпируютъ свадьбу! — перебила его Юлія Павловна.

— Такъ вѣдь ли мнѣ придется расходовать-ся на эту ковровую шаль, Юлія Павловна...

— А вотъ посмотримъ!.. Вамъ извѣстно, что Людмила учительницею у священника?

— Да, я слышалъ... Это вы устроили ее?

— Это устроилъ еще до моего приѣзда Павелъ. Дѣвушка очень довольна, тѣмъ болѣе потому, что на зиму мы ее увозимъ въ Москву...

— Въ Москву?

— Да... Почему бы и вамъ не пожить мѣсяца два въ Москвѣ?.. Вы отдохнете и развлечетесь тамъ, а это дешевле, чѣмъ предполагаемое путешествіе... Мы постараемся, чтобы вы не скучали... Оставайтесь въ Россіи, Андрей Ильичъ, и поживите зиму въ Москвѣ!..

— Это будетъ зависѣть...—началъ онъ и не кончилъ. "

— Отъ того, что скажетъ теперь Людмила?—спросила Юлія Павловна.

— Да...

— А по-моему не такъ...

— А какъ же?

— Мы ничего, ничего не скажемъ ей теперь, ни словомъ не упомянемъ объ этомъ!.. Вы просто захотѣли пожить въ Москвѣ и бываете у насъ, какъ сосѣдъ, какъ знакомый, — это вѣдь такъ естественно... Неправда ли?

— Да, конечно...

— А вотъ тутъ-то сваха и начнетъ зарабатывать коверную шаль!..

Юлія Павловна весело засмѣялась и встала.

— И заработаетъ!—сказала она.

Болтовъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ взглянулъ на нее.

— О, съ какимъ восторгомъ поѣхалъ бы я за нею хоть на край свѣта и привезъ бы сотканную изъ солнечныхъ лучей и вышитую небесными звѣздами!—воскликнулъ онъ.

— Ну, такихъ не носятъ,—а вотъ въ московскомъ магазинѣ вы купите мнѣ, батюшка, купите!..

Очень у ней мило вышла это протяжное „батюшка“, и Болтовъ расцѣловалъ ея руки.

— Лошадь - то прѣхали къ намъ продавать „съ обдуманымъ заранее намѣреніемъ“?—смѣясь спросила она.

— Съ обдуманнымъ заранее намѣреніемъ!..

— Хитрецъ, дипломатъ!.. Ну, а теперь идемъ гулять, я буду показывать вамъ мои владѣнія... Сейчасъ, я только одѣнусь..

Она убѣжала, весело нацѣвая.

XXIX.

Юлія Павловна, проводивъ своего гостя, съ которымъ оба супруга разстались друзьями, просила его прѣхать черезъ три дня.

— Это начинается зарабатываніе „ковровой шали“,—сказала она ему на крыльцѣ.

Болтовъ покачалъ головою.

— Ахъ, Юлія Павловна, не заработать вамъ этой ковровой шали!—промолвилъ онъ.

— А вотъ увидимъ...

Когда Болтсъвъ скрылся за садомъ на своемъ „Зайчикѣ“, Арсаковъ спросилъ у жены, что такое значить „ковровая шаль“.

Юлія Павловна засмѣялась.

— Ты развѣ не знаешь московскаго купеческаго обычая дарить ковровую шаль свахѣ?

— А вотъ въ чемъ дѣло!—усмѣхнулся Арсаковъ.

— Ну, какъ же ты думаешь, — заработаю я эту ковровую шаль или нѣтъ?

— Мудрено, моя милая, отвѣтить что нибудь на это...

— Почему?

— Да вѣдь говорятъ, что разъ оборвавшаяся любовь никогда не возобновится... Это вотъ все равно, если ниточку порвать,—и можно ее соединить, да только узелокъ будетъ...

Черезъ три дня приходился праздникъ, и Юлія Павловна послала Людмилѣ записочку съ просьбою провести этотъ праздникъ въ „Тополькахъ“.

Дѣвушка съ удовольствіемъ воспользовалась этимъ приглашеніемъ и пріѣхала въ назначенный день.

— Ахъ, какъ было хорошо ѣхать!—говорила Людмила, поздоровавшись съ Юліей Павловной.— Знаете, дорогая Юлія Павловна, чѣмъ больше я живу въ деревнѣ, тѣмъ больше и больше она мнѣ нравится и тѣмъ больше и больше нахожу я въ ней прелести. Если деревня хороша ранней весной, то она восхитительна лѣтомъ и если восхитительна лѣтомъ, такъ полна своеобразной прелести вотъ теперь, съ наступленіемъ осени. Вы себѣ представить не можете, какое было сегодня утро и какъ хороши начинающіе желтѣть лѣса, этотъ прозрачный воздухъ,

эта „отаябшая“, какъ выражаются мужики, вода, эти печальныя пѣсенки остающихся на зиму птицъ.. Все это удивительно хорошо!.. Я боялась дурныхъ, непогожихъ осеннихъ дней, но оказывается, что и они имѣютъ свою прелесть...

— Даже и они, осенніе непогожіе дни?

— Да, да, даже и они... Тутъ какъ-то стояло нѣсколько очень дурныхъ дней, холодныхъ, дождливыхъ, съ сильнымъ вѣтромъ, но я одѣлась теплѣе, пошла гулять, нагулялась досыта, наслушалась, какъ гудитъ печальный лѣсъ, насладилась видомъ бушующей рѣчки, прозябла, и тогда маленькія комнатки отца Андрея показались мнѣ раемъ... Кипитъ самоварчикъ, горитъ спускающаяся съ потолка лампа, и такъ хорошо было пить чай съ кипяченымъ молокомъ, съ домашними лепешками, бесѣдовать и прислушиваться къ сердитому вою вѣтра... Зима, должно быть, тоже хороша въ деревнѣ, и хотя я очень рада тому, что мы поѣдемъ съ вами въ Москву, но съ удовольствіемъ провела бы нѣсколько дней въ деревнѣ...

Юлія Павловна бросила многозначительный взглядъ на мужа.

— Что вы такъ посмотрѣли на Павла Дмитревича?—спросила Людмила.

— Такъ, ничего...

Дѣвушка не поняла значенія этого взгляда и слегка покраснѣла, думая, что Юлія Павловна этимъ значительнымъ взглядомъ намекала на что нибудь прежнее.

Дѣвушка вообще чувствовала себя не особенно легко съ Арсаковыми.

„Прежняго“ ничего не осталось, но ей казалось, что Юлія Павловна все еще думаетъ что-то и, быть можетъ, только притворяется, что все забыла, все простила.

Молодая женщина замѣтила нѣкоторую нелов-

кость въ своей гостѣ и постаралась своею нѣжною ласкою удалить эту неловкость.

Она повела немного озябшую съ дороги гостью въ столовую, куда уже былъ поданъ самоваръ.

— А у насъ сегодня будетъ гость!—сообщила Юлія Павловна, разливая чай.

— Господинъ Лбовскій?

— О, нѣтъ... Богъ съ нимъ... Нѣтъ, не Лбовскій, а другой,—вашъ знакомый...

Людмила вопросительно посмотрѣла на нее.

— Не угадали?

— Нѣтъ, не угадала...

— Андрей Ильичъ Болтовъ.

Дѣвушка сперва вскинула глазами на Юлію Павловну, потомъ опустила ихъ, и легкая краска залила ея нѣжное личико.

— Ахъ, вотъ кто... Андрей Ильичъ,—промолвила она.

— Что-жъ, это пріятный для васъ гость или нѣтъ?—спросила Юлія Павловна.

— Да, я рада его видѣть... А только...

— Что?

— Нѣтъ, ничего, такъ...

Людмила замѣтно волновалась все утро, должно быть не зная, какъ она встрѣтится съ Болтовымъ, какъ будетъ разговаривать съ нимъ, какія отношенія у нихъ установятся.

Вспомнила она и тотъ „страшный визитъ“ Болтова, при которомъ она присутствовала.

Вспомнила она и все, что происходило такъ недавно въ этихъ мѣстахъ,—вспомнила и вздохнула.

Когда накрывали столъ для завтрака, мимо оконъ гостиной, гдѣ сидѣли Юлія Павловна съ Людмилой, мелькнула фигура всадника.

— Это онъ, Болтовъ,—сказала Юлія Павловна, стараясь произнести это самымъ равнодушнымъ голосомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и голоса Арсакова и Болтова.

Они громко о чемъ-то разговаривали, смѣялись и, продолжая разговаривать и смѣяться, вошли въ гостиную.

Болтовъ остановился на полусловѣ и словно замеръ на своемъ мѣстѣ.

Это замѣшательство, это волненіе продолжалось нѣсколько секундъ, потомъ Болтовъ оправился и подошелъ по-дороваться къ Юліи Павловнѣ.

Затѣмъ онъ сдѣлалъ полуоборотъ и низко поклонился Людмилѣ.

Лице его было блѣдно, губы вздрагивали.

— Здравствуйте, Андрей Ильичъ, — проговорила дѣвушка, подавая ему руку.

Она была тоже сильно волнована, и лицо ея облѣдѣло.

— Нѣтъ-съ Андрей Ильичъ, вы никогда не разстанетесь съ вашимъ „Зайчикомъ“, — продолжалъ Арсаковъ начатый разговоръ. — Это, батюшка, такая лошадь, которой нѣтъ...

— Да, это очень хорошая лошадь... — отвѣтилъ Болтовъ, все еще охваченный волненіемъ.

Арсаковъ умышленно ~~хотѣлъ~~ продолжать начатый разговоръ, чтобы вывести своихъ гостей изъ неловкаго, тяжелаго положенія.

— А вы развѣ хотѣли продать „Зайчика?“ — спросила Людмила.

Болтовъ смѣшался еще больше.

— Да, думалъ одно время, Людмила Васильевна...

— Почему?

— Да такъ... Я собственно думалъ уѣзжать.

Неловкость продолжалась бы очень долго, если бы горничная не пришла сообщить, что поданъ обѣдъ.

— Павелъ, — обратилась Юлія Павловна къ

мужу,—наши милые гости простятъ тебя, если ты останешься вѣренъ своей деревенской привычкѣ и немного подремлешь послѣ обѣда... Ступай, милый, не нарушай своихъ привычекъ. Ты вѣдь ужъ старичекъ у меня, а старичку такъ хорошо подремать послѣ обѣда...

— Я собственно и тутъ немножко дремлю, по правдѣ сказать, — смѣясь, отвѣтилъ Арсакъ. — Но если гости разрѣшать, я действительно пойду и усну нѣсколько минутъ...

Онъ всталъ и поклонился гостямъ.

— Извините меня, дорогіе, извините меня, какъ старика, въ каковыя произвела меня моя супруга...

Онъ удалился. *

Потрескивалъ въ каминѣ огонь, спускавшійся съ потолка пунцовый фонарикъ разливалъ по комнатѣ мягкій полусвѣтъ, за окнами въ саду бушевалъ поднявшійся вѣтеръ, шумѣли деревья своими пожелтѣвшими листьями, и порою эти листья летѣли и слегка ударялись въ стекла, какъ капли дождя.

Воцарилась тишина, воцарилось полное молчаніе.

Юлія Павловна кошечкою свернулась на своемъ любимомъ большомъ креслѣ и щурила глаза, тоже какъ кошечка.

— Тихій ангелъ пролетѣлъ,—промолвила Людмила, прислушиваясь къ тишинѣ.

— Да, тихій ангелъ пролетѣлъ, — повторила Юлія Павловна.

Болтовъ посмотрѣлъ на нее, и она въ этомъ взглядѣ поймала желаніе, чтобы она оставила его съ Людмилой одного.

— Однако, я тоже, должно быть, стала въ деревнѣ старухой,—сказала, смѣясь, Юлія Павловна.—Вѣдь еще немножко, и я засну здѣсь въ креслѣ.

— Такъ что же, Юлія Павловна, — отвѣтила Людмила, — ступайте, отдохните...

— Нѣтъ, милочка, не слѣдуетъ себя такъ баловать. Это я только Павлу разрѣшаю, да и то лишь въ деревнѣ... А я, чтобы разогнать сонъ, пойду готовить наше вечернее чаепитіе, которое имѣетъ свою прелесть, какъ и вотъ это сидѣніе предъ каминомъ въ полумракѣ... Черезъ нѣсколько минутъ я васъ позову пить чай...

Она тоже, какъ кошечка, потянулась, вскочила и выпорхнула изъ комнаты.

Болтову о многомъ хотѣлось поговорить съ Людмилою, но когда онъ остался съ ней вдвоемъ, когда имъ ничто не мѣшало приступить къ разговору, онъ не нашелъ въ себѣ достаточно силъ сказать то, что ему хотѣлось сказать, и произнесъ какую-то незначительную фразу о погодѣ, о деревенской жизни, о грядущей осени.

— А вы не любите осень? — спросила Людмила.

— О, нѣтъ, наоборотъ, я ее очень люблю... Я люблю есѣ времена года одинаково и мнѣ при моихъ маленькихъ достоинствахъ природа дала одно—очень крупное на мой взглядъ...

— А именно?

— А вотъ умѣніе находить какъ въ каждомъ времени года, такъ и во есѣхъ обстоятельствахъ свою прелесть... Да вѣдь оно такъ и есть, Людмила Васильевна, вѣдь также въ горѣ есть что-то такое, что иногда привлекаетъ къ нему...

Дѣвушка ничего не отвѣтила и скрестила на груди руки.

— Что касается осени, мнѣ и она нравится,—начала она.—Я боялась ея приближенія, но когда она пришла, когда она совсѣмъ близка, я вижу, что она не только не ужасна, а, на-

противъ, имѣть много пріятельнаго... Вотъ я не знаю, какъ я встрѣчу осень жизни...

— О, вамъ еще далеко до осени жизни...

— И далеко, и нѣтъ... Время летитъ такъ быстро, Андрей Ильичъ, что прямо его не замѣчаешь... Вѣдь вотъ такъ недавно я была у Гнуздовыхъ, такъ недавно встрѣчали мы весну и вотъ уже пролетѣло лѣто, идетъ осень, а тамъ зима, опять весна, и такъ быстро, быстро пролетитъ время до той поры, когда наступитъ и моя личная осень...

Болтовъ всталъ, прошелся по комнатѣ, хотѣлъ сѣсть поближе къ дѣвушкѣ, но остановился на секунду и сѣлъ на прежнее мѣсто.

Ему хотѣлось сказать нѣчто значительное, нѣчто важное, но онъ рѣшительно таки противъ желанія своего проговорилъ:

— А что у васъ вышло съ Гнуздовой?

Спросилъ и испугался, ибо это показалось ему очень неловкимъ, очень безтактнымъ.

Дѣвушка провела по лицу рукою.

— Нѣчто столь же глупое, сколь и дикое, — отвѣтила она. — Мадамъ Гнуздева влюбилась въ Павла Дмитріевича Арсакова, приревновала меня къ нему, сдѣлала мнѣ сцену и прогнала изъ своего дома, какъ прогоняютъ провинившуюся горничную... Больше ничего не было.

Болтовъ всталъ и сѣлъ рядомъ съ нею.

— А вы любите Арсакова? — спросилъ онъ опять противъ своего желанія.

Дѣвушка не удивилась на этотъ вопросъ и онъ не показался ей ни страннымъ, ни слишкомъ смѣлымъ. Слово братъ съ нею разговариваетъ.

Она посмотрѣла на Болтова, подумала немного и отвѣтила:

— Да, я полюбила его...

— И любите?..

— Люблю какъ хорошаго знакомаго...

Людмила закрыла лицо руками.

— Это было что-то мимолетное, — начала она. — Я увлеклась имъ, очень увлеклась... Я...

Она не договорила и встала.

— Теперь все это кончилось, все это прошло... Быть можетъ, потому кончилось и прошло, что я узнала Юлію Павловну... По-моему, такую женщину, какъ она, нельзя промѣнять ни на кого...

— Да, она чудная женщина...

Людмила постояла минуту, опбршись о спинку стула, и тихо пошла изъ комнаты.

— Вы уходите, Людмила Васильевна? — спросилъ онъ.

— Да, я хочу помочь хозяйничать Юліи Павловнѣ...

Болтовъ протянулъ къ ней обѣ руки.

— А не посидите ли вы здѣсь нѣсколько минутъ? — тихо-тихо спросилъ онъ. — Еще нѣсколько минутъ... Мнѣ такъ хотѣлось бы поговорить съ вами, и мы такъ давно-давно не говорили...

Людмила сдѣлала къ нему шагъ, взяла его руки и пожала ихъ.

— Я очень рада съ вами встрѣтиться, Андрей Ильичъ, — радушно сказала она и сѣла съ нимъ рядомъ.

А онъ не зналъ, что говорить.

Онъ держалъ ея руки, смотрѣлъ ей въ глаза и не то чтобы придумывать какія нибудь слова, а просто словно забылся. Ему было такъ пріятно держать эти нѣжныя-маленькія трепетавшія ручки...

XXX.

Столовая была освѣщена большою лампою, которая спускалась съ потолка. Кипѣлъ ярко вычищенный самоваръ, и Юлія Павловна суети-

лась около него, приготовляя вечернее чаепитіе, которое въ семейномъ благоустроенномъ домѣ всегда особенно симпатично и которое дѣлаетъ семейный очагъ особенно пріятнымъ.

За темными окнами осенняя ночь. Тамъ, должно быть, темно, неуютно, сыро и пасмурно, шумить вѣтеръ деревьями, а въ столовой такъ весело, нарядно, тепло и уютно. Самоваръ поетъ свою веселую бодрую пѣсенку, въ унисонъ ему отбиваютъ часы, звенятъ въ стаканахъ серебряныя ложечки, льется ароматъ чаю, кипяченыхъ сливокъ, сдобныхъ крендельковъ...

Вошелъ Арсаковъ, слегка пожевывая.

— Изволили отдохнуть?—обратилась къ нему съ улыбкою Юлія Павловна.

— Да...

— Ничего, мой милый...

Арсаковъ сѣлъ къ столу и закурилъ свою обычную предъ чаемъ папирску.

— А гдѣ же наши милые гости?—спросилъ онъ.

Юлія Павловна приложила палецъ къ губамъ.

— Тсс... Они тамъ...

Она показала на гостиную.

— Что же ведутъ интересный разговоръ, должно быть?—вполголоса спросилъ Арсаковъ.

— Да, вѣроятно...

— И ты, быть можетъ, въ эти самыя минуты зарабатываешь свою ковравую шаль? — съ улыбкой продолжалъ Арсаковъ.

— Весьма возможно...

— Хорошо бы, Юлія, если бы ты заработала эту шаль... Я не сомнѣваюсь, что эти милые люди будутъ счастливы, если сочетаются бракомъ... Людмила не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя ищутъ широкой и шумной общественной дѣятельности. Было время, когда она...

Арсаковъ не договорилъ и улыбнулся.

— Что?—спросила Юлія Павловна.

— Я хотѣлъ сказать, что было время, когда она подѣ влияніемъ зажигательныхъ рѣчей нѣкоего проповѣдника мечтала о широкой дѣятельности, но это было временное, и въ концѣ концовъ Людмила, по моему мнѣнію, приспособлена къ семейнымъ радостямъ, къ хорошей семейной жизни.

— Несомнѣнно...

Юлія Павловна прислушалась. Изъ соеѣдней комнаты слышались шаги.

Въ столовую вошелъ Болтовъ. Уже по одному взгляду на него Арсаковы поняли, что онъ не только объяснился съ Людмилою, но и сдѣлалъ ей предложеніе, и предложеніе это было принято.

Болтовъ точно выросъ и, казалось, что онъ не идетъ обыкновенными шагами, а точно летитъ, точно у него крылья за плечами. Выразительное лицо его все сіяло восторгомъ, на глазахъ блистали слезы радости.

Онъ что-то проговорилъ, за что-то поблагодарилъ обоихъ хозяевъ, потомъ сѣлъ, опять всталъ, прошелся по комнатѣ, подошелъ къ Юліи Павловнѣ и взялъ ея руку.

— Вы... вы заработали коверную шаль!..—смѣялся счастливымъ смѣхомъ, сказалъ онъ.—Какъ я вамъ благодаренъ, какъ я благодаренъ, дорогая, милая, Юлія Павловна!..

Онъ вскочилъ, бросился къ Арсакову и обнялъ его.

— И вамъ я благодаренъ, и вы — хорошій, славный, милый человѣкъ... Боже, какъ я счастливъ, какъ я глупо, какъ я смѣшно счастливъ!..

Онъ смѣялся, плакалъ, принимался цѣловать руки Юліи Павловны и обнимать Арсакова.

Его поздравили.

— А гдѣ же Людмила?—спросила Юлія Павловна.

— Она тамъ... Оставьте ее, пусть она придетъ въ себя...

Ему предложили чаю, и онъ принялся было за него, но обжегъ губы, хлебнувъ прямо изъ стакана, засмѣялся, отодвинулъ стаканъ, выпилъ холодной воды и схватилъ лежавшую на стулѣ шляпу.

— Я пойду на воздухъ, я не могу, я задыхаюсь!—говорилъ онъ. — Я не знаю, что мнѣ дѣлать отъ радости!..

Онъ, какъ сумасшедшій, вышелъ изъ комнаты.

Скоро вошла и Людмила. На ея лицѣ не было такого восторга, но оно свѣтилось тихой и покойной радостью, и видно было, что дѣвушка чувствовала себя въ положеніи плывца, который послѣ бурнаго плаванія достигъ тихой пристани.

Она подошла къ Юліи Павловнѣ, крѣпко-крѣпко обняла ее и поцѣловала.

— Васъ можно поздравить, Людмила Васильевна?—обратился къ ней Арсаковъ.

— Да, можно...

— Ну, поздравляю васъ и желаю вамъ счастья... Желаю вамъ счастья и совершенно увѣренъ, что вы нашли его...

Людмила опустилась въ кресло не у самаго стола, а немного поодаль. Она провела по лицу рукою, откинулась на спинку кресла и нѣсколько минутъ помолчала.

— Да, Павелъ Дмитриевичъ, мнѣ думается, что я буду счастлива,—заговорила она.

— Несомнѣнно такъ, моя милая, — сказала Юлія Павловна и подозвала Людмилу къ себѣ!— Садитесь вотъ тутъ, пейте чай и рассказывайте намъ, какъ это вышло...

Людмила повиновалась.

— Вышло это совсѣмъ просто, совсѣмъ обыкновенно. Онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мою

руку, сперва молча сидѣлъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ сказалъ какую-то незначительную и не относящуюся къ дѣлу фразу, а потомъ прямо сказалъ, что онъ меня любитъ, любитъ даже больше, чѣмъ когда либо, и проситъ моей руки...

Дѣвушка провела по лицу рукою.

— Я не долго думала,—продолжала она,—я даже совсѣмъ не думала, а отвѣтила на его пожатіе и сказала, что я согласна. Думаетъ мнѣ, что я не ошиблась въ своемъ выборѣ...

— Конечно, нѣтъ!—съ убѣжденіемъ проговорила Юлія Павловна.—Я очень мало знаю Болтова, но онъ весь какъ на ладонкѣ, и видно, что онъ хорошій, милый и очень добрый человекъ...

— Мы поздравимъ жениха и невесту какъ слѣдуетъ, выпьемъ за ихъ здоровье и пожелаемъ имъ полного счастья, котораго они заслуживаютъ,—говорилъ Арсаковъ, который чувствовалъ себя счастливымъ потому, быть можетъ, что онъ, смутивъ такъ недавно покой дѣвушки, боялся, что покой этотъ долго не придетъ къ ней, и дѣвушка долго еще будетъ волноваться внутренними ей мыслями и страдать отъ несбывшихся надеждъ.

Въ окно смотрѣла сумрачная осенняя ночь, но всѣмъ обитателямъ арсаковскаго дома было такъ свѣтло и радостно, что не замѣчали они сумрака этой осенней ночи.

А осень быстро начала входить въ свои права. Послѣ яркаго и очень теплаго „бабьяго лѣта“ наступили холода, потомъ пошли дожди, и природа заплакала осенними слезами, готовясь заснуть до грядущей весны.

Арсаковы собрались въ городъ, но рѣшили сперва отпраздновать свадьбу Болтова.

Болтовъ все это время гостилъ у нихъ въ

„Тополькахъ“, отправляясь къ себѣ домой только на нѣсколько часовъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для вѣнчанія, которое совершать долженъ былъ отецъ Андрей, Людмила ушла къ себѣ въ комнату раньше обыкновеннаго, находясь въ томъ приподнятомъ, торжественномъ настроеніи, въ какомъ всегда бываетъ невеста наканунѣ дня свадьбы.

Сѣли ужинать безъ нея.

Незадолго передъ ужиномъ Арсаковы о чемъ-то долго бесѣдовали вдвоемъ, сидя въ кабинетѣ, и теперь за ужиномъ сообщили о результатахъ своего совѣщанія.

— Знаете что, Андрей Ильичъ, — обратился Арсаковъ къ Болтову, выпивъ свою обычную рюмку водки. — Мы съ Юліей сейчасъ вотъ толковали довольно долго и пришли къ заключенію, что вамъ не зачѣмъ возвращаться въ вашъ одинокій маленькій домикъ...

Болтовъ посмотрѣлъ на него.

— Вы хотите, чтобы я погостилъ до весны въ вашемъ домѣ? — спросилъ онъ. — Вы, вѣроятно, думаете, что моя келья покажется Людмилѣ очень маленькой и бѣдной послѣ этихъ милыхъ, уютныхъ комнатъ топольковского дома, да?..

— Не совсѣмъ такъ... Видите ли, мы думаемъ пригласить васъ быть управляющимъ нашего имѣнія...

Болтовъ насторожился.

— Выслушайте, — продолжалъ Арсаковъ. — Во-первыхъ, мы, а въ особенности я, вашъ покорнѣйшій слуга, — хозяева дурные, да и врядъ ли у меня надолго хватить терпѣнія жить въ деревнѣ, — я вѣдь преимущественно городской житель. Да и профессія моя мнѣ нравится, а для того, чтобы отдаться ей всецѣло, я, конечно, долженъ жить въ самомъ центрѣ... Между тѣмъ, какъ мнѣ, такъ и въ особенности Юліи хочетъ

ея, чтобы наши „Топольки“ росли и цвѣли... Вы, го-первыхъ, такой усердный хозяинъ, а вторыхъ, такъ любите это дѣло, что приложите къ нему все ваше стараніе и, сдѣлавъ „Топольки“ цвѣтущимъ уголкомъ, то есть, вполне осчастлививъ насъ, будете заниматься своимъ любимымъ дѣломъ, причемъ масштабъ этого дѣла значительно расширится... Думаю, что мы достаточно узнали другъ друга для того, чтобы вѣрить другъ другу, и если вы согласитесь, такъ дѣло лишь въ условіяхъ, ну, а я полагаю, что въ условіяхъ мы съ вами сойдемся...

Болтовъ немного задумался.

— Видите ли, милый Павелъ Дмитріевичъ,— началъ онъ.—Это предложеніе очень заманчиво и пріятно, а только мнѣ немножко жаль бросить и свой уголокъ...

— Кто же вамъ мѣшаетъ оставить его за собою?—возразилъ Арсаковъ.—У васъ тамъ будетъ хорошій работникъ, вы будете навѣщать вашъ уголокъ довольно часто, хотя каждый день, и если когданибудь мы поссоримся другъ съ другомъ или если вамъ надоѣстъ быть „услужающимъ“, такъ вы съ гордымъ, самостоятельнымъ видомъ потребуете у меня расчетъ и переселитесь въ свой уголокъ, который къ тому времени тоже зацвѣтетъ и приметъ надлежащій видъ...

— Я васъ очень прошу объ этомъ,—вступила въ разговоръ Юлія Павловна.—Я люблю свои „Топольки“, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы они процвѣтали, между тѣмъ какъ Павелъ,—я ужъ теперь отлично вижу это,—не выдержитъ настоящей деревенской жизни... Вотъ еще, ничего не видя, лишь при началѣ осени, онъ уже захандрилъ, и его тянетъ въ городъ... Я думаю что на будущее лѣто онъ захочетъ поѣхать за границу, а потомъ и совсѣмъ охладѣетъ къ дере-

венской жизни: къ жизни помѣщика... Вы же тутъ будете чувствовать себя превосходно...

— О, да, тутъ есть надъ чѣмъ поработать, да и Людмилѣ это понравится...

— Такъ зачѣмъ же дѣло стало?..

— А Людмилѣ вы объ этомъ ничего не говорили, Юлія Павловна?

— Говорила и она въ восторгѣ, но не знаетъ, какъ посмотрите на это вы...

— А если такъ, то мнѣ остается только поблагодарить васъ и принять ваше предложеніе...

— Ну, а объ условіяхъ мы поговоримъ завтра и, конечно, сойдемся...

И они сошлись.

На другой день отецъ Андрей въ маленькой церкви своей обвинчалъ Болтова и Людмилу, и „молодые“ вмѣстѣ съ Арсаковыми вернулись въ домъ, гдѣ весь штатъ прислуги встрѣтилъ ихъ съ поздравленіями, а садовникъ поднесъ „молодой“ букетъ цвѣтовъ собранныхъ изъ уцѣлѣвшихъ еще кое-гдѣ клумбъ и куртинокъ.

Арсакова дѣйствительно сильно тянуло въ Москву, и онъ не прочь былъ уѣхать на другой же день послѣ свадьбы, но Юлія Павловна просила его остаться на нѣсколько дней, чтобы „молодые“ приыкли къ своей новой обстановкѣ.

— Очень ужъ рѣзко переменится ихъ жизнь, — говорила она. — Все были вмѣстѣ, все вчетверомъ, да еще отецъ Андрей пріѣзжалъ, а то вдругъ останутся они вдвоемъ и, пожалуй, заскучаютъ...

— Молодые-то? — засмѣялся Арсаковъ. — Что ты, милая?.. Да они не заскучали бы и на необитаемомъ островѣ...

Дѣйствительно, „молодые“ не заскучали, когда Арсаковы уѣхали.

Но это было именно на нѣсколько часовъ.

Болтовъ и Людмила, крѣпко расцѣловавшись съ уѣзжающими, проводили ихъ до околицы, потомъ поцѣловались еще разъ, смотрѣли вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока коляска скрылась за поворотомъ дороги, и, держась за руки, тихо вернулись домой.

Уѣзжала съ господами часть прислуги, уѣзжали часть вещей, кое-гдѣ по комнатамъ виднѣлись слѣды уѣхавшихъ, въ видѣ разбросанныхъ листовъ бумаги, грязныхъ слѣдовъ носильщиковъ, которые укладывали вещи, и въ общемъ все говорило о томъ, что изъ дома кто-то уѣхалъ, а день былъ такой пасмурный, скучный, изъ тяжелыхъ тучъ моросилъ дождь. Однимъ словомъ, все настраивало на самыя грустныя мысли, но „молодые“ были грустны недолго.

— Вотъ мы и одни, Людмила,—сказалъ Болтовъ, ходя съ женою по всѣмъ комнатамъ опустѣвшаго дома.

— Да...

— И тебѣ скучно?

Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно... Мнѣ думается, Андрей, что здѣсь, въ этомъ опустѣвшемъ теперь домѣ, я найду великій покой для души и найду счастье...

Она взяла обѣ руки мужа и крѣпко - крѣпко пожала ихъ.

— Милый мой,—начала она,—я выходила за тебя безъ пылкой любви, безъ влюбленности, но я шла къ тебѣ съ вѣрою и знаю, что не ошиблась... И думается мнѣ, что пылкая страсть, влюбленность не нужны для полного счастья...

— Да, и я это думаю, Людмила, но я боюсь, лишь одного...

— Чего?—спросила Людмила.

— Я боюсь, что та жизнь, которую мы избрали, то есть, жизнь въ деревнѣ, жизнь земледѣльца не придется тебѣ по душѣ... Я, ко-

нѣчно, по первому твоему зову пойду съ тобою куда тебѣ угодно, но долженъ сказать, что избранная мною жизнь нравится мнѣ и сулитъ мнѣ много радостей...

— Я тоже такъ думаю... Я еще не прониклась такимъ страстнымъ желаніемъ деревенской жизни, какое имѣешь ты, но мнѣ думается, что я тоже скоро буду смотрѣть на вещи твоими глазами... Вѣдь если подумать, такъ эта жизнь во сто кратъ полнѣе и содержательнѣе пустой, мелкой, эгоистичной и совсѣмъ-таки невеселой жизни въ городѣ...

— И ты не ошибаешься, Людмила,—съ убѣжденіемъ отвѣтилъ Болтовъ. — Я могу завѣрить тебя, что здѣсь ты найдешь удовлетвореніе всѣхъ твоихъ потребностей... А я употреблю всѣ усилія, чтобы жизнь твоя была полна и радостна...

Они обнялись и подошли къ окну.

За окномъ было не весело, но души и Болтова, и Людмилы, были переполнены радостью, и въ сердцахъ ихъ воскресала, несмотря на этотъ пасмурный осенній день, свѣтлая, торжественная весна...

А. Пазухинъ.

2007054479